

Волков Александр Мелентьевич. «Скитания»

Повесть о детстве и юности Джордано Бруно, гениального астронома эпохи Возрождения.

Часть первая
Детство

Глава первая
«Старик» сердится

Густая, давящая тьма южной ночи то и дело освещалась багровыми вспышками пламени. Снопы огня, вылетающие из кратера, показывали Фелипе дорогу. В темноте он не смог бы ее найти: тропка вилась среди камней, застывших потоков лавы, сугробов пепла, скрывавших провалы в крутом склоне Везувия.

И все же мальчик упорно взбирался к самому краю кратера, туда, где за гребнем в огромной воронке клочкотала лава.

Небо покрывали темные, страшные тучи, прорезаемые зигзагами молний. Но грома не было слышно: его заглушал могучий низкий рокот вулкана. Из туч, как хлопья грязного снега, сыпался горячий серый пепел. Он обжигал непокрытую кудрявую голову мальчика, шею, голые ноги. Фелипе ежеминутно стряхивал с себя пепел, а широко раскрытые синие глаза мальчугана всматривались вперед, выбирая дорогу.

Какой длинной и жуткой представлялась теперь дорога, по которой Фелипе с товарищами много раз поднимались к жерлу Везувия! Тогда, при блеске солнца, под безоблачным небом, путь от селения до вершины кратера проходил незаметно. Но сейчас... когда склон горы под ногами содрогался от подземных взрывов, когда смена мрака и вспышек вулканического огня утомляла зрение, а дым щипал глаза... сейчас было иное дело. И все-таки...

«Вперед, Фелипе, вперед! Ты же не трус!..»

Раздался оглушительный удар, перед мальчиком возникла расщелина в земле, и из нее вылетел столб едких серных паров. При свете молнии, блеснувшей над головой, Фелипе перепрыгнул через препятствие.

«Ничего, ничего, – упрямо думал Фелипе, – пусть попробует пробраться к кратеру Луис-испанец...»

Смелый и изобретательный на всякие шалости, Филиппо Бруно в свои десять лет был признанным предводителем мальчишек Сан-Джованни ди Ческо. Этот крохотный пригород Нолы раскинулся у подножия горы Чикала, за городской стеной, но его жители с гордостью называли себя ноланцами.

В виноградниках и садах, окружавших Сан-Джованни, в тенистых рощах на склонах Чикалы, в оврагах у ее подножия ребятам было раздолье. Веселая гурьба мальчишек забиралась в сады, совершала набеги за арбузами и дынями, а управившись с добычей, компания разбивалась пополам, и грозные блюстители правосудия с гиком преследовали кровожадных бандитов.

Когда за налеты на чужие владения виновникам переппадали чересчур большие порции розог, обиженные уходили на Везувий. С его вершины открывался чудесный вид. На северо-востоке рисовались белые стены Нолы, левее выглядывали из густых рощ Помильяно д'Арко, Ачерра, еще левее виднелись Касория, Афрагола, Кайвано... Эту благодатную землю люди густо заселили с незапамятных времен.

На юге нестерпимой синевой блестело море, а на востоке будто прямо из залива поднимались башни и дворцы Неаполя.

Неповторимый, чудесный край! Неизгладимо запала его красота в душу Фелипе, и через всю жизнь он пронес ее с собой.

Налюбовавшись знакомыми, но никогда не надоедавшими картинами, Бруно спускался в кратер и шел, пока почва не начинала жечь ноги сквозь толстые деревянные подошвы башмаков.

Испуганные товарищи кричали:

– Назад, Фелипе, вернись! Дождешься, что унесут тебя черти!

Среди жителей Неаполя и окрестных городов ходила молва, что жерло Везувия – прямой спуск в ад.

Фелипе, посмеиваясь над трусостью товарищей, возвращался. Он уже знал от отца, что это сказки.

Осенью 1557 года в Нолу на должность барджелло – капитана городской стражи – приехал испанец Диего Ромеро. Испанские завоеватели, под властью которых уже больше ста лет находился Неаполь, не доверяли итальянцам и даже незначительные посты замещали своими людьми.

У Диего Ромеро оказался сын Луис, долговязый мальчишка года на полтора старше Фелипе. Появившись в Ноле, Луис быстро освоился с новой обстановкой и собрал компанию товарищей – детей богатых дворян, купцов, судовладельцев.

Команде Луиса наскучило играть на тесных улицах Нолы и в развалинах древнего амфитеатра, и ребята выбрались за город. А где найти лучшее место для игр, чем склоны Чикалы, заросшей оливками и апельсиновыми рощами, и овраги у ее подножия, в глубине которых выбивались из-под земли прозрачные родники? Но сан-джованнские мальчишки считали Чикалу своей исконной вотчиной, где играли в детстве их отцы и деды.

Между двумя мальчишескими шайками разгорелась настоящая война с наступлениями и отступлениями, с засадами и битвами, когда обильно лилась кровь из расквашенных носов.

Несколько месяцев борьбы не принесли перевеса ни той, ни другой стороне, и решено было покончить дело единоборством вождей: кто победит, тот и будет владеть Чикалой с окрестностями. Дважды сходились соперники. Луис был старше Фелипе, сильнее его, но Филипе превосходил противника ловкостью и выносливостью. Схватки окончились вничью.

И тогда Фелипе Бруно предложил необычный способ решить спор, заставив содрогнуться даже самых смелых.

В конце марта Везувий, до того мирно курившийся в продолжение многих лет, вдруг проснулся. Стены домов не только в близких местечках Сан-Джузеппе Везувиано и Портичи, но даже в Неаполе и Ноле дрожали от подземных толчков. Дым из вулкана поднимался столбом и растекался по небу плотным облаком, напоминавшим крону пинии чудовищных размеров. Вода в колодцах начала пересыхать – верный признак близости извержения.

По ночам над кратером тревожно дрожало зарево. Оно возвещало, что раскаленная лава поднимается из земных недр и, быть может, близок день, когда, перевалив через гребень кратера, она медленным, неумолимым потоком двинется на людские жилища, сады, виноградники.

Седобородые деды вспоминали 1500-й год.

– Начиналось так же, – говорили они. – Старик сердился, пыхтел, дымил, а потом начал плевать лавой, сжег Сан-Джузеппе Везувиано и тысячи садов. Тогда лава двигалась на восток, но что помешает ей пробить кратер на севере и хлынуть на Нолу или же наоборот, прорваться к югу, на Торре-Аннунциату?..

В церквах служили молебны патрону Неаполя, святому Дженнаро. Верующие просили покровителя походатайствовать перед Богом, чтобы тот укротил ярость подземных сил.

Страх владел сердцами. И днем и в ночное время люди выходили из домов посмотреть, нет ли признаков близкого извержения.

И в такое грозное время этот сумасшедший Фелипе Бруно предложил Луису Ромеро:

- Поднимешься ночью к кратеру Везувия?
- А ты? – ответил вопросом Луис.
- Я поднимусь!

Враждующие команды стояли одна против другой с атаманами впереди. Луис Ромеро, высокий, с длинным смуглым лицом и крючковатым носом, с острым выдающимся подбородком, напряженно думал. Мальчик верил, что нечистые духи поднимаются из ада через кратер Везувия. Взобраться на вулкан ночью, когда адские силы особенно могущественны, когда от них не отобьешься ни молитвами, ни заклинаниями... Но отказаться ему, испанцу, представителю гордой расы победителей?..

И Луис, дрожа от страха и ярости, глухо вымолвил:

– Принимаю вызов!

Бросили жребий. Идти первому выпало Фелипе.

Перед закрытием городских ворот сторонники Ромеро, выбравшись из домов под благовидными предлогами или удрав тайком, двинулись к Сан-Джованни ди Ческо. У подножия Чикалы их дожидалось воинство Фелипе. Возмущенные ребята смешались в одну толпу и вполголоса разговаривали об удивительном поединке Фелипе Бруно и Луиса Ромеро.

После долгого пути черным провалом встало впереди ущелье. В его темноту и прохладу спускались гуськом, старшие поддерживали и ободряли младших. Однако, когда выбрались наверх и зарево недалекого вулкана осветило мальчишек, оказалось, что многие, воспользовавшись мраком, отстали и теперь, конечно, улепетывают домой.

Отсюда Фелипе должен был подниматься один. И тут Луис Ромеро нанес ему давно подготовленный удар.

– А как ты докажешь, что действительно побывал у кратера? – спросил испанец. – Можно посидеть в укромном местечке, а потом хвастаться подвигом!

Вопрос не застал Фелипе врасплох.

– Месяц назад, – сказал Бруно, – мы схоронили на гребне кратера голубка и поставили на его могилке крест.

– Правда, правда, – зашумели ребячьи голоса.

– Я принесу этот крест.

Луис мрачно кивнул головой, и фигурка Фелипе исчезла в лабиринте камней.

Оставив товарищей, маленький смельчак преодолел большую часть пути, но самое трудное оставалось впереди.

Обжигаемый горячим пеплом, с трудом дыша воздухом, отравленным серными испарениями, Фелипе карабкался по склону. Вдруг он отпрянул: дорогу преградил поток лавы. Густая расплавленная масса темно-вишневого цвета, похожая на раскаленное железо и почти такая же плотная, ползла с горы, и от нее веяло нестерпимым жаром. Ширина потока достигала двадцати шагов, и перепрыгнуть через него было невозможно. Оставалось одно: успеть обогнуть огненную реку, благо она спускалась медленно. И Фелипе, проваливаясь в горячие сугробы, скользя, падая и поднимаясь, понесся вниз по берегу лавового потока. Мальчику удалось опередить его. Не задумываясь, удастся ли возвратиться, он повернулся и двинулся к близкой уже вершине.

И вот Фелипе на краю кратера. В огромном жерле клочкотала, поднималась огромными пузырями и опадала лава, озаряя ночь зловецким светом.

Мальчик пошел по гребню. А вдруг крест исчез, сожженный извержением! Нет, он здесь, он еще цел, но Фелипе побоялся протянуть к нему руку. Казалось, крест изваян из раскаленного железа, такой красный свет излучали его

перекладины. И вдруг мальчик догадался, что дерево освещено багровыми отблесками кипящей лавы. Фелипе хотел выдернуть крест, но лукаво улыбнулся и отломил перекладину. Он с невольным страхом посмотрел на бушующую огненную поверхность, по которой, как молнии, пробежали ослепительно сверкавшие белые полосы.

«Не дай бог упасть в это пекло», – подумал мальчик.

Фелипе постоял несколько мгновений и направился в обратный путь.

Дорога вниз оказалась намного труднее подъема. Неудержимая сила влекла мальчугана под гору, угрожая превратить его спуск в бешеный бег, где каждая встречная рытвина могла принести гибель.

Фелипе спускался осторожно, изо всех сил откидываясь назад, огибая скалы, перескакивая через расщелины. Но вот поток лавы, с которым уже встречался Фелипе, снова появился на его пути. Огненная река ушла далеко, выпустив заливы, разделившись на рукава.

Мальчик видел начало потока, которое ползло вниз, подталкиваемое его исполинской огненной массой, но дорогу пересек новый лавовый поток. Он впадал в главную реку откуда-то сбоку, и ширина его была не меньше шести шагов. Такое расстояние Фелипе перепрыгнуть не мог.

Смертельная опасность угрожала мальчику, зажтому на полуострове между двух раскаленных лавовых рек, которые вот-вот могли слиться. Опаляемый горячим пеплом, задыхающийся от серных паров, Фелипе осмотрелся в поисках камня, который можно было бы бросить на середину потока, как спасительный островок. Но вокруг виднелись скалы или слишком мелкие обломки, которые не могли послужить опорой при прыжке. Бежали быстротечные минуты, и у Фелипе оставалось все меньше и меньше надежды на спасение.

Глава вторая

Отцы и сыновья

Мальчигов томила тревога. Сбившись кучкой, они не сводили глаз с поворота тропинки, где должен был появиться Фелипе. Но время проходило, а его все не было.

– Уж не стряслось ли с Фелипе несчастье? – прошептал Паоло Рангони, голубь которого был похоронен на гребне кратера.

– Да хранит его Феличе, святой покровитель Нолы... – подхватил Себастьяно Ленци и набожно перекрестился.

Его примеру последовали другие. И снова потянулись минуты мучительного ожидания. Оно было прервано испуганным возгласом маленького Пьетро Савелли:

– Смотрите-ка, сзади огни!

Все обернулись. Действительно, во тьме ущелья виднелись два ярких огонька. Мальчики плотнее прижались друг к другу. Что это могло быть? Блуждающие огоньки, сопутствующие привидениям, или факелы в руках людей? И неизвестно, что было опаснее: встреча с привидением или с грабителями, которых так много бродило по дорогам Италии.

Огни быстро приближались, то сходясь, то удаляясь друг от друга. Прошло несколько минут, и мальчики различили фигуры трех мужчин.

– Пресвятая дева! – со страхом воскликнул Луис Ромеро. – Это отец.

Луис не ошибся. Перед ребятами появился запыхавшийся и разгневанный капитан городской стражи. Его сопровождали двое подчиненных с факелами.

Барджелло набросился на стайку перепуганных мальчишек, ухватил сына за плечо и рывком поставил перед собой.

– Рассказывай, какую глупость вы тут затеяли? – злобно спросил испанец.

– Мы... мы ждем Фелипе Бруно...

– А где он?

– Пошел к кратеру...
– Безумство! – воскликнул барджелло.
– С нами святой Феличе... – прошептали стражники и устремили взоры на вершину Везувия, освещенную багровым пламенем.

– Зачем Бруно полез на вулкан? – спросил Ромеро-старший.

Луис молчал. Вместо него заговорил Джузеппе Висконти, двенадцатилетний сын ноланского патриция, не растерявшийся перед грозным начальником стражи.

– Простите, синьор, – сказал Джузеппе, – здесь решается вопрос о смелости.

– О чьей смелости?

– Вашего сына и Фелипе Бруно...

– Ну?! – рявкнул капитан.

– Жребий идти первому выпал Фелипе. Если он вернется... – голос мальчика дрогнул, – должен будет подниматься Луис.

– Это правда? – Капитан круглыми ястребиными глазами уставился в лицо сына.

– Да... – прошептал Луис.

– И ты решился на это без моего позволения?

– Прости, отец, – это дело чести.

– Дело чести? Выдумки! Сейчас же пойдешь со мной. За ущельем нас ждут лошади.

Луис выпрямился. Лицо его загорелось гневом и возмущением.

– Я не могу, отец! Я дал слово!

– Ха-ха-ха! Он дал слово! Кому? Мальчишке! Итальянцу!! Сыну побежденной нации!

Диего повернулся, держа за руку сына. Но тот вывернулся и побежал туда, где гремел вулкан и отблески лавы освещали небо зловещим заревом. Это случилось неожиданно; капитан растерялся и упустил несколько драгоценных мгновений. Луис скрылся за нагромождением камней, когда спохватившийся Ромеро-старший кинулся догонять его. Охрипшим от ярости голосом он приказал подчиненным:

– Альфонсо, Томмазо, за мной!

Стражники прекрасно понимали, что им грозит, если они упустят беглеца. Быстроногий Альфонсо ринулся вперед, а старик Томмазо задержался и кинул ребятам:

– Это Лоренцо Секки поднял тревогу. Прибежал в город, заколотил в ворота, как сумасшедший, и все рассказал. Ну, сами понимаете, барджелло взбесился и... вот! – Хромоногий Томмазо не спеша заковылял за начальником, которого далеко обогнал ретивый Альфонсо.

Брыкающегося Луиса стражник потащил прочь.

– Отец, ты меня опозорил! – дико кричал Луис.

– Пустяки! – хладнокровно возражал барджелло.

Вопли Луиса замолкли вдали, и ребята наперебой заговорили о случившемся. После недолгого спора они решили, что Луиса нельзя винить за нарушение слова, ведь его унесли насильно. И когда разговор смолк, Паоло горестно воскликнул:

– А Фелипе все нет!

– Фелипе здесь! – отозвался слабый голос, и мальчики с изумлением и радостью увидели, что к ним ползет по тропинке тот, на чье возвращение они потеряли надежду.

Несколько старших ребят бросились навстречу Фелипе и подняли его. Вид мальчика был ужасен: рубашка и штаны прогорели во многих местах, кожа на лице и плечах вздулась волдырями, и особенно были обожжены ноги.

Немного оправившись и напившись воды из фляжки, оказавшейся у одного из ребят, Фелипе рассказал, как ему удалось подняться на гребень кратера и найти крест. Его перекладину Бруно принес с собой, и обе партии признали, что Фелипе честно выполнил свою задачу.

О том, как он спускался, мальчик сказал коротко. Отрезанный от подножия горы двумя потоками лавы, Фелипе вынужден был пожертвовать башмаками. Он бросил их на середину более узкого потока так, чтобы они легли рядом. Воспользовавшись башмаками как опорой, Фелипе в два отчаянных прыжка перемахнул через поток. Оглянувшись, он увидел, как башмаки пылали белым пламенем на огненно-вишневой поверхности лавы.

В дальнейший путь Фелипе пустился босиком по горячим камням, по обжигающей россыпи пепла. Он шел, пока мог, а потом пополз...

Окончив рассказ, Фелипе слабым голосом спросил:

– А где Луис? Ему надо спешить, чтобы успеть побывать на вершине до рассвета. Но он должен выбрать другой путь...

Джузеппе Висконти огорченно сказал:

– Луиса нет.

– Сбежал? Струсил? – оживился Фелипе.

– Нет, его увел отец.

Ребята рассказали о появлении капитана Ромеро и о том, как держал себя Луис.

– Я думаю, – сказал Джузеппе, – что Луис исполнит обещание и пойдет на Везувий завтра ночью. А мы понесем тебя в Сан-Джованни...

Но едва мальчики подняли товарища, как из ущелья послышались крики:

– О-э! О-э!!

– О-э-э!.. – хором завопили ребята. – Мы здесь!

И вскоре новая группа людей появилась перед изумленными мальчиками, которые никак не предполагали, что их ночное приключение наделает столько переполоха. На этот раз по крутому склону ущелья взобрались жители Сан-Джованни ди Ческо, и вел их старый Бруно, широкоплечий человек с военной выправкой, с мужественным лицом, покрытым шрамами от старых ран. За Джованни Бруно следовали отец Паоло Рангони, старший брат Себастьяно Ленци, мать маленького Пьетро Савелли и другие.

Сан-джованнским мальчишкам стало не по себе: они почувствовали, что их похождение добром не кончится и, пожалуй, за него придется расплатиться подороже, чем за налеты на чужие сады. Вид старших, которым после утомительной дневной работы пришлось покинуть постели и пройти ночью несколько миль, был далеко не обнадеживающим. Ребятам со страху даже показалось, что кое-кто из пришедших прячет за спиной хворостины.

Джованни Бруно бросился к сыну:

– Мальчик мой, ты весь изранен!

Несмотря на жгучую боль от ожогов, Фелипе улыбнулся и гордо сказал:

– Отец, я был на Везувии!

– Да, я знаю о твоём споре с Луисом Ромеро. Хромой Томмазо нам все рассказал. Ты поступил безрассудно, сын мой, но я горжусь тобой!

Сан-джованнские мальчишки обрадованно переглянулись: как видно, дело с ночным побегом принимало благоприятный оборот.

Обнимая и лаская сына, Джованни продолжал говорить, и из его слов выходило, что Фелипе, совершив смелое восхождение, защитил свою честь, честь родного поселка, честь древней Нолы... Старый пылкий альфьери наконец договорился до того, что поступком сына спасена честь поработенной Италии перед лицом ее угнетателей-испанцев!

У Фелипе уже не было сил слушать похвалы отца, и он устало закрыл глаза.

Джованни взял сына на руки, нежно прижал к груди и понес, бережно ступая по каменистой тропинке. За ним врассыпную двинулись остальные. Ребята держались поодаль. Они не верили приглашениям взрослых подойти поближе, хотя оказалось, что ни у кого из старших не было хворостин.

Тревожная ночь подходила к концу.

Глава третья

Болезнь

Занялось сумрачное утро, когда усталый отец принес крепко спящего Фелипе. Фраулиса с плачем кинулась к сыну, но Джованни удержал ее:

– Тише, мать! Мальчугану нужен покой.

Фелипе не проснулся и тогда, когда его ожоги смазывали оливковым маслом и бинтовали, меняли на нем одежду, укладывали в постель.

Спал Фелипе и в полдень, когда в дом Бруно ворвался встревоженный Лодовико Тансилло, друг и бывший сослуживец хозяина дома.

– Что с моим крестником? – вскричал Лодовико, изящный человек с длинными, зачесанными назад волосами и курчавой бородкой. – Мне сказали, что этой ночью он был на вулкане?

Увидев спящего мальчика, Тансилло успокоился, притих и попросил у Фраулисы пить.

– Я почти всю дорогу от Венозы бежал, – объяснил он. – Люблю шалопая: ничего не поделаешь, ученик!

Фраулиса, худощавая, изможденная трудом женщина средних лет, подала гостю кружку виноградного вина.

– Уж что правда, то правда, сер Лодовико, – согласилась она. – Наверно, только святому Феличе под силу сосчитать, сколько вы потратили трудов, обучая мальчонку грамоте.

Тансилло рассмеялся.

– Без святого Феличе обойдемся: счет-то короткий. Мальчуган впитывает науку, как губка воду. Вы только подумайте: и месяца не прошло, как он узнал буквы, а уж читал «Божественную комедию» нашего гениального Данте! Да ведь мало того, что читал: после первого же раза многие стихи повторял наизусть. Прекрасная у Фелипе память, хотя в этом есть и моя заслуга: вот уже два года я стараюсь упражнениями развить эту его способность.

– Я не умудрен в книжном учении, друг Лодовико, – молвил Джованни Бруно, – но то, что вы говорите о Фелипе, наполняет мое сердце радостью.

– Какие вы, право, бесстрашные, мужчины, – сердито вмешалась Фраулиса. – Хвалите Фелипе вслух, а о том не думаете, что злые духи могут позавидовать и напустить на мальчика порчу.

– Э, синьора Фраулиса, – возразил Тансилло, – вы суеверны! Если человек верит в Бога и соблюдает уставы святой церкви, ему демоны не страшны.

– И я так же думаю, – подхватил Джованни.

Видя, что женщина, неубежденная их доводами, обидчиво поджала губы, старые друзья перевели разговор на другое. Джованни стал рассказывать о соперничестве сына с маленьким испанцем и о том, как Фелипе предложил разрешить спор.

Тансилло пришел в восторг.

– Клянусь Вергилием, – вскричал он, – у мальчишки отважная душа! Я напишу об этом подвиге сонет.

– И я уверен, – сказал Бруно, – что этот сонет станет так же широко известен, как и другие ваши стихи, как то прекрасное произведение, которое я помню наизусть:

Когда свободно крылья я расправил, Тем выше понесло меня волной, Чем шире веял ветер надо мной...

Выслушав сонет, сер Лодовико разразился смехом:

– Э, дорогой мой, теперь я вижу, откуда у Фелипе такая память! Ведь я читал вам эти стихи только раз! Жалею, очень жалею, что вам не пришлось смолоду учиться, – из вас вышел бы толк!

Джованни Бруно сконфузился:

– Я не заслуживаю ваших похвал.

– Конечно, прошлого не воротишь, – молвил Тансилло, – и вам теперь уж не до науки, друг Джованни, но вы обязательно должны дать Фелипе образование.

Старый солдат грустно улыбнулся:

– Я бы и рад, да вы ведь знаете мои средства...

Вечером навестить Фелипе пришли его друзья во главе с Паоло Рангони и Себастьяно Ленци. Фраулиса не пустила их к больному.

– Но нам нужно рассказать ему важную вещь! – кипятился рыжий толстенький Себастьяно.

– Нет, нет! – Фраулиса решительно загородила дверь. – Ребенку вредно волноваться.

Только через два дня Себастьяно и Паоло прорвались к Фелипе, да и то лишь потому, что мальчик услышал их голоса и поднял бунт.

Ребята сели около постели больного и грустно смотрели на него. У Фелипе был жар, дыхание со свистом вырывалось из пересохших губ, повязки окутывали шею, руки, ноги. Но большие синие глаза смотрели гордо.

– Ну как, Луис подымался на Везувий? – был первый вопрос Фелипе.

Паоло отрицательно покачал головой.

– Значит, он все-таки струсил, и победа за нами! – торжествующе воскликнул Фелипе.

– Да видишь, какое дело, – заговорил Себастьяно, осторожно подбирая слова. – Вроде как будто его и винить нельзя... Отец его, барджелло, заставил Луиса дать клятву, что он не пойдет на гору...

– Клятву?!

– Заставил поклясться именем пресвятой девы, – подтвердил худенький бледный Паоло, сын ткача.

Изумленный Фелипе долго молчал, молчали и ребята. События приняли совершенно неожиданный оборот. Коварство капитана Ромеро ошеломило простодушных мальчиков. Конечно, Луис обязан был сдержать слово, данное ребятам, но нарушить клятву пресвятой деве... Это казалось таким страшным грехом, за который нет прощения ни в этой жизни, ни в будущей...

Наконец Фелипе хрипло проговорил:

– Скажите Луису, что я освобождаю его от восхождения на гору. Но когда я поправлюсь, придумаю новое испытание.

Себастьяно оживился:

– А знаешь, Фелипе, все-таки победа за нами! Те ребята, что играли с Луисом, не хотят с ним дружить. Они говорят, что Луис поступил нечестно, когда согласился дать клятву. Джузеппе Висконти сказал, что с него прежде содрали бы шкуру, чем он изменил бы слову. И он хочет, чтобы ты принял его в нашу компанию, когда выздоровеешь...

– Это мы еще посмотрим, – с притворным равнодушием отозвался Фелипе.

Но в душе он был польщен. Гордый Висконти, сын богача, сильный, ловкий мальчик, признает превосходство Фелипе: это чего-нибудь да стоит!

Мальчишки начали строить планы на будущее, но на них коршуном налетела Фраулиса и выгнала Паоло и Себастьяно.

На следующее утро Фелипе потребовал, чтобы его днем укладывали в саду под тенью цветущих деревьев. Крестный отец принес ему огромный том «Божественной комедии», и мальчик читал поэму вслух, упиваясь звучными терцинами божественного флорентийца.

По вечерам возвращался с поля отец, садился возле постели больного сына, и начинались сердечные разговоры.

Фелипе полюбил эти вечерние часы в тишине ароматного сада, когда уставшее солнце спускалось за горизонт, на юго-западе курился усмирившийся Везувий, а на чистом небе высыпали яркие южные звезды...

Отец вспоминал о тех временах, когда он и Лодовико Тансилло служили в кавалерийском полку. Лодовико был младшим офицером, а он, Джованни, знаменосцем, альфьеро.

– Это почетная, но и трудная служба, сынок, – говорил старый солдат. – Удары врагов прежде всего направляются на знамя. Где во время боя кипит самая ожесточенная схватка? Возле знамени! Ведь захватить знамя противника – высший подвиг воина. И немало жестоких ран получил я, защищая святыню полка...

Фелипе снова и снова с благоговением прикасался к рубцам на лице отца, на руках...

– Из-за этих ран мне, еще не старому человеку, пришлось оставить военную службу. В сорок пятом году я вернулся на родину с тремя десятками дукатов в кошельке: только и удалось скопить за многие годы из скудного солдатского жалованья. Поселился я здесь, в Ноле, женился на твоей матери. Через три года у нас родился ты...

– Отец, расскажи про походы, в которых ты участвовал!

Джованни улыбался:

– Сколько раз ты об этом слышал!

– Хочу еще...

И старый знаменщик рассказывал о своем боевом прошлом.

Джованни Бруно, сын бедняка, вступил в армию двадцатилетним юношей, когда за господство над Италией шла жестокая борьба между испанцами и французами. Италия представлялась богатой и легкой добычей, потому что она разделялась на много враждующих мелких государств. В завоевательных войнах брали верх то французы, то испанцы, но и те и другие одинаково безжалостно грабили и разоряли итальянцев.

Страшные дни пережил молодой Джованни Бруно в Риме в мае 1527 года, когда папская столица была взята наемниками испанского короля. В продолжение многих столетий Вечный город не подвергался такому варварскому разгрому. Бруно едва смог избежать гибели.

Выслушав взволнованный рассказ отца, мальчик коснулся шрама на его шее.

– Ты там получил вот это?

– Да. Но испанский пикинер поплатился за эту рану жизнью.

– А рубец на боку?

– Этот мне остался на память о том времени, когда я сражался за свободу Флоренции.

По рубцам и шрамам старого солдата можно было изучать историю борьбы итальянского народа с угнетателями за два с лишним десятилетия.

Когда Бруно удалось спастись из разоренного Рима, он пробрался на север и стал служить Флоренции, где как раз вспыхнуло восстание против власти испанских угнетателей и своих собственных тиранов Медичи. Чужеземный гарнизон и сторонники Медичи были изгнаны, и власть в городе захватил средний класс – ремесленники, мелкие торговцы; к ним примкнули городские бедняки и часть буржуазии.

Восставшие действовали решительно. Они не только отбивали врагов от стен города, но и выслали отряды для освобождения территории республики и захвата продовольствия. В одном из таких отрядов сражался Джованни Бруно.

Одиннадцать месяцев длилась неравная борьба. Против мятежного города выступили не только испанцы, но и войска римского папы Климента VII, который простил испанцам разрушение Рима и даже вступил с ними в союз, лишь бы раздавить свободу Флоренции: Климент VII сам был из рода Медичи.

Сорок тысяч солдат насчитывала союзная армия испанского короля, римского папы, тиранов Медичи. А республика могла противопоставить врагам только тринадцать тысяч воинов. Правда, наравне с воинами стены Флоренции защищали горожане и крестьяне, собравшиеся в город из окрестностей.

Героическая Флоренция пала, революцию погубили изменники.

Флоренцию, как и всякий другой итальянский город, наводняли монахи многочисленных монастырей, священники городских церквей. С самого начала восстания они повели себя предательски. Выражая притворное сочувствие народу, церковники пробирались в стан врагов, выдавали им военные тайны, указывали слабые места в обороне города, сеяли смуту и раздоры среди восставших. Они грозили господним гневом богачам, которые защищали революцию.

Когда такое коварство раскрылось, душа Джованни Бруно была потрясена. Он не утратил веру в Бога, но возненавидел его служителей. С годами ненависть и презрение Бруно к церковникам возросли. В семье старый солдат не скрывал своих взглядов, и между ним и религиозной Фраулисой случались частые споры. Джованни возмущался, когда его жена старалась внушить Фелипе уважение к монахам, навещавшим дом.

Между отцом и матерью происходила борьба за душу мальчика. Если Фраулиса говорила сыну о благочестии своего духовника, отца Бартоломео, то Джованни лукаво замечал:

– А ты видел, Фелипе, как отец Бартоломео накинулся на карпа, что зажарила ему твоя мать? Можно было подумать, что бедняга целую неделю не ел! И то сказать, набить такое брюхо – не шутка!

И мальчик уже не мог с благоговением смотреть на жирного святошу.

Фраулиса воспевала мальчику добродетель монахов, отрекшихся от земных благ и смиренно возносящих молитвы Богу за грешных людей. Старик знаменщик растолковывал Фелипе, что ни один монах не вскопал ни клочка земли, не посадил ни одной виноградной лозы, а меж тем в монастырях вино льется рекой, а в церквях и монастырях собраны несметные сокровища.

Влияние отца брало верх: для Фелипе человек в рясе становился воплощением коварства, праздности, обжорства, корыстолюбия...

Не всегда вечерние беседы шли о походах и войнах. Ведь мальчик в своем умственном развитии далеко ушел от десятилетних сверстников. Как-то раз, глядя на двуглавую вершину Везувия, который успокаивался после апрельской вспышки, Фелипе спросил:

– Отец, почему люди живут так близко от вулкана? Ведь он может убить!

Джованни ответил после недолгого раздумья:

– Видишь ли, сынок, Везувий редко пробуждается от векового сна. А где быстрее созревает виноград, где слаще апельсины, чем в нашей родной Кампанье, дочери Везувия? Лава вулкана страшна, когда она выливается из кратера, – старый Бруно улыбнулся, – что ж, не становись на ее пути. Зато, когда она остынет, дает отличный материал для постройки домов, заборов, дорог. А пепел, смешавшись с землей, делает ее необычайно плодородной.

– Отец, – сказал Фелипе, – монах Бартоломео уверяет, что наши покровители – святые Дженнаро и Феличе, а на самом деле...

– На самом деле – это силы природы, среди которой человек живет от рождения до могилы.

Разговор оборвался.

В один безлунный вечер, когда небо особенно густо было усыпано звездами, Фелипе, задумчиво глядя вверх, спросил:

– Что такое звезды, отец?

Старый Бруно, помолчав, ответил:

– Трудный вопрос ты задал, Фелипе! Я думаю, звезды – это искры небесного огня, которые горят в вышине, за тысячи миль от Земли...

Фраулиса, сидевшая неподалеку с вязаньем в руках, живо отозвалась:

– Вот и не так! Звезды – это глаза ангелов-хранителей, следящие с высоты за нами, грешными людьми.

Объяснение матери больше говорило детскому воображению и понравилось мальчику. Фелипе спросил:

– Ангел-хранитель к каждому человеку приставлен, мама?

Мать утвердительно кивнула головой.

– Значит, у каждого человека и своя звезда?

– А как же, обязательно!

– А где моя звезда?

Фраулиса вздохнула:

– Ни одному человеку не дано знать, где его звезда... Лишь когда он умирает... Смотри, смотри!

По небу пронесся яркий метеор, оставив за собой быстро угасавший огнистый след.

Фелипе растерянно спросил:

– Что это, мама?

– Умер человек, – торжественно произнесла Фраулиса. – И звезда его скатилась с небосвода.

Мальчик смотрел в небо расширенными от волнения глазами. Как все это было удивительно, интересно...

При первой встрече с Лодовико Тансилло Фелипе спросил у него:

– Скажите, крестный, правда ли, что у каждого есть своя звезда и она падает, когда человек умирает?

Тансилло привык серьезно относиться к вопросам своего ученика, иногда совершенно неожиданным.

– В народе есть такое поверье, – сказал поэт, – но, конечно, небеса равнодушны к судьбам людей.

Фелипе не понял, и Тансилло разъяснил:

– Дело в том, что звезд на небосклоне не так много, как кажется. У меня есть приятель монах, любитель астрономии, науки о небесных светилах. Он мне говорил, что на небесном своде только три тысячи звезд.

– Это очень много! – воскликнул Фелипе.

Тансилло рассмеялся:

– Всех звезд неба не хватило бы на жителей одной Нолы. А ведь есть и Неаполь, и Флоренция, и Рим, и тысячи городов и великое множество сел в Италии, Испании, Греции и других странах...

Фелипе слушал затаив дыхание. Перед ним вставала необъятность мира, доселе заключенного для него лишь в той части Кампаньи, которую мальчик мог видеть с вершины Везувия...

Лодовико Тансилло продолжал объяснения:

– Издревле люди видят на небе одни и те же фигуры, называемые созвездиями. Ты знаешь Колесницу Давида, Кассиопею, Северную Корону. Как

сохранились бы созвездия в течение тысячелетий, если бы звезды падали с неба в момент смерти каждого из нас, бесчисленных земных созданий?..

Наивная легенда, рассказанная матерью, рухнула, и у Фелипе появилось страстное желание учиться астрономии.

– А где живет этот монах? – спросил Фелипе. – Я бы хотел расспросить его о небе.

– Он уехал из Венозы. Но в Неаполе есть знатоки благородной науки астрономии.

Слова Тансилло глубоко запали в душу Фелипе Бруно.

Глава четвертая

Непоправимая беда

Фелипе поправлялся. Волдыри от ожогов на лице и руках лопнули и подсохли, кожа начала слезать, и вместо нее появлялась свежая, розовая. Фелипе смахивал на леопарда, но это не отражалось на его хорошем настроении.

Друзья атамана проникали в сад беспрепятственно, и строгая Фраулиса мирилась с их посещениями. Мальчишки каждый раз затевали спор, какое бы придумать испытание на смелость для Луиса, чтобы оно посрамило его и доказало превосходство Фелипе. Выдвигались самые разнообразные проекты. Один предлагал отправиться обеим командам к горячему источнику, каких было множество у подножия Везувия, и там Луис должен будет держать руку в кипятке, сколько вытерпит.

Другой говорил:

– А что, если пойти к Собачьей пещере...

– Ну?!

– И там Луис будет сидеть, пока не начнет задыхаться...

Хохот спугивал воробьев с лимонных и апельсиновых деревьев и показывал сконфуженному выдумщику, что он заехал чересчур далеко.

Вопрос о первенстве отпал сам собой: все мальчишки Нолы признали Фелипе героем, а на Луиса Ромеро пало неизгладимое пятно бесчестия и позора. Не только гордый Джузеппе Висконти, но и остальные ребята из шайки Ромеро отвернулись от своего вожака. Маленький испанец тяжело переживал унижение. Но напрасно пытался он объяснить, что только вынужденная клятва...

– «Клятва, клятва»! – насмешливо перебивали мальчишки. – Уж лучше сознайся, что струсил!

Луис похудел, почернел. Его мучило страстное желание показать, что он отважнее Фелипе Бруно и способен на такой подвиг, который не под силу итальянцу. Сразиться бы один на один с бешеной собакой и победить ее голыми руками... Или отличиться на пожаре, вытащить из огня беспомощных детей и стариков... Но случай не подвертывался, а насмешки товарищей становились острее и резче и с каждым днем все больше раздражали Луиса.

Главарем насмешников был Джузеппе Висконти. Он прежде уважал Луиса, и трусливая клятва, данная маленьким испанцем отцу, возмущала Висконти до глубины души. При встречах с Луисом Джузеппе напрямик высказывал свое мнение о его поступке, и правдивые слова бывшего товарища заставляли Луиса выходить из себя. Он решил отплатить Джузеппе.

Висконти любил гулять в одиночестве по склонам Чикалы. Там, в густой роще, и подкараулил его мстительный Луис. Выскочив из-за дерева, он ударил Джузеппе в спину тяжелым камнем. Висконти свалился на землю, и рядом с ним рухнул ничком потерявший равновесие Луис. Но он тотчас с диким воплем вскочил, зажимая ладонью правый глаз, из которого струилась кровь.

От невыносимой боли Луис кричал так громко, что прибежали люди из ближайшего виноградника. Они отнесли в город обоих мальчиков: потерявшего

сознание Джузеппе и беспрерывно вопившего Луиса, у которого из глаза торчала щепка.

К пострадавшим вызвали врача. У Джузеппе оказалось повреждение позвоночника, надолго приковавшее мальчика к постели. А Луис Ромеро лишился правого глаза.

Капитан городской стражи предположил, что глаз сыну выбил в драке Джузеппе Висконти. Но у Луиса нашлось мужество рассказать, как было дело. Весь гнев барджелло и его сына обратился против Фелипе Бруно: его стали считать первой причиной всех этих печальных событий. Мать Луиса робко намекала, что мальчик сам виноват в несчастье: не надо было нападать на Джузеппе. Но ее мнение слишком мало значило в семье.

Через две недели после трагического случая на горе Чикало Луис Ромеро появился в городе с узкой черной повязкой через лицо, закрывавшей вытекший глаз. Взгляд оставшегося глаза был сумрачен и дик, и маленькие ноланцы со страхом обходили Луиса стороной.

Теперь Луис строил планы кровавой мести сопернику, отнявшему у него честь, сделавшему его уродом. Луис не хотел винить в своей беде себя, он упорно считал виновником Фелипе.

«Пусть только Бруно начнет выходить из дому, – думал Луис, – я его подстерегу с кинжалом...»

Но планам мести не суждено было осуществиться: судьба на долгие годы разъединила Фелипе Бруно и Луиса Ромеро.

Капитана Ромеро отозвали из Нолы в Испанию, и барджелло уехал со всей семьей.

Глава пятая

Семейный совет

Узнав о несчастье Луиса, Фелипе Бруно жалел испанца, хотя и сознавал, что тот пострадал из-за своего буйного, несдержанного нрава. Фелипе часто раздумывал над тем, как в дальнейшем сложатся их отношения, но друзья принесли ему весть об отъезде семьи Ромеро.

Себастьяно Ленци с гордостью сказал Фелипе:

– Теперь ты будешь предводителем всех ноланских мальчишек! Поправляйся скорее, и порезвемся уж мы в чужих виноградниках!

Но и для Фелипе пришел черед покинуть Нолу.

В начале августа, в предвечерний час, по каменистой тропинке у дома Бруно зацокали копыта мула. У калитки мул остановился, и с седла спустился невысокий толстый человек в дорожном плаще и широкополой соломенной шляпе. Круглое полное лицо приезжего сияло весельем, маленькие серые глазки смотрели добродушно. Когда он вошел во двор, Фраулиса бросилась к нему с криком:

– Джакомо!

– Здравствуй, сестра!

Худенькая Фраулиса исчезла в мощных объятиях Джакомо Саволино.

– А где Джованни? Где племянник Фелипе?

– Муж скоро вернется с поля, а Фелипе, если не читает книжку, значит, где-нибудь носится с ребятами.

Джакомо был приятно поражен:

– Парень умеет читать?

– Да еще как бойко! – похвалилась Фраулиса, но тут же прикусила язык, вспомнив про завистливых демонов и их козни.

– Это хорошо... хорошо... – повторял Джакомо, входя за сестрой в прохладу хижины.

Перед гостем появился кувшин кианти, хозяйка положила на чисто выскобленный стол ломоть хлеба, кусок козьего сыра, головку сладкого лука, поставила блюда с соленым миндалем и с улитками – угощение бедняков.

Вскоре собралась вся семья. Первым прибежал к ужину проголодавшийся Фелипе, а за ним пришел и усталый Джованни Бруно. Бросив мотыгу за дверь и утерев пот со лба, он радушно приветствовал шурина, с которым не виделся уже пять лет.

Обводя взглядом выбеленные мелом стены комнаты в домишке Бруно и бедную ее обстановку, Джакомо сказал:

– Ну, зятек, вижу, что, пока мы с тобой не видались, ты богатства не нажил!

Бруно кивнул головой:

– Как видишь, друг. От аренды клочка земли не выстроишь каменного дворца, как у ноланских богачей. Лучше расскажи, как у тебя дела идут, как торговля сукном?

Джакомо Саволино беззаботно махнул рукой:

– Лопнула торговля! Разве при испанцах наторгуешь? Задушили поборами. Мой флорентийский родич Бассо Беллини, с которым мы торговали на паях, разорился первым, а за ним полетел и я...

Фраулиса с неудовольствием заметила:

– Он с детства такой, наш Джакомино. От любой беды смешком отделяется.

– А чего горевать, сестра? – весело отозвался неудачливый купец. – Тебя заботы да тревоги иссушили, а я видишь какой гладкий!

– Значит, не голодаешь, – сделала вывод Фраулиса.

– Что верно, то верно, – захохотал сер Джакомо. – Я новое дело нашел, оно и спокойнее и прибыльнее торговли. Бьюсь об заклад, нипочем не отгадаете какое! – И, не дождавись ответа, Саволино объяснил: – Я соержу в Неаполе ученический пансион.

Фраулиса не поняла.

– Нанял дом у обедневшего патриция и принимаю учеников, сынков богатых родителей. Я их кормлю и пою, их обучают нанятые мной учителя, а за все это... – Джакомо прищелкнул пальцами, – мне в кошель сыплется звонкая монета.

Джованни Бруно с уважением посмотрел на шурина.

– Завидую твоему умению изворачиваться, – со вздохом сказал он. – Только вот чего я в толк не возьму. Ты в науках не больно много смыслишь, как же проверяешь учителей? Они, может, такого нагородят...

– Ну, уж нет, – самодовольно возразил содержатель пансиона. – Я кого попало не беру. Мои педагоги известны всему Неаполю, так что и заведение мое в почете.

– Радуюсь твоему успеху, – искренне молвил Бруно.

– А я хочу, чтобы от моего успеха и вам была польза. Дело такое, брат! – Он притянул к себе Фелипе и погладил по темным волнистым волосам. – Парень растет, и надо ему определить дорогу в жизни. И вот мое предложение: я хочу взять в пансион Фелипе и кого-нибудь из мальчишек брата Шипионе.

– Спасибо, брат, да ведь у нас звонкой монеты нет, – попытался отшутиться Джованни.

Но Саволино побагровел так, что чуть не брызнула кровь из тугих щек, и яростно грохнул кулаком по столу.

– Ну, зять!.. Если б не наша давняя дружба... Неужели ты думаешь, что я возьму с вас хоть сольдо? Своих детей я потерял, потому и решил: где три десятка ребят питаются и учатся, там и еще двоим место найдется.

Джованни Бруно растрогался до слез, а Фелипе запрыгал от восторга: поехать в Неаполь, изучать науки... Могло ли что-нибудь быть заманчивее?

Но Фраулиса сидела молчаливая, задумчивая.

– Надо собрать семейный совет, – наконец сказала она. – Такие большие дела с одного слова не решаются.

Разочарованный Фелипе чуть не заплакал, но отец согласился с мнением жены.

– Первым делом надо сказать Шипионе с Лауренцой, – молвила Фраулиса, – ведь дело идет и о их сыне. Еще позовем сера Лодовико: он крестный отец, да и грамоте Фелипе обучил. Ну, и обязательно пригласить отца Бартоломео, духовника...

– Стоп! – вскипел старый Бруно. – Этому жирному сладкоголосому бездельнику не место на нашем совете!

И тут отставной солдат дал такую характеристику попам и монахам, что Фраулиса только бледнела и краснела. Но она молчала, мужу опасно было возражать, когда тот приходил в ярость.

– Монахи избавлены от трудов и забот, какие выпадают на долю большинства людей, это обжоры и лентяи, – гремел Джованни Бруно. – Попы и монахи толкают людей на воровство, грабежи, убийства: ведь по их вероучению достаточно купить индульгенцию – и душа злодея вместо заслуженного ада попадает в чистилище, а оттуда и в светлый рай! Да где же тут справедливость? Я верю в единого всемогущего Бога, Творца неба и земли, но ненавижу его самозванных слуг, заклеивших себя позором предательства. Кто первые пособники испанских угнетателей? Кто с церковных амвонов уговаривает нас смиренно покоряться своей участи в надежде на райское блаженство? А я перестал верить в райское блаженство, я на земле хочу жить по-человечески.

Фелипе впитывал горячие речи отца с ужасом и восторгом. А Фраулиса при первых же резких словах мужа бросилась к двери, плотнее прикрыла ее, прижалась к ней спиной, стараясь, чтобы ни одно мятежное слово Джованни не вылетело наружу. Инквизиции в Неаполе не было, но духовенство и без нее умело расправляться с «еретиками», а еретиком считали всякого, кто даже в мелких религиозных вопросах расходился с мнением церкви.

Когда Бруно открыто заявил, что не верит в райское блаженство, Фраулиса побледнела как мел и вскрикнула:

– Опомнись, Джованни, ты богохульствуешь! Не дай бог, это дойдет до святых отцов!

Бруно гневно повернулся к жене:

– Ты, что ли, донесешь на меня?

Видя, что жена замолкла и только умоляюще смотрит на него, Джованни остыл и даже сказал несколько примирительных слов.

Фраулиса не стала настаивать на приглашении отца Бартоломео, но не потому, что отказалась от намерения выслушать его совет.

«Пойду к нему на исповедь, – думала она, – и там расскажу о предложении брата. А звать в дом отца Бартоломео опасно: мой сумасшедший муженек такого ему наговорит, что потом не разделаешься...»

Семейный совет собрался утром на следующий день.

Шипионе Саволино, арендатор, живший в том же поселке, лицом похожий на Джакомо, но не такой упитанный и веселый, пришел с женой Лауренцой, усталой равнодушной женщиной, матерью семи детей.

Тансилло, опрятный и щеголеватый, как всегда, не замедлил явиться. Он обрадовался, увидев синьора Джакомо. Братья Саволино и Лодовико Тансилло были друзьями детства и когда-то вместе играли на склонах Чикалы. Содержатель пансиона и поэт бросились в объятия друг другу.

Выслушав предложение брата отпустить к нему кого-либо из сыновей, Шипионе Саволино, с медлительными движениями земледельца, с лицом, обожженным солнцем, с грубыми негнушимися пальцами, неторопливо заговорил:

– По моему разумению, я думаю так. Моим детям отрываться от земли не следует. Способностей у них к учению нет: сколько Фелипе ни бился, ни одной буквы не запомнили. Так что ты, брат Джакомо, с ними намучишься. Спасибо тебе за доброту, только пусть мои ребята идут по той стезе, как им Бог определил. А насчет Фелипе, тут, конечно, отцу с матерью решать. Но кто поможет тебе, брат Джованни, обрабатывать сад и поле, когда сила придет к концу? Время наше немолодое, старость не за горами, а помещик не смотрит, старик ты или молодой, аренду подавай в срок. Не пришлось бы каяться, если отпустите Фелипе...

– Ничего, справимся, – отозвался Бруно.

Совсем по-другому говорил Тансилло. Он горячо заявил:

– Фелипе должен ехать без всяких разговоров, ему здесь делать нечего. У меня он взял, что мог. Читать на родном языке я его научил, но есть еще латынь, могучая латынь, праматерь итальянского и других языков, международный язык ученых. Есть тривиум и квадравиум, из которых я, жалкий невежда, знаю только немного...

У Фелипе сладко замирало сердце, когда он слушал названия неведомых, но, наверное, увлекательных наук, которые ему предстоит изучать в Неаполе. И среди них, быть может, есть и астрономия!

Решающий голос принадлежал матери. И хотя Фраулисе смертельно жаль было расставаться с ненаглядным сыночком, хотя она не успела посоветоваться с отцом Бартоломео, ее слово было твердое.

– Доля арендатора горькая, – сказала она, – и пусть уж она останется нам с отцом. А Фелипе поедет в Неаполь. Научится наукам, вырастет, может, прелатом станет...

– Пусть он станет человеком, – закончил обсуждение Джованни Бруно.

Джакомо Саволино покидал поселок. Накормленный, напоенный, вычищенный мул пустился по тропинке, а на нем, за дядиной спиной, сидел Фелипе Бруно. И хотя он надолго, быть может навсегда, распростился с отцом и матерью, с веселой оравой друзей, с тенистыми рощами Чикалы, Фелипе всей душой стремился в будущее.

Глава шестая

Неаполь

Крепкий мул быстро вез путников. Фелипе устал вертеть головой: так много интересного было вокруг.

Великолепные сады с апельсиновыми, лимонными, померанцевыми деревьями, отягощенными плодами, сменялись оливковыми и масличными рощами, а дальше дорога шла по городу с высокими узкими домами, стрельчатые окна которых защищали железные решетки. За городской стеной тянулись баштаны с арбузами и дынями и снова рощи, деревни, виноградники, сады, стройные кипарисы на вершинах холмов...

Ни одного необработанного клочка земли величиной хотя бы со скатерть не нашел бы странник в этом густо заселенном краю, где подземный огонь прогревал почву, а распавшаяся лава придавала ей удивительную плодородность.

Несколько раз пришлось переезжать речки по старинным каменным мостам, арками поднимавшимся над водой.

– Работа древних римлян, – с уважением говорил Саволино.

На дороге встречались изображения Скорбящей Божьей Матери. Их ставили на месте гибели путников, павших в схватке с разбойниками. Проезжая мимо иконок, сер Джакомо молчаливо снимал шляпу; Фелипе следовал его примеру.

После трехчасового пути показались стены Неаполя.

Неаполь... Новый город греческих колонистов, один из древнейших городов мира, возникший задолго до начала нашей эры. Многие народы хозяйничали в Неаполе в разные эпохи его существования. Владели им римляне, остготы, византийцы, арабы и даже пришельцы из Северной Франции – воинственные нормандцы.

Следы чужеземных влияний сохранились в Неаполе и в характере построек, и в одежде, и в наружности, и в говоре неаполитанцев. Джакомо Саволино, дорогой рассказавший племяннику историю Неаполя, многое усвоил, присутствуя на занятиях пансионских учителей. Природный ум, хорошая память, жажда знаний дали Джакомо многое, хотя он и выглядел на первый взгляд простачком.

По мере приближения к Неаполю из-за городской стены все более выдавалась серая громада крепости Санта-Эльмо. Фелипе удивился, что жерла пушек были, нацелены на город.

– Дядя, почему пушки направлены на город? – спросил мальчик. – А если придут враги?

Саволино горько усмехнулся.

– Видишь ли, дружок, – объяснил он, – испанцы боятся не тех врагов, что могут прийти извне, а тех, которые в городе. Они трепещут перед нами, итальянцами. Если бы не Санта-Эльмо, то в сорок седьмом году завоеватели были бы изгнаны из нашего города.

Саволино рассказал мальчику о восстании 1547 года, когда испанцы решили учредить в Неаполе инквизицию. Вооруженные столкновения начались 16 мая. Во время баррикадных боев погибли сотни горожан, но и испанцы понесли значительные потери. Десять дней продолжалась упорная борьба. Только пушки Санта-Эльмо помогли испанцам отбить восставших и удержать за собой город.

Все же испанскому королю и римскому папе пришлось отказаться от введения инквизиции в Неаполе и постановить, что дела еретиков будут разбираться местными церковными властями.

– Так-то, малыш, был и я тогда воином, – с гордостью закончил рассказ Саволино. – Я водил отряд молодцов на расправу с изменниками-дворянами, перекинувшимися на сторону врага. Немало знатных голов склонилось в те дни на плаху, под топор палача. Но тсс... Об этом никому ни слова!

– А если узнают? – прошептал Фелипе.

– Не узнают: из предосторожности я назвался тогда гражданином городка Торре-Аннунциата, принял другое имя. Выглядел я тогда не увальнем, как теперь, а был гибким, стройным... После восстания я убрался во Флоренцию и там несколько лет торговал сукном. Нет, в почтенном содержателе пансиона Джакомо Саволино никому не признать опасного мятежника. – Саволино рассмеялся.

– Эй, сторонись, собачий сброд! – послышался сзади грозный окрик.

Саволино и Фелипе оглянулись: подымая облако пыли, их нагоняла карета, запряженная четверкой лошадей. Впереди скакала стража с аркебузами поперек седла, с короткими, поставленными стоймя пиками. Джакомо поспешно свернул с дороги, и карета, громыхая, пронеслась мимо.

– Вице-король! – воскликнул Саволино, когда карета и всадники скрылись за поворотом дороги. – Проклятый наместник проклятого короля!

Фернандо Альварес де Толедо, герцог Альба, душитель свободы народов, сначала в Италии, позднее в Нидерландах, беспощадно расправлялся с врагами католической церкви и испанской короны. По его повелению погибли на виселицах, на кострах, под топором палача десятки тысяч людей.

Едва Фелипе успел выслушать рассказ дяди об Альбе и его «подвигах», сопровождаемый многими крепкими словами, как путники подъехали к городу.

У городских ворот стоял испанский караул. Солдаты в широкополых суконных шляпах с перьями, в красных мундирах и широких штанах, в кожаных ботфортах, вооруженные аркебузами и шпагами, смотрели на итальянцев свысока, разговаривали с ними грубо.

За въезд или выезд из города бралась плата: два сольдо с человека и пять с мула.

– Испанцы не успели обложить налогом только воздух, которым мы дышим, – с горечью сказал Саволино, когда ворота остались позади. – Домовладелец платит за каждый камин, за каждую дверь, за каждое окно в своем доме; купец платит за право торговать, портной – за право шить, цирюльник – за право стричь; плачу я за то, что содержу пансион... Э, да что перечислять! – Джакомо махнул рукой. – Мы понимаем, что без налогов государство не может существовать, налоги всегда были и будут, но надо же знать меру!..

Украинами города путники проехали на улицу Добрых бенедиктинцев, где помещался пансион Саволино.

Огромный двухэтажный дом Леонардо Фазуччи давно нуждался в основательном ремонте. Стены его, когда-то окрашенные в нежно-розовый цвет, облупились, двери закрывались плохо и скрипели, черепица на кровле повыбилась. Но ни обедневший владелец, ни арендатор не думали тратить деньги на приведение здания в нарядный вид. Впрочем, большинство домов в Неаполе нуждалось в основательном ремонте.

Дядя объяснил мальчику:

– Ты думаешь, это от небрежности или скупости хозяев? Нет, милый мой, тут иная причина. Если бы кто вздумал приукрасить свое жилище, испанцы мигом взяли бы его на заметку: «Состоятельный человек, надо обложить его повышенным налогом!» А повышать-то некуда!

Огромная передняя дома Фазуччи сохранила следы былой роскоши. Стенная роспись облезла, стекла в частых свинцовых переплетах потускнели, в потемневшем паркете многих шашек не хватало. И все же передняя имела внушительный вид. Саволино подмигнул племяннику:

– Родители моих учеников сразу проникаются почтением к содержателю пансиона, нанимающему такой богатый дом!

Привратник, седой, согнувшийся от старости Джузеппе Цампи, низко поклонился:

– С благополучным возвращением, синьор хозяин! Иисус Христос в Ноле еще не объявился?

– Нет, не объявился, мой добрый Цампи!

– И у нас тоже! Но говорят, скоро будет. Я готов предстать перед Страшным судом с душой, очищенной от грехов. Каждый вечер исповедуюсь, синьор Джакомо! – похвалился старик с восторженной улыбкой на морщинистом лице.

– Очень хорошо делаешь, Цампи, – одобрил Саволино.

Фелипе с изумлением слушал этот странный разговор, но дядя сделал ему знак не задавать вопросов. Лишь когда они прошли в глубь здания, дядя объяснил:

– Старик Цампи сошел с ума, наслушавшись странствующего проповедника. Появился тот в Неаполе с год назад и начал предсказывать близкое пришествие Христа и кончину мира. Я сам слышал этого фанатика, когда он весь в черном, с горящими глазами, проповедовал на площади. Мужчины мрачно молчали, опустив головы, а женщины рыдали, разрывали на себе одежды, царапали лица ногтями. Тогда-то и помешался бедный Цампи...

– Дядя, говорят, сумасшедшие опасны...

– Наш Цампи не такой, – сказал Джакомо. – Кроме ожидания Страшного суда, он в остальном разумный человек. Не надо только с ним спорить, когда он бредит о Христе. Я убедился, что это бесполезно.

Во время разговора сер Джакомо вел Фелипе по длинным коридорам, и наконец они вошли в апартаменты, занимаемые Саволино.

Их встретила синьора Васта, женщина средних лет с красивым грустным лицом. Печаль не покидала лица Васты с тех пор, как супруги Саволино потеряли от дифтерита сразу двух детей: сына Джулио и дочь Альду. Это случилось четыре года назад. Со смертью детей совпало разорение синьора Джакомо, и Васта, тосковавшая по детскому смеху, детским голосам, подала мужу мысль открыть ученический пансион.

На удивленный взгляд жены Джакомо ответил:

– Вот, привез одного. Это – Фелипе, сынишка Фраулисы. Брат Шипионе не отпустил никого из своих ребят.

Васта бросилась к племяннику, обняла его, осыпала лицо мальчика поцелуями.

– Маленький мой, как я рада тебе!

Фелипе смутился, а тетка жадно рассматривала черты его лица, стараясь найти сходство с умершим сыном.

«Нет, не похож, – с огорчением подумала она. – Но все равно буду любить его...»

– Здравствуйте, синьора Васта, – вежливо сказал Фелипе, как учила его мать.

– Не синьора, а тетя, тетя Васта, – ласково поправила его женщина. – Ты, наверно, уже соскучился по маме?

– Да, тетя Васта, – потупился Фелипе.

– Ну ничего, мой маленький, вот попривыкнешь у нас, и мы напишем маме большое-пребольшое письмо. Ты умеешь писать?

– Пишу, только еще плохо, – прошептал мальчик.

– Научишься! Но что же я, – спохватилась синьора Васта. – Ты, конечно, проголодался с дороги, пойдем, я тебя накормлю.

Ожидая племянников из Нолы, Васта долго раздумывала, где их поместить. Бездетной женщине хотелось, чтобы мальчики жили рядом с ней, и все же она решила, что не стоит создавать им особые условия, выделять из общей среды. Теперь при взгляде на Фелипе, такого маленького и нежного, так исхудавшего после болезни, Васта чуть не поколебалась в своем решении.

«Возьму его к себе хоть на время, – думала она. – Пусть поправится, привыкнет к нашим порядкам. Хотя... Потом труднее будет отрываться от него. Пусть уж будет так, как задумано...»

Накормив Фелипе, тетка повела его по парадной лестнице в ученическую спальню, помещавшуюся на втором этаже. Парадная лестница была так широка, что по ней могла проехать карета, запряженная шестериком лошадей в ряд. Но мраморные ступени были выщерблены, резьба ограждений поломана, перила изрезаны ножом.

Кровати учеников стояли в громадной комнате, высота которой поразила Фелипе: она была не меньше пятнадцати локтей. Подоконники узких окон находились высоко над полом, мелкие стекла пропускали мало света, и в дортуаре было мрачновато, хотя на улице стоял солнечный день.

К одной из стен примыкал камин, такой большой, что там можно было жечь целые бревна. Но он был до половины заложен кирпичом, чтобы не платить за него налог, как объяснила мальчику тетка.

Узнав о появлении нового школяра, в комнату вбежали пять-шесть мальчиков в возрасте от десяти до пятнадцати лет. Ученики были распущены на летние каникулы, и в пансионе оставались только иногородние, за которыми не приехали родные. Представив ученикам Фелипе, синьора Васта ушла.

– Новичок, новичок!..

Новые товарищи окружили Фелипе.

Школьники любят задирать новичка, поднять насмех. Окружив Фелипе, ребята насмешливо рассматривали его простенькую куртку с аккуратными заплатами, короткие панталоны, едва доходившие до колен. Один мальчуган, особенно задорный, ровесник Фелипе, воскликнул, намекая на пятна, еще не сошедшие с лица Бруно:

– Ой, братцы, боюсь! Оно, наверное, кусается!

– Да, оно кусается! – звонко воскликнул Фелипе, и в тот же миг насмешник получил здоровенную затрещину, сбившую его с ног. Оскорбленный бросился на обидчика, но старшие ребята стали между ними.

– Ты получил по заслугам! – строго сказал высокий стройный Альфонсо Маринетти. – А теперь подайте друг другу руки.

Поступок новичка внушил к нему уважение товарищей, и Фелипе Бруно был безоговорочно принят в среду пансионеров с улицы Добрых бенедиктинцев.

Фелипе, привыкший к простой удобной одежде сельских ребят, сам мог бы поиздеваться над костюмами неаполитанских школяров. Они носили длинные черные кафтаны строгого покроя, похожие на сутану, их брюки ниспадали на мягкие башмаки.

Фелипе недолго ходил в деревенской одежде. Вечером в пансион пришел портной, снял с Фелипе мерку, и через два дня маленький ноланец не отличался по внешнему виду от пансионеров Саволино. Новый костюм страшно не понравился мальчику, он стеснял его движения, держал точно в оковах. Но Фелипе безропотно подчинился всем требованиям, какие предъявляла новая обстановка.

Глава седьмая

На городских улицах

Луиджи Веньеро, развеселый мальчуган из Аверсы, первым испытывший силу кулаков Фелипе, сделался закадычным другом новичка.

До начала занятий оставалось еще больше двух недель, и с разрешения синьоры Васты два друга целыми днями бродили по улицам. После маленькой Нолы Неаполь казался Фелипе грандиозным. Но было в нем такое, что роднило этот большой город с Нолой. Куда бы ни забрались мальчики, на востоке всегда виднелась двугорбая вершина Везувия, точно синяя туча, по капризу спустившаяся на землю. А на закате гора принимала бесподобный фиолетовый цвет.

Благодаря необычайной прозрачности воздуха казалось, что стоит добраться до конца улицы, выйти за городскую стену – и он окажется перед тобой, вечно дымящийся, вечно грозящий людям вулкан. А на деле до него пришлось бы прошагать добрых пять-шесть миль.

Жизнь Неаполя, как и любого южного города, в дневное время протекала на улицах, площадях, набережных. По утрам горожан будили козы. Едва лишь небо начинало розоветь на востоке, как Неаполь наводняли полчища коз. Пригородные молочницы не обременяли себя тяжелыми сосудами с молоком. Они просто пригоняли к крыльцу покупателя стадо коз; белые, черные, пестрые козы теснились на мостовой, звонко стуча копытцами по лавовым плитам. Каждое стадо вел старый козел с острыми рогами, свалывшейся шерстью. Козлы знали свое дело и с точностью почталыонов разводили подчиненных по домам клиентов.

Кухарка выносила посуду, звонкие струйки молока, пенясь и сверкая в утреннем свете, наполняли кувшины, и разношерстное, блеющее стадо, следуя за бородатым вожаком, отправлялось дальше.

А потом приходили или приезжали на ослах поставщики овощей и фруктов, продавцы яиц, битой птицы... Многоголосый гомон наполнял узкие улицы, хлопали открываемые ставни, и уже проходил в церковь патер в черной рясе, благословляя прохожих.

«Шумно живут неаполитанцы, – удивлялся Фелипе. – А у нас, в Сан-Джованни, какая по утрам тишина...»

На следующий день после приезда Фелипе Луиджи потащил приятеля на набережную Санта-Лючия.

У Фелипе разбежались глаза. Широкая набережная, покрытая прочными стекловидными плитами из лавы, кишела народом.

У самой воды продавались *frutti di mare*, «плоды моря» – устрицы, рыба и прочая морская живность. Широкие низкие корзины с угрями и сардинами стояли рядами. Увесистые тунцы, плоские камбалы, скаты – морские черти – были разложены прямо на земле. В бочках с водой копошились молодые осьминоги и омары.

Продавцы громко расхваливали товар.

– А вот сардинки свежие, нежные, как улыбка девушки, – громогласно кричал высокий детина, мощную грудь которого прикрывал вместо куртки кусок просмоленной парусины.

– Мурену берите, мурену! – зазывал другой. – Ее хоть и не откармливали человеческим мясом, да вкус от этого не хуже!

А третий просто голосил великолепным тенором:

– Угри, угри!.. Угри, угри-и, угри-и-и!.. – И, чуточку помолчав, добавлял октавой ниже: – Угри пятнистые...

Тучный монах, как видно любитель выпить, судя по его сизо-багровому носу, убеждал старого рыбака купить у него священную реликвию:

– Да ты понимаешь, невежда, что я тебе предлагаю? В этом пузыречке слезы святой Агнесы. Три капельки исцеляют от любой болезни...

– Что-то они похожи на морскую воду, – возражал рыбак.

– А на что должны походить слезы, дубина ты этакая! Пойми: за одну лиру ты покупаешь здоровье в этой жизни и блаженство в будущей!

Убежденный рыбак лез в карман за кошельком.

Покупательницы с сумками в руках придирчиво осматривали товар: нюхали рыбу, щупали, заглядывали в жабры. Потом начинался торг. Кричали так отчаянно, так махали руками, что можно было подумать: встретились заклятые враги. Но этот крик заканчивался, и товар из корзины продавца переходил в кошелку покупательницы.

Пройдя рыбный ряд, друзья очутились у причалов, где стояли суда. Овеянные запахом моря и далеких заманчивых стран, откуда они пришли, корабли со спущенными парусами покачивались на морской зыби. Носильщики, разгрузившие суда, спускались по трапам с большими тюками и ящиками на спинах, катили мокрые рыжие бочки...

– Сколько здесь кораблей! – воскликнул Фелипе.

– Э, сынок, то ли было раньше, до испанцев! – сказал оборванный старик, стоявший с удочкой у воды. – Тогда в гавани было тесно от кораблей.

– А ты видел? – дерзко возразил Луиджи.

– Я-то сам не видел, – спокойно ответил рыболов, – а мне рассказывал дед. Он прожил на свете сто двадцать два года, а ты и четверти этого не проживешь за непочтение к старшим.

Сконфуженный Луиджи стал просить прощения за грубые слова.

– Я вижу, ты хороший мальчик, коли признаешься в своей вине. За это я могу показать тебе и твоему товарищу такое зрелище, какого нигде больше не увидишь.

– Какое зрелище, дедушка? – спросил любопытный Луиджи.

– Неаполь с моря в лунную ночь, – внушительно ответил старик. – Отпроситесь сегодня у родных и приходите вечером в рыбацкий поселок ко мне, к дедушке Кикибьо.

Когда школяры явились, старый Кикибьо уже сидел в лодке; он приготовил удочки, взял кувшин с водой, провизию.

Луна поднялась над двуглавой вершиной Везувия, огромная, величественная, и осветила спящий город. Мальчики ахнули от восхищения: действительно, такое зрелище стоило посмотреть.

Волшебный свет луны скрыл все изъяны городских зданий и нарисовал чудесную картину. Освещенные луной, стены ближних домов как бы купались в море, а за ними в прозрачном сиянии поднимались все выше и выше новые громады дворцов, храмов, башен. И вдали угрюмо грозила городу крепость Санта-Эльмо, которой даже лунный свет не мог придать обаяния.

В другой раз приятели пошли на фруктовый рынок с кухаркой Чеккиной. На рыночной площади было так тесно, что продавцы, привозившие товар на осликах, разгружали животных в прилегающих улицах и на себе перетаскивали корзины с фруктами к лоткам.

Апельсины, лимоны, померанцы, персики громоздились на столах яркими пирамидами, наполняя воздух ароматом. Нежные сладкие фиги россыпью лежали на столах. Груды чудесных дынь и арбузов напомнили Фелипе времена веселых набегов на баштаны в Сан-Джованни ди Ческо, и при мысли о том, что эти времена прошли, мальчик вздохнул.

Гроздь винограда, связки луковиц, стручки пахучего красного перца свешивались с веревок, туго натянутых над площадью. А желтые тыквы диаметром с тележное колесо служили продавцам вместо стульев.

Общее внимание было привлечено появлением мавра-фокусника в широком пестром одеянии, с большой белой чалмой на голове.

– Синьоры и синьорины, почтенные граждане Неаполя! – звучно возгласил фокусник, стараясь заглушить базарный гомон. – Сейчас перед вами покажет свое искусство знаменитый Али ибн Али ибн Мухамед! Моему волшебному мастерству рукоплескали халифы и султаны, императоры и короли! Но что толку в словах? Перейдем к делам!

Али ибн Али протянул руку к пирамиде апельсинов и взял с самого верха крупный золотистый плод. Пометив его красной краской, фокусник поднес плод ко рту, сделал неуловимое движение, и апельсин исчез.

– Проглотил! – ахнули пораженные зрители. – Проглотил целиком!

А торговка сердито закричала:

– Плати кватрино за товар, бесстыжий нехристь!

– Простите, уважаемая синьора! – воскликнул мавр. – Я не обязан платить за плод, который вам было благоугодно спрятать себе в башмак!

Ибн Али быстро нагнулся, сорвал у торговки с ноги башмак, прежде чем та успела помешать, и протянул его зрителям. В нем лежал апельсин, помеченный краской.

– Тот самый! – взревела восхищенная толпа.

– Всякое искусство требует поощрения, синьоры, – скромно сказал фокусник и протянул к публике ладонь.

В нее упало несколько кватрино, и они мгновенно исчезли. Мальчики, увлеченные фокусами, давно потеряли из виду Чеккину, но ничуть об этом не беспокоились: Луиджи знал дорогу домой.

Али ибн Али продолжал фокусы, но приток даяний заметно истощался и, наконец, иссяк. И в этот момент сверху послышался глухой голос:

– Синьоры и синьорины! Доколе вам будет морочить головы этот наглый язычник?

Люди в изумлении подняли головы. Говорила статуя, на согнутую спину которой опирался балкон ближнего дома.

– Чудо, чудо! – пронеслось в толпе.

– Вы смотрите жалкие фокусы мавра, – продолжал голос, – и не ведаете, что среди вас находится предсказатель судьбы. Он нем от рождения и приказал говорить за него мне. От этого необыкновенного мудреца вы узнаете ваше будущее!

Отвернувшись от фокусника, любопытные увидели высокого человека в длинной мантии, с остроконечным колпаком на голове, на груди его висела дощечка с надписью: «Верное предсказание судьбы за одно сольдо!»

В руке чревоушатель держал ящичек с зелеными билетиками. Оставленный всеми фокусник скрылся, а люди бросились покупать билетики, и сольдо щедро посыпались в руку немого. Грамотные читали предсказания про себя, шевеля от усердия губами, а неграмотные искали тех, кто мог бы им помочь.

Один из толпы обратился к Фелипе, и тот прочитал:

«Скоро в твоей судьбе произойдет великий переворот, который вознесет тебя или погубит. Опасайся начинать важные дела в пятницу, это несчастный для тебя день».

Ошеломленный человек побрел прочь, машинально бормоча:

– Вознесет или погубит... Погубит или вознесет... Остерегаться пятницы!..

После Нолы, где нищих было мало, Неаполь поражал Фелипе массой уродов и калек, просивших подаяние. На папертях церквей, у рынков, на главных улицах и оживленных площадях – всюду кишели слепые, хромые, безногие и безрукие, выставляя напоказ свои уродства, болячки и язвы. Внимание благодетелей привлекалось по-разному. Кто пел песни, кто гнусаво читал молитвы за здоровье даятеля и всех его родных и близких, кто просто уныло тянул с протянутой рукой:

– Подайте кватрино, синьоры!.. Только один кватрино!..

Фелипе обратил внимание на здорового молодца с курчавой черной бородкой и короткими усиками, просившего милостыню на паперти ближней церкви. Вместо ног у него были деревяшки, и он стучал ими одна о другую при появлении прохожего. Сольдо и кватрино падали в его засаленный шерстяной колпак довольно щедро, он прятал их в кошель, разглаживая усы.

– Как жалко его! – сказал Бруно. – Такой молодой, а калека.

Когда мальчики завернули за угол, Веньеро тихо заговорил:

– Он такой же безногий, как мы с тобой. Зовут его Андреа Кучильо, и деревянные у него поддельные. Ты знаешь, что значит «кучильо»?

– Нет, – сказал Фелипе.

– Это «нож» по-испански. Андреа получил такое прозвище за то, что при каждой ссоре хватается за нож. Он уже зарезал несколько человек, это говорил мой приятель Ванино, сын судьи Корво.

– Так он бандит? – с ужасом прошептал Фелипе.

– Ого, еще какой! Днем он нищий, а ночью – bravo.

– Почему же он не на каторге? – удивленно спросил Бруно.

– Хитер. Сер Корво сколько раз пытался поймать его с поличным, только никак не удается. Да он не один такой – Кучильо. Среди городских нищих – половина бандитов.

С тех пор Фелипе со страхом обходил подальше церковную паперть, где сидел Андреа Кучильо.

...Любили мальчики бродить по улицам, где представлялась возможность поглазеть на работу ремесленников. На каждой улице преобладало какое-нибудь одно ремесло. В ремесленных кварталах всегда было оживленно. Люди не хотели сидеть в тесных каморках и выбирались на улицу с орудиями производства.

Вот переулок, где жужжат веретена в ловких руках прядильщиц. Женщины разговаривают о своих делах или поют песню, а тонкая ровная нить пряжи точно сама собой сбегает с прялки и наматывается на веретено. За углом стучат ткацкие станки: там пряжа превращается в бархат, сукно, тонкое полотно и другие дорогие материи, которые пойдут на одежду богачей. Сами ткачи одеты кое-как, в ветхие

куртки и короткие парусиновые штаны. Неустанно работая челноком с утра до ночи, ткачи зарабатывали только на пропитание семьи, – где уж тут думать о нарядах...

Вот новая улица, новое ремесло. Здесь портные. Они сидят на низких столах, поджав под себя ноги, и проворно работают иглой. Они шьют бархатные кафтаны для дворян, красные кардинальские мантии, солдатские мундиры, сутанеллы для школьников.

В другом квартале мальчишки, глотая слюнки, наблюдали, как кондитеры варят конфеты. Сладкий фруктовый сироп выпаривался в медных луженых тазах, а потом густая липкая масса резалась на кусочки и раскладывалась для сушки. И если у Луиджи или Фелипе еще залеживался к этому времени кватрино, монетка переходила в карман кондитера.

На улицах Неаполя всегда звучала музыка, слышались песни. Гнет испанцев был тяжел, но народ не может годы и годы жить в мрачном молчании, особенно если этот народ одарен от природы живым, веселым характером и редкой музыкальностью.

Песни пелись разные, но больше всего было песен о любви и свободе. Высмеивались завоеватели-испанцы с их невыносимым самомнением и спесью. Народные песни предсказывали счастливое время, когда завоевателей прогонят с итальянской земли...

На площадях и рынках звенели мандолины и лютни. Иной музыкант был настоящим виртуозом, и под его искусными пальцами струны рассказывали о радости и горе, о любовной тоске, пели о свободе...

Насколько шумными и оживленными были христианские кварталы Неаполя, настолько пустынными и молчаливыми выглядели переулки гетто – европейской части города.

В первом столетии нашей эры евреи, изгнанные из Палестины римскими завоевателями, расселились по многим странам Европы. Они жили в Англии, Германии, Польше, Испании, Италии... Но нигде они не смешивались с местным населением, и происходило это не только по их воле. Христиане боялись соперничества с искусными еврейскими ремесленниками, с еврейскими купцами, а попы и монахи искусственно раздували религиозную рознь. И потому во всех христианских странах издавались суровые законы против евреев, ограничивавшие их права. И все же евреев терпели, потому что знать и даже правители государств могли занять у них денег в трудную минуту.

Евреям разрешалось жить только в гетто, и эта часть города отгораживалась от христианских кварталов. Ворота, ведущие из гетто, запирались на ночь. Еврею, оказавшемуся ночью в христианских кварталах, грозила серьезная кара. Больше того: и в дневное время еврей, оставляя гетто, должен был иметь на одежде особый знак, указывающий на его национальность. Обычно это была желтая нашивка.

Всюду гонимые и притесняемые, евреи не могли относиться к христианам дружелюбно. Это испытали на себе Фелипе и Луиджи, когда забежали в гетто, воспользовавшись отсутствием привратника.

Безлюдье и тишина еврейских кварталов поразили мальчиков, только что оставивших позади веселый шум и гомон ремесленной улицы. Редкие прохожие в длинных одеждах, в черных ермолках смотрели на мальчиков с ненавистью.

Фелипе и Луиджи опрометью бросились назад. Когда они миновали ворота, им показалось, что они побывали в сказочном сумеречном царстве...

Лишь только солнце склонялось к закату, улицы Неаполя пустели. Умолкали мандолины, прекращались песни. Крестьяне спешили возвратиться в деревни, торговцы уносили нераспроданные товары, ремесленники перебирались в дома, еврейские менялы торопились укрыться в гетто, горожане прятались по домам и закрывали двери на хитроумные запоры, монахи расходились по монастырям.

После захода солнца одни только испанские солдаты ходили по улицам, бряцая оружием и останавливая каждого прохожего, имевшего неосторожность встретиться с ними в ночной час.

Глава восьмая

Школа

Занятия в пансионе Саволино начались утром в понедельник 5 сентября 1558 года. Ученики победнее приходили пешком. Дети дворян и богатых купцов являлись в каретах, сопровождаемые слугами. Слуги эти в учебное время жили в пансионе, ухаживая за молодыми баричами. Они одевали и причесывали их по утрам, сопровождали на прогулках, прислуживали за столом, вечером укладывали в постель.

Принарядившийся Джузеппе Цампи встречал учеников у входа. Каждому приходящему привратник задавал неизменный вопрос:

– Не появился ли Иисус Христос в Неаполе?

Знакомыми коридорами ученики проходили в классную комнату – большое помещение, уставленное столами. Там Джакомо Саволино отмечал в матрикуле каждого вновь появившегося и поздравлял его с началом учебного года.

На стенах класса висели дощечки с крупно написанными латинскими пословицами. Предполагалось, что пансионеры будут запоминать латинские слова и применять на деле житейскую мудрость пословиц.

Но вот пансионеры расположились на прошлогодних местах; новичков рассадил содержатель пансиона. Дядя поместил Фелипе рядом с Луиджи Веньеро, который обещал помогать другу на первых порах его школьной жизни.

Все было готово для начала занятий. Джакомо Саволино встал и, перекрестившись, промолвил гнусаво-благочестивым голосом:

– А теперь, юные братия мои, пройдемте в капеллу и вознесем хвалу Господу, сохранившему ваши тела и души, дабы вы сподобились принимать духовную пищу, которую станут преподносить вам наставники и учителя ваши...

Фелипе бросил недоумевающий взгляд на дядю, тот в ответ незаметно подмигнул ему и тотчас принял строгий вид. Воспитанники гуськом потянулись за Саволино в небольшую капеллу, стены которой какой-то неумелый художник расписал изображениями святых. Алтарь находился на небольшом возвышении. У стен стояли светильники с ярко горевшими восковыми свечами. Пахло ладаном.

Когда молящиеся расселись по скамейкам и успокоились, перед ними появился дон Базилио Беллука, высокий плотный монах в белой пелерине поверх черной рясы, с большим серебряным крестом в руке.

– *Benedicat Deus!* – звучно провозгласил он начало мессы.

– Аминь! – пропел в ответ ученический хор.

Фелипе рассеянно крестился, но мысли его были далеко. Он вспоминал родную деревушку, бедный домик у подножия Чикалы, ему представлялся отец, работающий в саду, мать у кухонного очага.

«А что делают ребята? – думал молодой школяр. – Наверное, забрались за арбузами к дедушке Амброзио, он долго спит по утрам».

И в эту минуту привольная жизнь среди природы показалась Фелипе привлекательнее всех наук.

Обедня шла. В углу капеллы молилась синьора Васта. У порога в припадке религиозного усердия распластался на полу старый Джузеппе Цампи.

Месса кончилась, дон Базилио благословил верующих, и все потянулись из часовни, бережно перешагивая через распростертого Джузеппе Цампи. Напрасно старик умолял наступать прямо на него, просьбы не действовали. И только Луиджи Веньеро доставил старому безумцу утешение. Расшалившись, он толкнул Фелипе, и

тот полетел на спину Цампи. Старик охнул, по привычке обругал баловников, но спохватился и принялся благодарить Господа за ниспосланное страдание.

Пансионеры снова собрались в классе. Появилась синьора Васта с пачкой потрепанных учебников латинской грамматики. Книги ценились дорого, и один учебник выдавался на трех-четырёх учащихся. Старший в группе отвечал за сохранность книги.

Бумагу экономили, и в школах писали на гладких воощеных дощечках деревянными палочками – стилями. После того как ученик исписывал дощечку, он тупым концом стиля затирал написанное, и можно было начинать снова. Такие дощечки синьора Васта раздала всем ученикам с наказом беречь их. Получил дощечку со стилем и Фелипе.

И только когда закончились все приготовления к занятиям, в класс вошел преподаватель латинского языка, лицензиат Эрминьо Гуальди. Это был маленький человек с важной осанкой, с короткими черными волосами и выбритой на голове тонзурой. Тонзура служила признаком принадлежности к духовному или по крайней мере к ученому сословию. Человека с тонзурой уважали, нелегко было получить право носить ее.

В школах наказания были так часты, что про образованного человека говорили: «Он вырос под розгой учителя».

Розгу часто заменяла ферула, длинная линейка из крепкого дерева. Этой линейкой учитель бил нерадивых учеников по рукам, но доставалось и другим частям тела.

Дон Эрминьо держал в одной руке учебник, в другой – ферулу.

После того как была прочитана по-латыни молитва, начался урок. Не обращая внимания на новичков, лицензиат стал продолжать изучение грамматики с той страницы, которую задал учить на каникулы.

– Маринетти, ответь, какая часть речи слово «агта».

– «Агта» есть имя существительное, собирательное, среднего рода, множественного числа.

– Правильно, садись. Биччи, почему слово «агта» среднего рода?

Биччи, худенький, бледный мальчуган с рыжими волосами, вскочил и, боязливо глядя на учителя, забормотал:

– Потому... потому что... имена... все имена...

– Полным ответом! – рявкнул лицензиат.

– Имена существительные... оканчивающиеся... во множественном числе... на «а»... все без исключения среднего рода.

Гуальди, при первых словах Биччи приподнявший ферулу, опустил ее на кафедру.

– Так. Назови производное от «агта» сложное имя!

– Armiger... Armiger... – зашептали соседи.

Но запуганный Биччи не слышал подсказок.

– Подойди сюда, Биччи... Еще поближе, – со зловещей любезностью приглашал дон Эрминьо. – Ты, видно, летом полагался больше на милость святых, чем на собственное усердие. Милость святых, конечно, велика, но латынь они за тебя учить не будут!

Когда дрожащий мальчуган протянул ладонь левой руки, раздался полновесный удар. Сдерживая слезы, Биччи вернулся на свое место, а лицензиат наставительно разъяснил:

– Из слов «агта» – «оружие» и «геро» – «носить» составляется слово «armiger» – «оруженосец». Вот что ты должен запомнить, друг мой Биччи, отныне и во веки веков!

Урок продолжался.

Фелипе шепотом спросил товарища:

– А как же с нами, новичками?

– С вами будет заниматься кто-нибудь из старших учеников, пока вы не догоните остальных.

Фелипе облегченно вздохнул. Знакомство со страшной ферулой дона Эрмйнио отодвигалось.

Следующим уроком было пение. Пение считалось важным предметом, потому что большинству учащихся предстояла духовная карьера. Пение преподавалось только церковное.

Кантор Рикардо Поляна принес большой кожаный футляр. Он положил его на ближайший к кафедре стол и извлек оттуда виолу и пучок розог. Постаравшись придать своей добродушной физиономии свирепый вид, большой рыхлый дон Рикардо помахал в воздухе пучком розог и положил его на кафедру. Фелипе с удивлением заметил, что ученики втихомолку пересмеивались, как будто грозное предупреждение кантора их не испугало.

– Сегодня будем разучивать псалом «Блажен муж», – неожиданно тонким для его грузной фигуры голосом объявил дон Рикардо.

Он вынул из футляра несколько листочков и роздал ученикам. В глазах у Фелипе зарябило от непонятных линий, кружков, крючков и закорючек. Под линейками были написаны слова на латинском языке.

Фелипе толкнул товарища в бок:

– Что это такое?

– Ноты псалма, который будем разучивать. Видишь ли, каждая нота означает определенный звук...

Но тут на них шикнул учитель, и Веньеро оборвал объяснение.

– Луиджи, а я как? – шепнул Фелипе.

– Ничего, – усмехнулся Веньеро. – Делай вид, что поешь, да пошире раскрывай рот.

Дон Рикардо настроил инструмент и, поставив его между колен, провел смычком по струнам. Фелипе никогда не слышал игры на виоле, и мягкий звучный тон инструмента ему понравился. Кантор проиграл мелодию псалма.

– Теперь смотрите в ноты и пойте за мной.

Фелипе понял, почему ученики дона Рикардо не испугались принесенных им розог. Поляна всецело увлекся игрой и пением. Услышав неправильную ноту, он только бросал полусердитый, полумоляющий взгляд на виновника. Чтобы наказать его розгой, приходилось прервать мелодию. Это превышало силы дона Рикардо. Но одного проступка не прощал кантор – это равнодушие к преподаваемому им предмету. Достаточно было заметить ученика с закрытым ртом, как дон Рикардо приходил в ярость. Он с шумом бросал виолу на стол, хватал розги, и тут уж не помогали мольбы о прощении.

Предупрежденный приятелем, Фелипе благополучно миновал опасные рифы и отмели. Одаренный прекрасной памятью и хорошим слухом, он внимательно вслушивался в звуки виолы и слова псалма, и к концу урока его звонкий голос уже смело вливался в общий хор.

Продолжительность урока не была строго установлена, она зависела от настроения учителя, его добросовестности и выносливости учеников. Уроки латинской грамматики и пения продолжались часа четыре – до обеденного перерыва.

На обед собрались в обширной полутемной столовой, где на разошедших дубовых панелях были вырезаны плоды и фрукты, разнообразная дичь, большие рыбы.

Сервировка стола отличалась разнообразием, так как каждый пансионер, по условию, являлся со своей посудой. Поэтому на столе рядом с фарфоровыми

тарелками и серебряными кубками можно было увидеть простые глиняные миски и кружки небогатых учеников.

За столом прислуживали лакеи знатных воспитанников. Синьора Васта рассчитала, что выгоднее приплачивать слугам учеников, чем нанимать своих лакеев.

Рыба в самых разнообразных видах, макароны, фрукты, легкое виноградное вино – вот из чего по преимуществу состоял стол пансионеров Джакомо Саволино.

После обеда был двухчасовой отдых, во время которого можно было по желанию спать, гулять или развлекаться, а потом старшие ученики шли в класс изучать риторику и диалектику. Новичкам там нечего было делать, и их усадили в дортуаре заниматься латынью под руководством Альфонсо Маринетти. Мальчишки облегченно вздохнули, когда увидели в руках своего нового наставника не грозную ферулу, а просто указку.

– Сегодня мы с вами будем учить «Pater noster», – сказал Маринетти.

– Маэстро, я знаю «Pater noster», – заявил Фелипе, которого этой молитве обучил крестный отец.

Юноша улыбнулся.

– Не зови меня так торжественно, – сказал он. – Ведь я твой товарищ и для тебя просто Альфонсо.

Альфонсо Маринетти был единственным сыном небогатого купца, погибшего на море во время схватки с пиратами. В те времена купцам часто приходилось братья за оружие, защищаясь от разбойников во время торговых поездок. Убитая горем вдова не захотела, чтобы Альфонсо унаследовал профессию отца, и мечтала о духовной карьере сына. Последние крохи состояния она тратила на образование мальчика.

Лучший ученик в пансионе, высокий красивый Альфонсо Маринетти не зазнался от постоянно расточаемых ему похвал. Высшими добродетелями человека он считал справедливость и скромность. Младшие товарищи обожали Маринетти, его слово было для них законом и значило больше, чем распоряжения учителей.

За немногие дни, проведенные в пансионе, Фелипе всей душой привязался к Маринетти, и ласковые слова старшего товарища обрадовали его.

Маринетти дал Фелипе листок пергамента, на котором были написаны латинские слова молитвы. Должно быть, этот листок послужил прописью не одному школьному поколению, так он засалился, некоторые буквы читались с трудом, другие совсем стерлись. Фелипе усердно принялся копировать пропись.

В таких занятиях провел свой первый школьный день Фелипе Бруно.

...Шли дни и недели, и Фелипе все больше привыкал к школьным порядкам, реже вспоминал о доме, о сан-джованнских ребятах.

Учителя заметили способность и усердие маленького ноланца и не раз ставили его в пример другим.

Но товарищи не завидовали Фелипе. Какое-то особое обаяние было в этом веселом, общительном мальчугане с открытым взглядом синих глаз, с темными волнистыми волосами, с заразительной улыбкой на красивом, смуглом лице. Фелипе охотно готовил уроки, но не отказывался принять участие в шалостях, затеваемых товарищами.

Вдвоем с Луиджи Веньеро они задумали подшутить над доном Бенедетто Колли, учителем итальянского языка.

У старого монаха дона Бенедетто случались сердечные перебои, и он натирался валерьянкой. Помогало ли это больному – неизвестно, но, когда он шел по улице, к нему сбегались коты со всей округи. Задрав хвосты трубой, серые, черные, пестрые, белые коты кружились вокруг дона Бенедетто, старались лизнуть подол его сутаны и покорно принимали пинки, которыми награждал их рассерженный монах.

Коты оставляли дону Бенедетто только у пансионского порога. Кругом рассевшись на ступеньках крыльца, они чинно поджидали возвращения своего любимца. Но в доме к нему бросалась пансионская кошка Тутта и ходила за учителем по пятам.

Незадолго перед появлением монаха в пансионе Луиджи и Фелипе прицепили к шее Тутты кусок жирной колбасы, завернутый в бумагу. На бумаге было написано:

«Эту колбасу я подношу дону Бенедетто Колли в знак уважения и преданности, и да придется она ему по вкусу! Тутта».

Дон Бенедетто появился в классе и начал урок, а кошка терлась у его ног, шурша свертком. Отвлекаемый непонятным шорохом и обиженный невниманием слушателей, монах приказал одному из учеников унести кошку. Но, заметив на ее шее сверток, он, на беду, заинтересовался им.

– Что там такое?

Развернув сверток, он с отвращением отшвырнул колбасу: не в пример большинству монахов дон Бенедетто не был чревоугодником и принимал самую умеренную пищу.

– Тут что-то написано, – сказал монах и протянул бумажку ученику. – Прочитай!

И тот под громовой хохот класса прочитал обращение кошки Тутты к дону Бенедетто Колли.

Учитель обиделся:

– Ах, дети, дети! Значит, вы считаете меня обжорой, способным нарушить уставы святой церкви... Вы полагаете, что из-за временной услады желудка я обреку себя на адские муки? Придется донести о вашем недостойном поведении падре Беллука...

Услышав грозное имя Беллука, духовника пансионеров, ученики опустили голову. А испуганные Луиджи и Фелипе, не ожидавшие, что их шалость встретит такое суровое осуждение, вскочили.

– Простите нас, маэстро! – воскликнул Луиджи. – Мы не подумали...

– Молодость опрометчива, старость снисходительна, – наставительно молвил монах. – Я вас прощаю, а вы о своем проступке доложите синьору Саволино, и пусть он поступит с вами, как сочтет нужным.

– Старый лицемер, – сердито прошептал Луиджи, садясь. – Тоже простил, называется.

Зная, что дон Бенедетто проверит, выполнен ли его приказ, приятели после урока сообщили о происшедшем синьору Джакомо.

Саволино с трудом удержался от смеха, слушая рассказ Луиджи. Но оставить без наказания поступок ребят он не мог. Старый святоша Колли развонит об этом по всему городу, и репутация пансиона пострадает.

– Да, негодники, вы совершили серьезное преступление, – сурово молвил Джакомо. – Вы жестоко оскорбили благочестивого дону Бенедетто и должны понести соответствующую кару. Ты, Бруно, – обратился он к племяннику, – в течение трех вечеров будешь перед сном читать вслух по сорок раз «Pater noster». И боже тебя сохрани ошибиться в счете: отец наш небесный не простит тебе такого греха.

Довольный, что так легко отделался, Фелипе опустил голову, чтобы дядя не прочел радости на его лице. А Саволино, глядя на лукавое лицо Луиджи, думал о том, как бы почувствительнее задеть самолюбие шалуна. Взор Саволино упал на длинные волосы мальчугана, красиво ниспадавшие на его плечи. Своей прической Луиджи очень гордился, берег ее и на ночь укладывал волосы в шелковую сетку, чтобы они не путались. И содержателю пансиона пришла в голову мысль.

– А ты... ты, Веньеро, – строго сказал он, – ты в воскресенье пойдешь слушать мессу в церкви Санта Мария Инкороната... и пойдешь без шляпы с сеткой на волосах.

Луиджи меньше испугался бы, если бы оказался в клетке свирепого льва.

Как?! Пойти по оживленным воскресным улицам в самую аристократическую церковь города с сеткой на голове, появиться перед насмешливыми взглядами синьор и синьорин... Да ведь они примут его за неряху-щеголя, забывшего скрыть от публики ухищрения, которыми он поддерживает красоту волос?!

– Нет, нет! – Луиджи, рыдая, упал на колени. – Все, что угодно, только не это, дорогой, добрый синьор Саволино! Я буду читать «Pater noster» неделю... месяц... целый год!

Джакомо, увидевший, что его удар метко попал в цель, остался непреклонным.

– Ты не отделаешься чтением молитв, – сказал он. – Если я назначил такое наказание Бруно, так только потому, что это его первая шалость. А ты... Признайся, что ты был зачинщиком!

Луиджи признался, потому что это было правдой, но и признание не смягчило синьора Джакомо.

– Чтобы ты не сплутовал и не сбросил сетку по дороге, – добавил содержатель пансиона, – я сам поведу тебя в церковь.

Луиджи Веньеро пришлось совершить прогулку в церковь с сеткой на обнаженной голове, и самые его худшие опасения оправдались: он полной мерой испил чашу стыда.

Часть вторая

Любовь

Глава первая

Шесть лет спустя

Новый, 1564 учебный год начался в пансионе Саволино обычным порядком. Учеников встречал сильно постаревший, но еще бодрый Джузеппе Цампи. Протекшие годы не уменьшили веры старика в близкое пришествие Христа, и привратник по-прежнему задавал каждому прибывающему свой неизменный вопрос.

Пансионеры спешили в классную комнату, там их приветствовал и отмечал в списке невысокий крепкий юноша с правильными чертами лица, с приветливыми голубыми глазами и чуть пробивающимися усиками. Это был Фелипе Бруно.

Прошедшие шесть лет сильно отразились на здоровье Джакомо Саволино. Он так располнел, что ему трудно стало передвигаться, и он почти весь день проводил у себя в кабинете. Оторванный от привычных забот, старик пристрастился к чтению. Его любимыми книгами были описания путешествий, философские и исторические труды.

Отрываясь от чтения, синьор Джакомо думал:

«Ведь вот судьба-то! Беря на воспитание Фелипе, я хотел облагодетельствовать семью Бруно, а выходит, благодеяние получил сам. С тех пор как пансион окончил Маринетти, а этому будет уж два года, все дело, если говорить по правде, упало на плечи Фелипе. Ах, что это за помощник, прямо божье благословение!..»

Но дело было не в услугах, которые Фелипе оказывал по пансиону. Одинокие старики полюбили юношу как сына. Они с ужасом думали, как угрюмо протекала бы их жизнь, если бы в их дом не вошел Фелипе.

– Бог взял у нас Джулио, а взамен дал Фелипе, – часто говорила Васта мужу. – А подрастет наш мальчик, женится, будет у нас и дочка. Может, еще и внучат доведется помянчить...

За шесть лет упорного учения молодой Бруно с успехом усвоил все «семь свободных искусств» – науки тривиума и квадриума и пошел дальше.

Латынь он изучил так хорошо, что не только говорил по-латыни, но и мог сочинять звучные латинские стихи, а на это были способны немногие. Мало того: Фелипе овладел греческим языком, который был гораздо труднее латинского.

Он читал в подлиннике Гомера, Фукидида, трагедии Эсхила.

Часто Фелипе с благодарностью вспоминал своего первого учителя, поэта Лодовико Тансилло. Это он, Тансилло, привил маленькому Бруно любовь к знаниям, привычку глубоко вдумываться в прочитанное и извлекать из него самую суть. Лодовико Тансилло первым обратил внимание на богатую память Фелипе и показал приемы ее развития. Бруно не пренебрег указаниями первого наставника. Он уделял много времени совершенствованию своей памяти и достиг необыкновенных успехов.

Память Фелипе поражала и восхищала его товарищей и учителей. Достаточно было Фелипе прочитать или прослушать стихотворный отрывок в двести – триста строк, до того ему не знакомый, и он повторял его, не пропуская ни единого слова.

В умении преподавать Бруно превзошел пансионских учителей. Когда дядя поручал ему заниматься по-латыни с вновь поступившими учениками, он не следовал общепринятым методам и не заставлял малышей бессмысленно вызубривать молитвы и псалмы Давида. Он задавал им учить латинские названия окружающих предметов и употребительные глаголы, помогал строить простые фразы и одновременно занимался с ними латинским письмом. И через три-четыре месяца ученики Бруно разговаривали по-латыни на несложные темы и писали под диктовку простой текст. Обладатели ученых степеней не могли добиться таких успехов от учащихся и за два года.

При встречах с Фелипе дон Эрминьо Гуальди укоризненно качал головой и хмурил брови.

– Ты ведешь занятия с учениками не по установленным канонам, – сурово говорил он.

– Если каноны плохи, от них надо отказываться, – смело возражал Бруно.

Лицензиат приходил в ужас.

– Отказываться от канонов, установленных Рабаном Мавром, Александром Галлом и другими знаменитыми учителями?! Идя по такому опасному пути, ты, пожалуй, скоро посягнешь на уставы святой церкви?!

Фелипе еще в детстве проникся взглядами отца на церковь и ее служителей, но он знал, с кем имеет дело. О Гуальди ходили слухи, что он тайный шпион епископского суда. И потому, приняв благочестивый вид, Бруно говорил:

– Что вы, падре! Я – праведный католик и свято чту установления церкви. Но ведь в евангелии и творениях святых отцов ничего не говорится о том, как преподавать латынь.

Побежденный дон Эрминьо уходил, сердито ворча:

– Погубит тебя, Бруно, вольнодумство!

Пройдя раньше срока пансионный курс наук, Фелипе стал искать наставников на стороне. Найти их было нетрудно. Как Рим и Флоренция, Неаполь слыл центром просвещения в Италии. Здесь жили многие известные философы и ученые. Логику – науку о законах мышления и науку всех наук – философию любознательный юноша слушал у гуманистов, на публичные лекции которых всегда собиралось множество народа.

Фелипе усердно посещал академию «Тайны природы», ее учредил в 1560 году в Неаполе Джамбатиста делла Порта.

Джамбатиста был совсем молодым человеком, только на семь лет старше Бруно. Достигнув всего лишь девятнадцатилетнего возраста, делла Порта стал во главе академии, целью которой было изучать естественные науки.

В средние века академии не были высшими учебными заведениями или центрами научной мысли страны. Просто они являлись местом, где собирались люди разного возраста, от юношей до стариков, чтобы поделиться своими думами, сомнениями и предположениями, изысканиями в области науки.

В академии делла Порта не было учебных классов или залов для заседаний, не подавались звонки на уроки, не стучал по столу молоток председателя. Люди приходили в палаццо делла Порта как к себе домой. Пришедшие разбивались на кружки, объединенные общими интересами, и горячо обсуждали тот или другой вопрос. А иные любознательные переходили от группы к группе, надеясь услышать что-нибудь новое, интересное.

Иногда молодежь охватывало беспричинное веселье, и кто-нибудь предлагал устроить маскарад.

– Маскарад, маскарад! – разносилось по высоким залам дворца с лепными потолками, с мраморными статуями по углам, картинами знаменитых художников на стенах.

Члены академии расходились и через час-другой возвращались в масках, в причудливых нарядах сарацинов, рыцарей, пиратов, в шубах московитских бояр и древнеримских тогах. Костюмы брались напрокат за недорогую цену у старьевщиков.

Многие приводили жен и сестер, в залах дворца гремела музыка, кружились танцующие пары.

Не часто случались такие увеселения, но долго еще после праздника вспоминала о них молодежь...

В академии делла Порта занимались по преимуществу вопросами естествознания и физики. Всякий, прочитавший интересную книгу по этим отраслям знания, рассказывал о ней в академии. Там впервые услышал Фелипе Бруно об учении Николая Коперника.

Фелипе всегда делился с дядей тем новым, что ему удавалось узнать во дворце делла Порта. Эти беседы были радостью для синьора Джакомо, скрашивали его старость, и он с нетерпением ожидал, когда племянник ворвется к нему в предвечерний час, веселый, оживленный, потрясая листочками, на которых делал краткие записи.

Но в майский день 1563 года возбуждение Фелипе казалось необычайным. Большие синие глаза его сияли, волнистые волосы растрепались, щеки горели румянцем.

– Что с тобой, Фелипе? – удивленно спросил Саволино.

– Дядя, я нашел цель жизни! – торжественно возгласил юноша.

– О, какие громкие слова! – улыбнулся синьор Джакомо. – И где же она тебе повстречалась?

– Ты шутишь, дядя, а я говорю серьезно, – обиделся Фелипе.

– Говори, говори, я слушаю, – ободрил племянника Саволино.

– Ты знаешь, я еще маленьким любил смотреть на небо, наблюдать звезды, Луну. Когда ты повез меня к себе, я мечтал о том, что буду изучать астрономию...

– Ты ее и изучал, да еще у хорошего учителя, дона Деченцио Ланди.

– А что он нам рассказывал? Только то, что написано на первых страницах Библии. – Фелипе так похоже передразнил голос преподавателя, что синьор Джакомо невольно рассмеялся: – «Вначале Бог создал Землю, а потом Солнце,

Луну, планеты и звезды – все это только для того, чтобы они, обходя вокруг Земли, освещали и согревали ее...»

– А это не так? – с любопытством спросил старик.

– Ах, дядя, разве легко узнать истину? Сегодня в академии говорили об учении Николая Коперника из Торна...

– Торн – это в Польше?

– Да, дядя! К несчастью, синьор Джамбатиста сам не читал книги польского астронома, он только слышал о ней, но от его рассказа захватывает дух!

– И что же утверждает польский философ?

– Он не согласен с мнением Библии, которая называет Землю неподвижным центром мироздания. Коперник учит, что Земля вращается вокруг оси, как исполинский волчок. Но ведь слушай, дядя, если это так, то дни и ночи сменяются вовсе не потому, что Солнце ходит вокруг Земли.

– Вот уж этого, дружок, я никак не могу понять, – признался синьор Джакомо.

– Делла Порта показал нам простой опыт, который я могу повторить. – Юноша отодвинул от стола вращающееся кресло дяди. – Я поворачиваю тебя к окну. Представь, что ты – Земля, а окно – Солнце, которое, кстати, светит тебе в лицо. Сейчас Солнце освещает тебя, и здесь день...

– Как будто так, – согласился Саволино.

– А вот я повернул тебя спиной к окну, и что у тебя теперь?

– Ночь, – ответил удивленный и заинтересованный Джакомо. – А ведь это очень любопытно! Продолжай, продолжай, Фелипе!

– Коперник говорит, что не Солнце ходит вокруг Земли, а Земля вращается вокруг него вместе с другими планетами. Как это поразительно и непонятно! Как много надо думать, чтобы во всем этом разобраться... Дядя, ты мне дашь денег?

– Для чего?

– Я хотел бы достать книгу Коперника, труды Птолемея, купить карту звездного неба. Отныне цель моей жизни – установить истинную науку о небе!

С юношеской восторженностью Фелипе Бруно брался за необычайно сложное дело, которому до него многие великие умы посвятили всю свою жизнь. Синьор Джакомо любовался пылающим лицом юноши, его горевшими вдохновением глазами.

С этого знаменательного дня Фелипе в ясные ночи часто подымался на крышу и, освещая фонариком звездную карту, подолгу смотрел на небесные светила, изучал расположение созвездий, следил за таинственными путями планет.

Академия «Тайны природы» просуществовала недолго: на нее обратил внимание церковный суд.

В середине 1563 года постоянные посетители палаццо делла Порта стали замечать трех-четыре просто одетых людей, которые являлись ежедневно и внимательно прислушивались к спорам, кипевшим в дворцовых залах, на многочисленных верандах и лоджиях. Они сами не участвовали в прениях, а когда к ним обращались за поддержкой или опровержением того или иного мнения, они уклонялись от прямого ответа. На вопрос о том, кто они такие, незнакомцы неопределенно называли себя скромными искателями истины из Падуи, Вероны, Флоренции...

Вскоре все стало ясно. Шпионы донесли церковному трибуналу, что в академии делла Порта ведутся опасные речи, что там высказываются мнения, несогласные с учением святой церкви, что там слишком много говорится о свободе Италии.

Член знатного рода, молодой Джамбатиста не подвергся аресту и пыткам. Но собрания в его дворце были запрещены, а за пылкими ораторами академии установили слежку.

Фелипе Бруно, еще слишком юный и пользовавшийся хорошей репутацией в пансионе, избежал внесения в списки подозрительных лиц, которые велись церковниками.

В первый день нового, 1564 учебного года ученики после мессы разместились за столами, синьора Васта раздала учебники. Вошел дон Эрминио Гуальди, которого время почти не состарило, и положил около себя ферулу. По подсчетам Фелипе, суровый латинист за шесть лет поломал о ладони учеников уже восемь прочных линеек.

Раскрыв страницу, отмеченную закладкой, дон Эрминио устремил взгляд на трепещущих учеников.

– Барни, ответь, какая часть речи слово «арта».

Манетто Барни, круглолицый мальчуган, встал и, установив на лиценциата выпуклые черные глаза, начал:

– Слово «арта» есть имя существительное, собирательное...

Фелипе, сидевший в дальнем углу класса, вспомнил свой первый день в пансионе.

«Святая церковь утверждает незыблемость вещей, – думал он. – Вот и на уроках дона Эрминио все повторяется с такой же регулярностью, с какой Солнце и Луна обращаются вокруг Земли по учению Птолемея. А ведь в классе уже нет Маринетти, ушел из пансиона мой друг Луиджи Веньеро. Новые времена, новые лица... А дон Эрминио...»

А дон Эрминио, выслушав ответ Барни, сказал:

– Правильно, садись! Фацио, почему слово «арта» среднего рода?

Фелипе улыбнулся.

Глава вторая

Ревекка

Из всех мрачных домов неаполитанского гетто самым мрачным был дом богатого менялы Елеазара бен-Давида. Стены необычайной толщины, массивная дверь с многочисленными запорами, зарешеченные окна делали жилище Елеазара похожим на тюрьму.

В узких коридорах, в комнатах дома было темно, и посторонний человек заблудился бы среди старинной мебели, шкафов с золотой и серебряной посудой, рыцарских доспехов... Елеазар бен-Давид считался в купеческой гильдии менялой, но не брезговал ростовщичеством. Немало ценной утвари из герцогских и графских замков перекочевало в утрюмый дом Елеазара, как залог за данные займы деньги. Многие невыкупленные вещи стали собственностью бен-Давида.

Душой старого дома была дочь Елеазара Ревекка. В свои пятнадцать лет она достигла расцвета красоты. Среднего роста, с гибкой, стройной талией, с пламенными черными очами на смуглом, слегка удлинённом лице, девушка была очаровательна.

Глядя на прекрасное лицо дочери, смягчался даже старый Елеазар. На его иссохшем желтом лице с суровыми глазами проглядывало подобие улыбки.

Мариам, маленькая старушка с морщинистыми щеками, души не чаяла в дочери и спешила исполнить каждое ее желание.

Коренастый неразговорчивый слуга Рувим с особой охотой бегал по поручениям Ревекки, кухарка Нахама стряпала для нее лакомые кушанья, и только Аарон, здоровенный молодец лет двадцати трех, не чувствовал к сестре расположения. Не менее отца одержимый жаждой наживы, Аарон со злобой думал о том, что Ревекка имеет право на какую-то долю отцовского имущества, единственным наследником которого он считал себя.

День 4 сентября 1564 года в доме Елеазара бен-Давида начался как обычно. Сидя за завтраком, глава семьи отдавал распоряжения.

– Ты, Аарон, поедешь в Кайвано. Нужно предупредить маркиза дель Ардженти, что, если он не уплатит долг до следующего понедельника, его заклад пропадет.

– Слушаюсь, отец, – сказал Аарон.

Ревекка спросила:

– Разве маркиз не знает, что подходит время уплаты?

– Он-то знает, но такого уведомления требует закон. Ты вручишь дель Ардженти повестку и получишь от него собственноручную расписку. Ты не забудешь, Аарон?

Аарон угрюмо усмехнулся:

– Не в первый раз. А хорошо будет, если у этого расточителя не окажется денег! Его драгоценности стоят больше, чем долг вместе с процентами.

– Да, они вскоре пригодились бы нам.

– Для чего? – поинтересовался Аарон.

– Узнаешь в свое время.

Непонятный намек отца заставил Ревекку насторожиться. За последние дни он не раз бросал на дочь странные, как будто оценивающие взоры. Что это могло означать?

– А ты, Ревекка, будешь помогать мне на рынке, – сказал Елеазар.

Ревекка встрепенулась. Когда Аарон отсутствовал по делам, девушка заменяла его.

– Я готова, отец! – весело воскликнула Ревекка.

Девушку радовала возможность хоть на несколько часов оставить мрачный старый дом, выйти из постылого гетто, пройтись по оживленным улицам города... И еще... Но тут была замешана сердечная тайна, которую Ревекка хранила глубоко в душе.

Собрались быстро. Елеазар надел ермолку, прикрывшую его седые кудри, накинул широкий темный плащ с желтыми нашивками на груди и спине – проклятыми знаками принадлежности к отверженной расе. Крепко держа кошель с золотом, меняла начал спускаться по узкой крутой лестнице. Ревекка, закутанная в покрывало, несла абак, а шествие замыкал слуга Рувим с объемистым кожаным мешком, содержавшим разменную монету – серебро и медь. Жителям Неаполя запрещалось носить оружие, но у Елиазара и Рувима таились под кафтанами кинжалы дамасской стали.

Мариам и Нахама проводили хозяина до выхода, выслушали ежедневно повторяемый наказ – не впускать в дом посторонних, и закрыли двери на все запоры.

Елеазар бен-Давид платил налог за постоянное место на самом бойком из городских рынков. Здесь банкир и его помощники расположились за широким столом, защищенным от непогоды навесом. Елеазара ожидали клиенты – кто принес долг, кто просил отсрочить уплату, кто просто хотел разменять деньги. Золото и серебро зазвенели на столе Елиазара.

Часто клиенты отзывали Елеазара в сторонку для секретного разговора, тогда Рувим и Ревекка караулили деньги до возвращения менялы. Ревекка рассеянно смотрела на золото, а на уме у нее было совсем другое. Она ждала, не появится ли красивый школяр, зачастивший в последние недели на рынок.

Фелипе Бруно отдавал много времени изучению астрономических трудов: великая цель, которую он себе поставил, требовала глубоких знаний. Синьор Джакомо поощрял его, и у молодого школяра вошло в привычку посещать лавочки книготорговцев, разыскивая редкие издания. Однажды он забрел на рынок, где торговал книгами старый Анжелико Гонелла, большой знаток дела. Фелипе долго перебирал толстые фолианты и небольшие книжки, разложенные на столе.

Вдруг до слуха Фелипе донесся нежный голос девушки, говорившей на незнакомом языке. Бруно посмотрел в ту сторону и увидел Ревекку, стоящую рядом с высоким, слегка согбенным стариком. А когда в щелку между шапочкой и покрывалом блеснули на Фелипе большие черные глаза, сердце юноши дрогнуло. Он пришел к книгопродавцу Гонелла через неделю, потом через три дня, и, наконец, его посещения стали ежедневными.

Еще издали Бруно искал глазами девушку за столом менялы. И, если она была там, на его лице появлялась улыбка, шаг ускорялся, приветствие серу Анжелико произносилось звонко, весело.

Но если девушки не было... К большому горю Фелипе, чаще случалось, что ее место за столом занимал рослый молодец с крупными чертами лица, с громким голосом, с развязными манерами. Тогда все выглядело для Фелипе по-другому. Сразу бросался в глаза жалкий вид обветшалых лавчонок. Крики торговцев, расхваливавших свой товар, казались глупыми и назойливыми. Бруно плелся к столу синьора Гонелла, кисло здоровался с ним и просматривал первую попавшуюся книгу.

Однажды юноша обратился к Ревекке с просьбой обменять два соверена.

– Их получил дядя от одного из своих учеников, – вежливо объяснил Фелипе.

Ревекка, густо покраснев под вуалью и смущаясь собственной смелости, чуть слышно ответила, что придется немного подождать, пока не подойдет отец. Юноша хотел еще о чем-то спросить, но появился бен-Давид, деньги были обменены, и прекрасный незнакомец удалился нехотя, как показалось Ревекке.

С тех пор Фелипе, появляясь около ларька букиниста, украдкой от Елеазара кланялся Ревекке. Фелипе хотел бы найти предлог снова подойти к девушке, но, как назло, никто из учеников не вносил серу Джакомо плату иностранными монетами. И, потолкавшись около книг, обменявшись с Ревеккой выразительными взорами, юноша медленно уходил.

В этот понедельник 4 сентября Ревекке казалось почему-то, что Филиппо (она знала его имя из разговоров школяра с книготорговцем) должен прийти утром, но его все не было. Ревекка стояла за столом печальная.

К меняле подошел тучный монах-доминиканец в белой рясе, поверх которой была накинута просторная черная мантия с капюшоном. Елеазар склонился в униженном поклоне чуть не до земли.

– Еще попрыгиваешь, жид, – с высокомерным добродушием сказал монах, – а я думал, тебя уж черти в ад унесли.

– Умирать мне рано, высокочтимый дон Кристофоро, – смиренно ответил еврей, – дочь надо замуж выдать.

– Эту красоточку под вуалью? – заинтересовался дон Кристофоро. – Устроить ее – простое дело. Пусть она окрестится, а мы найдем ей женишка из родовитых графов, у которых в кармане пусто. Золото отца заставит забыть о происхождении дочери.

В глазах Елеазара сверкнула злоба, руки судорожно сжались в кулаки. Однако старый меняла сдержался и сказал хриплым голосом:

– Скорее я увижу дочь в могиле, чем замужем за назарянином!

Ревекка испуганно слушала эти слова.

Монах рассмеялся:

– Успокойся, жид, твои семейные заботы меня не касаются. У меня к тебе серьезное дело. Мне стало известно, что маркиз дель Ардженти попал в твои сети. А ведь им не уплачена подать святейшему престолу за целых два года. Я рассчитывал на его драгоценности, но оказалось, что они в закладе у тебя, старый грешник!

– Это так, почтенный дон коллектор, – согласился ростовщик. – Они у меня по неопровержимой записи, которую засвидетельствовали подеста и старшина купеческой гильдии.

– Да, я знаю, вы, евреи, умеете устраивать дела. И однако, я напому, что сказано в булле его святейшества папы Климента V. «Все, кто позволяет требовать и платить рост и принуждает должников к уплате оногo, подвергаются отлучению от церкви...»

– Я не принадлежу к вашей церкви, мессер!

Монах гневно воскликнул:

– Тогда вспомни хоть слова Библии, которую одинаково чтим и мы, христиане, и вы, евреи: «Если дашь деньги взаймы бедному из народа моего, не будь для него ростовщиком...» Книга «Исход», глава XXII, стих 25-й. Так сказал Господь!

Напрасно монах блеснул знанием Библии. Еврей с насмешливой улыбкой погладил длинную седую бороду и, наклонившись к уху собеседника, тихо спросил:

– Неужели вы, мессер, серьезно считаете бедняками маркиза дель Ардженти или герцога ди Кастелло, которому в прошлом месяце одолжили тридцать тысяч скудо под залог его замка из ста процентов годовых?

Дон Кристофоро Монти отшатнулся, пораженный. Сделка с герцогом ди Кастелло совершилась в обстановке величайшей секретности, однако эта старая лисица и о ней знает. «Видно, у жидов повсюду шпионы», – мелькнула мысль у дона Кристофоро.

– О, синьор Елеазар, я вижу, ты опасный противник! – сказал монах. – Но не будем ссориться, у каждого из нас есть уязвимые места, и у тебя их больше, чем у меня. Надеюсь, ты это понимаешь?

– Настолько понимаю, мессер, что готов поделиться с вами драгоценностями маркиза Ардженти, но, конечно, в разумной мере...

– Насчет этого мы договоримся!

Сборщик папских податей повеселел и отвел еврея в сторону. Разговор между ростовщиками продолжался шепотом. Как видно, дело шло о выгодной сделке, потому что Елеазар вернулся к столу довольный.

– Рувим, пойдешь домой и спросишь от моего имени у Мариам тысячу флоринов. Она знает, где спрятаны деньги. А ты, Ревекка, будешь сопровождать Рувима, – добавил недоверчивый меняла. – Вас, мессер, попрошу обождать, деньги будут через час.

Слуга и дочь Елеазара, побывав в гетто, возвращались на рынок глухими переулками. Внезапно из-за угла налетел шаловливый вихрь и, закрутив, поднял покрывало Ревекки. Девушка ахнула: в двух шагах перед ней стоял Фелипе.

– Вы... вы... не надо! – Ревекка, пылая стыдом, поспешила опустить вуаль.

Но прекрасный образ девушки уже навсегда запечатлелся в памяти Фелипе. Он не забудет этих черных глаз под густыми бровями, этого благородного овала лица, полуоткрытых алых губ...

– Подождите! Поговорите со мной хоть немного! – умоляюще вымолвил Фелипе.

Но Ревекка была уже далеко. На ее счастье, слуга ушел вперед и, озабоченный сохранностью мешка с деньгами, не видел, что произошло. Девушка бегом бросилась догонять его.

Фелипе издали следовал за ней, любясь красивой походкой Ревекки.

На столе Елеазара бен-Давида звенели дукаты, флорины, скудо, гульденy, соверены, но перед глазами Ревекки все стоял Фелипе.

«Какой стыд... – думала девушка. – Он увидел мое лицо...»

А на душе ее против воли было радостно. Нежданная встреча в глухом переулке, казалось, должна была многое выяснить в отношениях Ревекки с молодым христианином.

Ревекка возвращалась домой счастливая, но там ее ждал жестокий удар.

Когда вся семья собралась за ужином, Елеазар встал из-за стола, высокий, суровый, и торжественно объявил:

– Ревекка, возлюбленная дочь моя, окончились сроки девичества твоего, и через месяц ты станешь женой Манассии бен-Иммера!

Глава третья

Смелое решение

Горькую участь приготовил своей дочери Елеазар. Манассия бен-Иммер, его ровесник, богатый торговец пряностями и другими заморскими товарами, свел в могилу трех жен и подумывал о четвертом браке. Манассия бывал по торговым делам в доме бен-Давида, и юность Ревекки пленила старого сластолюбца.

Не сразу согласился Елеазар на предложение бен-Иммера. Жабья физиономия Манассии с тонкогубым широким ртом и далеко расставленными выпученными глазами даже Елеазару казалась неприятной. Но хитрый купец разжигал в сердце бен-Давида чувства алчности и честолюбия.

– Став близкими родственниками, – нашептывал Манассия, – мы соединим наши богатства, и кто тогда сможет нам противостоять? Мы заберем все меняльное дело, разорим соперников, а потом... потом клиенты будут в твоих руках!

Жалость поначалу еще говорила в душе Елеазара, и он возражал:

– Но Ревекка так молода... Ей рано выходить замуж.

Последнее сопротивление отца Манассия уничтожил таким доводом:

– Тебе известно мое влияние среди купцов Неаполя! Ты тоже имеешь вес. Вместе мы добьемся того, что тебя выберут старшиной гильдии. Сознайся, это недурно прозвучит, когда герольд введет тебя в собрание купцов и провозгласит: «Достопочтенный реб Елеазар бен-Давид, старшина купеческой гильдии менял и залогоприемщиков Неаполя!» А?!

О размере выкупа за девушку старики спорили долго и ожесточенно, пока не пришли к соглашению.

Ревекку и ее мать известие о предстоящем браке поразило как громом. Только Аарон втихомолку радовался: уход сестры из дома расчищал ему путь к отцовскому богатству.

В последующие дни отец не раз говорил с дочерью. Ревекка должна оставить мысль о сопротивлении отцовской воле, внушал старик. Он, Елеазар, дал слово, а в купеческом кругу известно, что слово Елеазара бен-Давида дороже золота, крепче алмаза.

Мать с плачем уговаривала Ревекку покориться судьбе.

– Еврейская женщина – раба с колыбели до могилы, – вздыхая, говорила Мариам. – Так было всегда и так будет. Это закон Иеговы, и кто осмелится ему воспротивиться?..

Но у Ревекки уже появились первые робкие сомнения в справедливости извечных законов. Дети обязаны повиноваться родителям, но если те готовят им гибель?.. Страшно пойти против отца, но еще страшнее отдать жизнь постылому старику. Однако где же выход?

Уйти из дому, укрыться здесь, в гетто? А какая еврейская семья примет ослушницу отцовской воли?

Дни проходили в мучительных раздумьях, и Ревекка все яснее понимала, что только у христиан можно найти убежище, лишь христиане достаточно сильны, чтобы защитить ее от властного отца.

И в сердце все чаще стучало одно слово – пленительное, манящее: Филиппо! Девушку преследовала мысль: «К нему не стыдно обратиться за помощью, он видел мое лицо! Я не нарушила обычаев племени, предписывающих открывать лицо только мужу, это – дело случая... но он видел мое лицо!..»

Решение покинуть отчий дом крепло. Однако, как ни трудно было его принять, а осуществить еще труднее. Девушка решила притворно согласиться на ненавистный брак.

«Тогда отец вернет мне благоволение, – думала она, – снова станет брать меня в город, а там... там, быть может, опять придет на помощь случай...»

Услышав от дочери, что она покоряется его воле, Елезар вздохнул с облегчением: Аарон уезжал по делам, и без Ревекки на рынке невозможно было обойтись.

После памятной встречи, когда перед Бруно открылось прекрасное лицо юной еврейки, целая неделя прошла в бесплодных попытках увидеть девушку.

«Что с ней? – думал Фелипе. – Быть может, подозрительный отец держит ее взаперти? Или, что еще хуже, отправил в другой город?.. И не у кого спросить, не к кому обратиться... Зачем я хожу сюда? Завтра останусь дома».

Но на другой день юноша опять торопился на рынок.

И наконец, его терпение было вознаграждено. Он увидел девушку, и сердце его буйно забилося от счастья. Как пролетел Фелипе расстояние, отделявшее его от стола книгопродавца, он и сам не знал. Небрежно перебирая книги, Бруно не сводил глаз с девушки и вдруг заметил: из ее руки выпал бумажный шарик и откатился в сторону. Улучив момент, Фелипе незаметно поднял записку, не сомневаясь, что она адресована ему.

Здесь читать было невозможно, и Бруно ушел с рынка. Найдя укромное местечко, Фелипе дрожащими руками развернул бумагу.

«Дорогой, добрый синьор Филиппе! Я сознаю, что, обращаясь к Вам, нарушаю все приличия, но мне некого больше просить о заступничестве. Из всех христиан Неаполя я знаю (правда, лишь по имени) только Вас, и, если Вы мне не поможете, я погибла. Отец выдает меня замуж за ненавистного старика, но я лучше умру, чем стану его женой... Я решила покинуть отчий дом, но кто приютит меня в городе, где даже уличные камни враждебны нашему племени? Помогите мне... Но будьте осторожны: отец подозрителен, и стоит ему догадаться, тогда всему конец.

Если моя просьба невыполнима, простите и вспоминайте иногда бедную Ревекку».

Голова Фелипе кружилась, когда он читал это трогательное послание. Снова и снова перечитывал он неровные строки, написанные, как видно, украдкой, торопливо.

«Ревекка просит меня о помощи... Ревекка... Как странно, что я до сих пор не знал ее имени, а теперь мне кажется, что оно всегда звучало в моей душе...»

Поможет ли он Ревекке? Юноша сознавал, что, если он на это решится, перед ним встанут почти непреодолимые трудности. Мысли стремительно неслись в голове Фелипе. Он не сомневался, что прекрасная Ревекка наложит на себя руки, прежде чем станет женой постылого старика.

– Я спасу ее... – лихорадочно шептал Фелипе. – Спасу, чего бы это ни стоило... Если дядя не примет Ревекку, я увезу ее в Нолу. Отец поймет меня, но мать вряд ли одобрит мою любовь... Мы покинем Италию и найдем другую страну, где евреи могут жить свободно...

Взволнованный Фелипе не замечал, что он говорил о Ревекке, как о подруге жизни, что он рассуждал так, точно между ними все решено.

Юноша огляделся, вышел из безлюдного закоулка. Надо сообщить Ревекке адрес. Написать записку, как сделала она? Это рискованно, записку может перехватить отец. Нужно придумать другое...

И Филипе придумал.

Вернувшись на рынок, он громко обратился к книготорговцу, показывая ему толстую книгу в кожаном переплете:

– Сер Анжелико, я беру вот эту книгу и беру ее с большой охотой!

Старый, сморщенный Анжелико с удивлением посмотрел на школяра, который уж слишком горячо говорил о «Геометрии» Эвклида. Ревекка поняла тайный смысл слов Фелипе, и румянец радости залил ее щеки.

Бруно продолжал:

– У меня с собой нет денег, но пусть ваш ученик через час принесет ее ко мне на улицу Добрых бенедиктинцев, в пансион синьора Саволино. – Обратившись к ученику, Фелипе спросил: – Паулино, ты знаешь дорогу на улицу Добрых бенедиктинцев?

– Нет, – ответил Паулино.

– Так слушай!

Громким голосом Фелипе растолковывал мальчику дорогу к своему дому, повторяя по нескольку раз, называя повороты, указывая приметы. И каждое его слово врезалось в память Ревекки.

«Какой он догадливый, мой Липпо... – с восхищением думала девушка. – Как замечательно придумал... Нет никого на свете умнее моего Липпо...»

Глава четвертая

Праздник Сан-Дженнаро

Осенью в Неаполе торжественно праздновался день Сан-Дженнаро, патрона города. Итальянцы были большими любителями религиозных процессий, и чуть не каждый день из той или иной церкви или капеллы выходило шествие с иконами, хоругвями, статуями святых. Но такие шествия привлекали не очень много участников и зрителей.

Иначе обстояло дело, когда чествовали Сан-Дженнаро. На праздник стекались тысячи и тысячи верующих со всей Счастливой Кампаньи. Их привлекало желание своими глазами увидеть великое чудо – кипение нетленной крови Сан-Дженнаро.

Фелипе с двенадцати лет добивался у дяди разрешения побывать на празднике Сан-Дженнаро и всякий раз получал отказ.

– Конечно, любопытно посмотреть, как нетленная кровь святого закипает как раз тогда, когда это выгодно патерам Сан-Дженнаро, – говорил, посмеиваясь, Саволино. – Но я не хочу, чтобы тебя принесли ко мне в Дом с переломанными ногами или раздавленной грудью. На площади и в соборе бывает ужасная давка, и страдают больше всего дети.

Действительно, жертвы насчитывались десятками, случались увечья со смертельным исходом. Но в этот раз пансионский преподаватель пения по усиленным просьбам Фелипе устроил его в церковный хор, достал для юноши стихарь и кружевную пелерину, надевавшуюся поверх.

Когда Фелипе торжественно явился в дядин кабинет в стихаре, с молитвенником в руках и с преувеличенно благочестивым выражением лица, на Саволино напал смех.

– Это что за маскарад?

– Я пойду в собор Сан-Дженнаро с певчими, буду стоять на хорах, и мне не грозит опасность пострадать от давки, – объявил Фелипе.

– Ну что ж, если так, ступай, – согласился синьор Джакомо. – Тебе полезно посмотреть на безумие фанатичной толпы, свято верящей в чудеса. Я сам был на празднике Сан-Дженнаро только раз, и этого с меня оказалось достаточно.

– Дядя, а как они устраивают, что кровь в сосуде закипает?

– Ну, милый мой, за этот секрет церковники, наверно, дорого заплатили алхимикам.

19 сентября, во вторник, площадь перед величественным собором Сан-Дженнаро еще с полуночи заполнилась народом. Патрициям приходилось оставлять кареты за три-четыре квартала от собора, и слуги силой прокладывали им дорогу в храм, где у каждой знатной семьи были наследственные места.

Когда подошел час начать службу, соборные священники, клирики, церковные певчие, среди которых был и Фелипе, с трудом пробившись через толпу.

После окончания торжественной мессы хор пропел заключительную молитву и на амвон вышел настоятель собора дон Америго Гусман. Он держал массивный хрустальный сосуд, дно и стенки которого покрывали сгустки багровой жидкости. Народ верил, что это и есть нетленная кровь самого Сан-Дженнаро. Несколько священников в парадных ризах с трудом пронесли и водрузили на престол серебряную статую Дженнаро.

Верующие перешептывались:

– Поворачивают к нам лицо... Смотрите, смотрите – облачают в драгоценные ризы... Вот надевают на голову епископскую митру. А он-то, он... наш родимый... наш покровитель... Он улыбается!..

Толпа, плотно заполнившая храм, уже приходила в возбуждение. Этому немало способствовал запах ладана, курившегося в многочисленных кадильницах.

– Чудо! Покажите нам чудо! – слышались голоса.

Хор запел славословие Сан-Дженнаро, а патер вертел в руках сосуд, постепенно ускоряя его движение.

Быстрее пел хор, священники громче выкрикивали слова молитв, терявшиеся в душном воздухе храма, быстрее вращался хрустальный кубок, и возбуждение верующих росло неудержимо.

– Кровь, закипай! – раздавались возгласы. – Дженнаро, соверши чудо!

Шли минуты, кровь не закипала, и повальное безумие охватило богомольцев. Люди вскакивали с мест, вытягивали шеи, стараясь получше рассмотреть, что творится на амвоне. Фелипе Бруно ужаснулся, видя потные багровые лица с расширенными глазами, дыбом стоящие волосы, широко раскрытые рты, судорожно сжатые кулаки...

Поведение толпы потрясло юношу.

«И это делает вера, – думал в смятении Фелипе. – Та самая вера, которая, по словам писания, может двигать горами. Куда же вера движет этих легковверных людей?.. Они подобны диким зверям...»

И уже не крики, а какой-то рев гремел под высокими сводами храма, вой, стоны, мольбы, рыдания – все смешалось в диком разноголосом хоре.

– Дженнаро, мы просим чуда! На коленях смиренно умоляем тебя! Сжался над нами!!

Совершение чуда задерживалось, и голоса становились все более угрожающими, выкрики все более дерзкими.

– Старик, не раздражай нас! Забыл, что с тобой сделали наши отцы?! Ты не шути с нами, святой?! Подавай чудо, Дженнаро!! Дженнаро, Дженнаро!!!

Священники тряслись от страха: они помнили, как лет тридцать назад, когда кровь святого долго не закипала, фанатичная толпа вытащила статую Дженнаро из алтаря и поволокла по уличной грязи. Драгоценные покровы были разодраны в клочья, а священников, пытавшихся помешать святотатству, избили до полусмерти.

Дон Америго Гусман изнемогал с высоко поднятым тяжелым сосудом в руках, а рев озверевшей толпы становился все грознее. Как волна океанского прибоя, он перекатился на площадь, на окрестные улицы.

– Иноверцы! Иноверцы! Нет ли здесь иноверцев?! – раздавались гневные возгласы.

Предание гласило, что если среди верующих замешаются еретики, мусульмане или евреи, то чудо не совершится. И еще немного лет назад толпа католиков растерзала трех богатых маранов из Мадрида, которые заходили посмотреть на чудо кипения крови.

Безумие толпы достигло предела, и наиболее рьяные фанатики уже пробивали кулаками дорогу к алтарю. Стонали ушибленные и придавленные люди... Но долгожданное чудо наконец совершилось. Торжествующий аббат высоко поднял сосуд: кровь в нем сделалась жидкой, приобрела ярко-алый цвет и бурно закипела.

Восторженный крик верующих потряс стены храма. Люди плакали, обнимались, в воздух летели мужские шляпы, перчатки дам. На площади загремели выстрелы. Раньше стреляли и в соборе, но после того как от пуль пострадали статуи и иконы, оружие при входе в храм отбиралось.

Дон Америго Гусман спустился с амвона, и, хотя храм был битком набит народом, перед священником образовалась дорожка. Он шел по ней, шатаясь от усталости, а богомольцы старались прикоснуться к кубку, хватались за ризу настоятеля, и те, кому это удавалось, шалели от счастья.

Настоятель вышел на паперть и со специального помоста показал народу кубок с кипящей жидкостью. И снова бурная радость, объятия, слезы, коленопреклонения...

Люди стали было успокаиваться, когда новая сенсация потрясла всех. Встал и пошел больной, разбитый параличом, которого родные накануне привезли из Афраголы и который всю ночь провел на площади перед храмом, молясь святому.

– Чудо! Новое чудо!! – гремела толпа.

К исцеленному бросились, обнимали его, дарили драгоценные перстни, кошельки с золотом. А тот страстно благодарил Сан-Дженнаро за милость...

Настоятель собора, дон Америго, утирая со лба пот, облегченно вздыхал. На этот раз свершение чуда сильно задержалось, но, к славе Сан-Дженнаро, все кончилось благополучно. И проделка с «исцеленным» больным тоже удалась великолепно...

Ритуал праздника требовал, чтобы кубок с кровью, кипение которой постепенно утихало, был поставлен на престол в алтаре, а статую Сан-Дженнаро подобало пронести в торжественной процессии по главным улицам Неаполя. Священники уже поднимали изваяние на носилки, но на этот раз Дженнаро не суждено было прогуляться по городу.

В ожидании чуда и сразу после его свершения толпа не замечала, что погода стала угрожающе меняться. Из-за темной громады Везувия, курившегося белым дымком, вдруг выползли густые тучи и стали быстро надвигаться на город.

Предвестник грозы – вихрь пронесся по улицам, крутя пыль и мусор.

Грозы на юге налетают внезапно. Как будто только что зарницы вспыхивали где-то за горизонтом, но вот уже змеистая молния прорезала тучу над городом, тяжело ударил гром, и упали первые крупные капли дождя.

Толпы верующих побежали, ища убежища от грозы. Люди прятались под арками ворот, в подъездах, на папертях церквей. А дождь превратился в ливень, шумно хлеставший по мостовым. С крыш низвергались пенистые каскады, и по улицам города, круто спускавшимся к морю, яростно неслись потоки мутной воды.

Из храма Фелипе выбрался одним из первых. Гроза захватила его на углу улицы Добрых бенедиктинцев, где та круто шла в гору. Ливень хлынул с такой силой, что юноше пришлось укрыться в нише стены.

Любуясь буйным разгулом стихии, Фелипе увидел, что какая-то закутанная в покрывало девушка борется с потоком, бурлившим во всю ширину улицы. Что-то

знакомое почудилось ему в гибкой, стройной фигурке, смело стремившейся навстречу воде, вместо того чтобы уступить ее напору и пуститься вниз по течению.

– Ревекка! – воскликнул юноша и бросился из укрытия.

Юная еврейка скрылась от отца в то время, когда сотни людей, спасаясь от бури, наводнили рынок. Люди разъединили Елеазара, Рувима, Ревекку. Банкир и его слуга думали лишь о том, как в суматохе уберечь деньги, и позабыли о Ревекке, а та шаг за шагом, пригибаясь и оглядываясь, выбралась из толпы и побежала по пустынным улицам.

Сверкали молнии, грохотал гром, холодные потоки дождя пронизывали ее легкую одежду, а Ревекка ничего не чувствовала, не замечала. Какая-то неведомая сила безошибочно несла ее от угла к углу, от поворота к повороту до улицы Добрых бенедиктинцев.

– Ревекка!

Фелипе схватил девушку за руку:

– Бежим, Ревекка!

Смущенная девушка остановилась. Силы внезапно покинули ее, она впервые поняла, на какое отчаянное дело решилась. Еще была возможность вернуться, солгать отцу, что толпа унесла ее с рынка, что, возвращаясь, она заблудилась... Пойти с Фелипе – это означало безвозвратно отречься от прошлого.

И Ревекка пошла за Фелипе.

Глава пятая

Альда Беллини

Задыхаясь от бега, насквозь промокнув, Фелипе и Ревекка очутились перед дверью пансиона. Джузеппе Цампи стоял на крыльце, не прячась от струй дождя, наносимых порывами ветра. Выцветшие глаза привратника горели восторгом, морщинистое лицо сияло. Его голос гремел, пересиливая шум ливня:

– Грядет Господь в грозе и буре! Грядет Господь, и горе грешникам!

Старый безумец даже не заметил, как юноша и девушка проскользнули мимо него и вступили в огромную переднюю, куда лишь слабо доносился шум стихий.

Здесь обессиленная Ревекка остановилась, сбросила мокрое покрывало и, робко глядя на Фелипе, спросила:

– А ты говорил со своими? Они не выгонят меня?..

Фелипе молчал. Снова он увидел Ревекку без покрывала. Тогда, при первой встрече, – это было мгновение, а теперь девушка стояла перед ним, смущенная своей смелостью, и Фелипе не мог оторвать от нее взгляда. Огромные черные глаза и крутые дуги бровей, почти сходящиеся над переносьем, полные алые губы, благородные очертания слегка удлиненного лица, толстые черные косы, спускающиеся на грудь...

Нет, лучше Ревекки, его Ревекки, нет ни одной девушки в мире!..

Ревекка нерешительно повторила свой вопрос:

– Скажи, Липпо, твои родители примут меня?

Фелипе ответил не сразу. Он впервые слышал свое имя из уст любимой, и необычное его звучание очаровало юношу.

– Липпо... – задумчиво повторил он. – Как красиво это у тебя выходит... Да, ты спросила меня о родителях. Их нет в Неаполе. Я живу у дяди и тетки. Я не говорил с ними, но уверен...

– Уверен?! – Ревекка горько усмехнулась. – Я тоже раньше была уверена, что отец не променяет меня на золото...

Юноша вспыхнул:

– Мой дядя не таков. Идем к нему, и ты убедишься!

Молодой школяр провел девушку в кабинет Саволино. К счастью, они никого не встретили в коридорах: ученики обедали.

Синьор Джакомо крайне удивился, когда перед ним предстала неожиданная гостя. Не слушая сбивчивых объяснений племянника, он послал его за теткой. Мудрая Васта, только взглянув на лица Фелипе и Ревекки, все поняла.

– Потом расскажешь, – отмахнулась она от Фелипе. – А сейчас надо заняться бедняжкой...

Она исчезла и через несколько минут вернулась с ворохом белья и платьев. Заставив мужчин выйти из комнаты, матрона передела Ревекку во все сухое, и только тогда Фелипе мог приступить к рассказу. Ревекка, пылая от стыда, закрывала лицо руками.

– Дядя Джакомо, тетя Васта, вы примете Ревекку? – с надеждой спросил юноша.

– Это слишком серьезный вопрос, чтобы на него ответить сразу. Мы должны посоветоваться, – сказала Васта и пошла из комнаты, поманив за собой мужа.

Уединившись в спальне, супруги долго молчали. Первым заговорил Джакомо:

– Кажется, мальчик сделал большую глупость. Если мы примем молодую еврейку, репутация пансиона...

Жена перебила его с горькой усмешкой:

– Репутация пансиона!.. Да, конечно, в последние два года она укрепилась от неустанных трудов Фелипе. Но пусть даже придется закрыть пансион, мы сумеем прожить... Ты видел, какими глазами смотрел Фелипе на девушку?

Джакомо попытался отшутиться:

– Мы, мужчины, хорошо разбираемся в таких вещах только в молодости.

– А мы, женщины, всегда, – серьезно возразила Васта. – И я вижу, что это – любовь на всю жизнь...

– Да, но к кому? К еврейке...

Предубеждение против евреев, искусно внушаемое христианами церковниками, жило и в душе Саволино, этого доброго и сострадательного человека.

Васта вспыхнула:

– Большая любовь не признает преград. И разве не сказал Христос, что перед его лицом нет эллинов и иудеев, рабов и свободных...

Джакомо заколебался:

– Ты права, дорогая, но евреи... Они подымут шум.

– Они, вероятно, потребуют, чтобы мы отдали Ревекку, если нападут на ее след. Но Неаполь велик... Наконец, нас могут защитить власти.

– А ты не думаешь, Васта, что нашему Фелипе будет грозить опасность? Ведь Ревекка из-за него оставила родительский дом.

– Ну что же? Он мужчина... почти мужчина, – сквозь слезы улыбнулась Васта, – и с его пылкой кровью он встретит любую опасность смело.

– У тебя на все найдется ответ, – проворчал Саволино.

– И потом, Джакомо, милый, – Васта нежно коснулась руки мужа, – наша Альда была бы в тех же годах...

Такая тоска прозвучала в голосе женщины, исстрадавшейся без дочерней любви и ласки, что Джакомо не устоял.

– Ладно, возьмем девчонку, и будь что будет!

Оставшись вдвоем в кабинете Саволино, Фелипе и Ревекка не могли промолвить ни слова: они с трепетом ждали приговора, который должен был решить их судьбу. При стуке двери они вздрогнули. Но лицо синьора Джакомо было спокойным и ясным, а Васта ласково улыбалась.

– Ревекка, ты останешься в нашем доме, – просто сказал старик.

Девушка бросилась к ногам Саволино и поцеловала руку великодушного ноланца.

– Благородный синьор, я, быть может, навлеку беду на ваш кров... Но я так одинока, так несчастна...

– Ты не одинока, Ревекка, пока я с тобой! – горячо воскликнул Фелипе.

Васта спросила:

– Вас кто-нибудь видел в доме?

– Нет, – ответил Фелипе. – Старый Цампи ждет Христа, и ничто земное для него не существует, а пансионеры и прислуга в столовой.

– Хвала Пресвятой Деве Марии! – набожно перекрестилась синьора Васта и обратилась к девушке: – Ты моя племянница Альда Беллини. Ты только что приехала гостить из Флоренции, где твой отец, а мой родной брат Бассо Беллини торгует полотном. Вы живете на Виа Нуова, улице, ведущей в предместье Оньисанти. В твоих чертах есть что-то еврейское, и это потому, что твоя мать была дочерью марана.

Саволино с восхищением смотрел на Васту. Мгновенно придуманная ею история легко объясняла трудности, связанные с внезапным появлением Ревекки.

– Ты все запомнила, девочка?

– Да, синьора... да, тетя! – поправилась Ревекка и бросилась в объятия доброй женщины.

Нежно поцеловав девушку, Васта продолжала:

– Нас может погубить малейшая неосторожность. Епископский суд везде имеет шпионов, возможно, они есть и среди наших слуг. Альда, ты христианка и должна вести себя так, чтобы тебя не коснулось ни малейшее подозрение. Тебе придется посещать мессы, ты должна осенять себя крестным знаменем, читать наши молитвы.

– Я все понимаю, тетя Васта. Я много думала еще дома и понимаю, что это необходимо...

– Я сам буду учить Ревекку молитвам, – перебил Фелипе и тут же осекся под укоризненным взглядом тетки.

– Фелипе, привыкай называть Альду ее новым именем, – строго вымолвила Васта.

– Простите, тетя...

Вечером весь пансион знал, что к синьоре Васте приехала из Флоренции племянница Альда Беллини. Ей, бедняжке, пришлось попасть под страшную грозу, что разразилась сегодня над Неаполем и его окрестностями. При переправе через овраг экипаж опрокинуло потоком. Возница спас Альду, но вещи девушки унесло в море, и ей придется носить теткинны платья.

Когда кончилась гроза и богомольцы разошлись с рынка, Елеазар бен-Давид с удивлением и тревогой увидел, что Ревекки около него нет. По его приказу Рувим бежал рынок и прилегающие улицы, но не нашел девушки.

Хотя солнце стояло еще довольно высоко, Елеазар с беспокойством поспешил домой, надеясь там найти дочь.

Узнав об исчезновении Ревекки, Мариам разорвала на себе одежды, посыпала голову пеплом из очага, оплакивая девушку:

– Возлюбленная дочь моя, юнейшая и прекраснейшая из дочерей Израиля, лоза виноградная без порока, светлая звезда, ведущая путника в пустыне!.. Кто, злокозненный, безжалостно растоптал розу Сиона, кто под корень подрубил цветущую смоковницу?!

Кухарка Нахама вторила госпоже, а Елеазар стоял посреди комнаты с потемневшим лицом, грозный, как древний пророк.

– Молчите, глупые женщины! – наконец воскликнул он. – Непокорная дочь не заслуживает слез! Пусть сопутствует ей проклятие на ее нечестивом пути!..

Пораженная Мариам умолкла, а кухарка с любопытством спросила:

– Неужели вы думаете, хозяин, что Ревекка убежала?

Елеазар мрачно ответил:

– Как видно, она только притворилась, что покорна моей воле, а в голове у нее было другое... Ревекка не овца, а дикая серна!

Мариам, всхлипывая, сказала:

– Но куда же могла девочка скрыться? Кто даст ей убежище? Ревекка никого не знает за пределами гетто!

– Никого?!

Елеазар задумался. Никого? Старик стал вспоминать тех, кто чаще всего появлялся возле его меняльного стола.

С доном Кристофоро Монти, сборщиком папских податей, Елеазару приходилось сталкиваться по ростовщическим делам. О любовных похождениях монаха говорил весь Неаполь, но разве могла к нему сбежать непорочная Ревекка? А похитить молодую девушку папский коллектор вряд ли решился бы, это вызвало бы слишком большой скандал.

Молодой маркиз дель Ардженти? Большая часть его драгоценностей стала собственностью Елеазара. Маркиз явился для переговоров в дом ростовщика. Он осмелился сделать комплимент Ревекке по поводу ее красоты, хотя и видел ее только под покрывалом. Но девушка ответила ему так, что молодой повеса не осмеливался больше с ней заговаривать. Нет, это не Ардженти.

Но кто же тогда? И тут услужливая память нарисовала Елеазару образ юного школяра в черной сутанелле, который часто – слишком, пожалуй, часто! – появлялся возле прилавка синьора Анжелико Гонелла, соседа по рынку.

Он, конечно, во всем виноват он, этот красавчик с голубыми глазами и первым пушком над губой! Елеазару припомнилось, что он даже замечал восхищенные взоры, которые юноша бросал на его дочь. Тогда он, Елеазар, не придавал этому значения, о слепец, слепец! Да ведь назойливый школяр однажды в присутствии его дочери называл свой адрес, описывая дорогу... Тогда Елеазар не обратил на это внимания, но теперь ему стало ясно, что они обо всем сговорились. Какое коварство!

Проклиная дочь, Елеазар признавал, что Ревекку толкнуло на безумный шаг предстоящее замужество со стариком.

Но что теперь делать? Разыскать беглянку, объявить, что ее не отдадут за Манассию бен-Иммера, что она сможет по своей воле выбрать мужа из иудина племени? Нет, нет и нет! Бегством к христианам Ревекка навек запятнала себя, и он, Елеазар бен-Давид, столп веры, один из старейшин синагоги, не сделает неверной дочери ни малейшего снисхождения.

А старая Мариам, понимая, что творится в душе ее мужа и повелителя, напрасно взывала о милосердии, напрасно пыталась доказать, что дочь, быть может, ни в чем не виновата.

Елеазар решил вернуться на рынок и узнать от книготорговца, кто этот школяр, где он живет. Но оказалось, что уже свечерело, и на рынок идти было поздно.

За всю ночь Елеазар и Мариам не сомкнули глаз, но на все мольбы жены старик не ответил ни единым словом.

Едва забрезжил рассвет, Елеазар уже стоял у закрытых ворот гетто. На рынке его терпение подверглось новому испытанию; синьор Анжелико не спешил к своим книгам. Но вот он появился с добродушной улыбкой на маленьком, сморщенном, как печеное яблоко, лице. Он весело обратился к меняле:

– Друг Елеазар, ты сегодня без своего кошель, за обладание которым охотно поломали бы копыта графы и маркизы?

– Сер Анжелико, меня мучит совесть... (Гонелла удивленно пожал плечами.) Вы ведь знаете молодого школяра в черной сутанелле, который часто роется в ваших книжках?

– Как же, – утвердительно кивнул книготорговец. – Еще недавно он купил у меня превосходное издание «Геометрии» Эвклида.

– Так вот, на днях я менял этому юноше гульден и теперь вспомнил, что недодал ему два сольдо, целых два сольдо! Я должен вернуть их клиенту!

– Честность в торговых делах – важное дело, сосед, – снисходительно заметил Анжелико. – Ты можешь послать деньги с моим мальчиком, он знает, где живет Филиппо Бруно.

– А, так его зовут Филиппо Бруно? Я не хочу никого затруднять и сам отнесу недостачу, а кстати и попрошу прощения.

– Воля твоя, – ответил книготорговец. – Насколько я помню, Бруно живет в доме Фазуччи на улице Добрых бенедиктинцев.

Через полчаса Елеазар очутился перед пансионом Саволино. Вид его был так дик и мрачен, что Цампи, стоявший на своем посту, перепугался и воскликнул:

– Разве Страшный суд уже начался и мертвецы встают из могил?

Услышав эти зловещие слова, ростовщик повернулся и побежал вверх по улице с такой быстротой, точно сам дьявол гнался за ним по пятам. Полы его длинного кафтана бились о тощие ноги в коричневых чулках, расшитая серебром ермолка слетела с седых кудрей, и он не остановился, чтобы ее поднять.

Так бежал он, ничего не видя вокруг, чудом не попадая под колеса быстро мчавшихся карет, не слыша насмешек, которыми осыпали его зеваки. В его мозгу громоздились страшные библейские образы, ему мерещился Авраам, поднявший нож над поверженным Исааком, Самсон, обрушивающий колонны пиршественного зала...

У ворот гетто он упал без сил.

Глава шестая

Безмятежные дни

– Чем меньше тайны, тем лучше, – сказала синьора Васта. – Если Альда будет скрываться от посторонних глаз, это вызовет нежелательные толки.

И на следующее утро Альда, смущаясь, вошла в столовую, держась за руку мнимой тетки. На девушке было легкое розовое платье, долго провисевшее в гардеробе. Васта приспособила его к росту и фигуре Альды. Восхищенным пансионерам показалось, что сама заря появилась в большой мрачной комнате и осветила ее потемневшие дубовые стены.

Под пылающими взглядами школяров Альда прошла к столу и заняла место возле синьоры Васты. Та первой прервала неловкое молчание.

– Я так давно покинула нашу милую Флоренцию, – сказала она, обращаясь к Альде, – что уже начинаю забывать ее. Когда я была в твоём возрасте, мы с подружками любили купаться в Арно перед плотиной Онъисанти у моста Алла Карайя. Красив этот мост...

– Ах, тетя! – изумленно воскликнула Альда. – Разве вы не знаете, что Понта алла Карайя рухнул во время великого наводнения пятьдесят седьмого года?

Тут, в свою очередь, удивилась синьора Васта, и девушка рассказала подробности о наводнении.

– Мне исполнилось тогда восемь лет, – говорила Альда, – но я все хорошо помню. Ливень шел четыре дня и четыре ночи. Мама повела меня на городскую стену и показала оттуда реку – мутную, страшную, затопившую берега. На следующий день две арки Понта алла Карайя обрушились под напором воды. А с Понте Санта Тринита получилось еще хуже: его целиком унесла река...

Васта всплеснула руками:

– Какое несчастье!

– Большое несчастье, тетя! – серьезно подтвердила девушка. – У коммуны не было денег на восстановление мостов, и расходы возложили на купцов. Отцу

пришлось заплатить пятьдесят восемь дукатов. Он так часто говорил об этом, что цифра запомнилась мне навсегда.

– Да, мой братец, а твой отец Бассо не любит расставаться с деньгами, – улыбнулась Васта и перевела разговор на другое. – А куда вы ходите молиться? По-прежнему в Санта-Мария Новелла?

– Конечно, куда же еще? Там мой любимый образ Девы Марии, помните, тетя, наверху между капеллами Ручеллаи и Барди ди Вернио? А вы еще не забыли прекрасное изображение Фомы Аквинского, патрона ученых?..

Разговор продолжался в том же духе. Тетка и племянница легко перебрасывались названиями флорентийских улиц, площадей, церквей, монастырей, городских ворот...

Санта-Чечилия, Санта-Мария дель Фьоре, больница Порчеллано, что на углу Виа Нуова, монастырь Санто-Спирито, цитадель Прато, Виа дель Кокомеро, предместье Сан-Фриано, Понте Веккио... У слушателей зазвенело в ушах, и они готовы были поклясться на Евангелии, что прекрасная Альда все до мелочей знает о своем родном городе – прекрасной Флоренции. Ведь если тетка путала что-нибудь за давностью лет, племянница тут же ее поправляла.

Но пансионеры не подозревали, что так легко и непринужденно разыгранный на их глазах спектакль потребовал большой и напряженной подготовки, отнявшей у исполнителей значительную часть ночи.

В это утро случилось неизбежное: все двадцать девять пансионеров Саволино стали соперниками Фелипе Бруно в любви к юной красавице. Во время уроков юноши и мальчики думали только об Альде Беллини, и из-за этого выходили курьезные случаи. На уроке латинского языка юный Манетто Барни вместо опостылевшего «арта» начал склонять «Альба», а Микеле Брандино на вопрос, кто создал знаменитую статую Персея, заявил: «Ваятель Беллини»

В часы, когда полагалось готовить уроки, пансионеры, прячась друг от друга, писали стихи в честь прелестной Альды, бессовестно обкрадывая древних и новых поэтов. Когда Альда ходила по дому, из того или другого закоулка появлялся красный от смущения поклонник и совал в руки девушки бумагу:

– Это вам, синьорина! Прочитайте на досуге, но никому не показывайте...

А вскоре выскакивал другой и тоже подавал листок:

– Великая тайна! Прошу вас, Альда, никому ни слова!..

Вечером в кабинете Саволино синьора Васта и Альда со смехом подсчитывали любовные послания:

– Три оды, одиннадцать сонетов и два мадригала!..

– Ого! – говорил Джакомо. – Сегодня урожайно! Скоро можно составить библиотеку.

Васта подбавляла масла в огонь:

– Я слышала, что торговец бумагой на нашем рынке срочно послал в Венецию большой заказ на этот товар.

Фелипе, слушая шутки, багровел и хмурился.

Поклонники Альды, видя, что стихи не трогают сердце гордой красавицы, решили перейти к подаркам. Почему-то все подарки покупались на фруктовом рынке. Один преподносил девушке корзину винограда, другой апельсины, третий связку сушеных фиг.

Оригинальнее всех оказался подарок девятилетнего Бертино Миньянелли. Он только в этом году впервые пошел к причастию и поступил в пансион, но пылкости его чувства могли позавидовать многие старшие ребята.

За завтраком Альда сказала, что любит тыквенную кашу. Только маленький Бертино обратил внимание на эти слова, и в его восторженной головке родилась дерзкая мысль.

Мальчик происходил из почтенной купеческой семьи, и к нему был приставлен слуга. Но даже слуга не заметил, как Бертино исчез после утренних уроков. Тревога поднялась не сразу, но, когда мальчугана не нашли в доме, весь пансион высыпал на улицу – искать пропавшего товарища.

Непонятное зрелище представилось их глазам: по крутому подъему улицы Добрых бенедиктинцев катилось огромное желтое колесо, в котором с трудом признали тыкву. И только потом за тыквой увидели голову Бертино Миньянелли.

С утра прошел дождик, неровные лавовые плиты мостовой были скользкие, и кудрявый черноглазый малыш катил тыкву с величайшим трудом.

Школяры и слуги с хохотом помчались к Бертино. Его слуга, молодой и сильный Санти, хотел помочь своему господину и донести тыкву до дома Фазуччи. Но Бертино грохнулся на мостовую и, колотя по ней руками и ногами, поднял неистовый рев, в котором только и можно было разобрать слова:

– Я сам... синьорине Альде... сам!..

Вечером Альда и поблагодарила Бертино за подарок и поцеловала его в лоб. Восхищенный, обезумевший от счастья черноглазый малыш поклялся совершить в честь своей богини новые, еще более славные подвиги. Однако слуга стал бдительно следить за ним и не выпускал Бертино из дому.

Фруктовых подношений оказывалось так много, что кухарке Чеккине не приходилось покупать фрукты на рынке, а пансионеры стали требовать у родителей больше денег на карманные расходы, уверяя, что цены на учебники, бумагу и чернила сильно поднялись.

Каждое утро Фелипе просыпался с чувством, что в его жизнь вошло что-то необычайно хорошее, светлое.

Любовь к Ревекке и стремление освободить астрономию от заблуждений слились в душе Фелипе в одно неразрывное чувство. Юноша решил, что любимая должна изучать астрономию вместе с ним.

По вечерам на плоскую кровлю дома Фазуччи стали подниматься двое. Лежала на крыше разостланная карта звездного неба, ее освещала свечка, горевшая в фонарике, а юноша показывал Ревекке Марс, Юпитер, великолепное созвездие Ориона, уже всходившее на южном горизонте.

В сладком забвении протекали дни и вечера Фелипе, но синьора Васта жила в тревоге. Джузеппе Цампи, не подозревая всего значения своих слов, как-то рассказал хозяйке, что в день приезда ее племянницы перед их домом появился старый еврей, смотревший на окна пансиона с диким, угрожающим видом. Васта знала, какой мрачной известностью пользуется в Неаполе имя ростовщика Елеазара, как он беспощаден к тем, кто по несчастью попадает к нему в руки. Открыв убежище дочери, Елеазар будет мстить, и самые страшные удары направятся на Фелипе и Ревекку.

На следующий день после разговора с Цампи Васта побывала у одного из городских оружейников и заказала стальную кольчугу для Фелипе. Сделка была тайной. Испанские угнетатели не разрешали итальянцам иметь не только огнестрельное, но и холодное оружие. Приобретать кольчуги и другие доспехи тоже запрещалось.

Правда, за большие деньги можно было добыть разрешение носить оружие, но такое разрешение ставило его владельца в ряды подозрительных лиц, за которыми велась постоянная слежка. Ведь каждый вооруженный неаполитанец мог при случае пополнить силы фуоришители – изгнанников, боровшихся с иноземными захватчиками.

Многочисленные отряды фуоришители, оставивших родные города и села, скрывались в лесах и горах Южной Италии, и на борьбу с ними посылались целые полки конных жандармов.

Потому-то кольчугу для Фелипе патриот-оружейник сделал тайно. А великолепный кинжал из толедской стали нашелся у дяди: тот прятал оружие еще со времени своего участия в мятеже 1547 года.

Глава седьмая

Суд

Упавший без чувств у ворот гетто Елеазар бен-Давид был доставлен домой. Старая Мариам начала оплакивать мужа, но, заметив, что он дышит, послала Рувима за врачом.

В дом ростовщика пришел Эзра бен-Натаниэль, лысый старик со впалым ртом, с реденькой бородкой, с живыми пронизательными глазами. Скинув с плеч черный бархатный плащ, Эзра подошел к больному, послушал сердце, поймал дыхание на серебряное зеркальце и поднес к ноздрям Елеазара открытый пузырек с сильно пахнувшей жидкостью.

Бен-Давид чихнул, приоткрыл мутные глаза и забормотал гневно. Прислушавшись к речам больного, врач покачал головой.

– Клянусь Моисеем, половины того, что говорит реб Елеазар, довольно, чтобы навлечь на него беду. Что у вас случилось?

Мариам с плачем рассказала об исчезновении дочери.

Эзра оставил флакон с эликсиром, составные части которого и способ приготовления были секретом доктора. Он велел давать лекарство трижды в день и предписал больному полный покой. Он запретил упоминать имя Ревекки и просил не подпускать к постели Елеазара никого из назарейн.

Выздоровление больного подвигалось медленно, и только через три недели стали появляться признаки улучшения. Еще через неделю Елеазар призвал к постели сына и имел с ним долгий секретный разговор. Аарон отказался рассказать матери содержание беседы с отцом и ушел из дому.

Через час молодой еврей появился на улице Добрых бенедиктинцев; надвинув на брови ермолку, он внимательно следил за всеми выходившими из дома Фазуччи.

Долго простоял Аарон на улице, пока не увидел человека, который, по его мнению, мог оказаться ему полезным. Выбор пал на Санти, слугу маленького Бертино, так храбро сражавшегося с тыквой.

Санти, широкоплечий молодец с круглым красным лицом, с маленькими глазками, казался любителем поболтать за кружкой вина. Когда Аарон предложил лакею прогуляться в тратторию, чтобы поговорить по делу, Санти ухмыльнулся:

– Я никогда не отказываюсь от выпивки, когда она оплачена из чужого кармана.

За отдельным столиком в дальнем углу зала собеседники выпили по три объемистых кружки кианти, но разговор шел о вещах, далеких от пансионера Саволино. Говорили об опасностях дальних морских плаваний, о том, что овечьи стада к зиме спускаются с гор в долины, о том, что шерстяные плащи в дороге греют лучше полотняных, и о многом другом. Наконец Аарон решил перейти к делу.

– А скажи, друг, ты не забыл бурю, что разразилась в день праздника Сан-Дженнаро?

Лакей оскорбился:

– Не тебе бы, сыну Иуды, выговаривать погаными устами имя нашего святого патрона!

Аарон долго и униженно извинялся, потом снова настойчиво спросил.

– А все-таки скажи, ты помнишь ту грозу?

– Как не помнить, коли я потерял башмак, спасаясь от ливня!

– Так вот, друг Санти, вспомни, кто появился в тот день в вашем пансионе?

– Кто появился? Дай подумать... Это, кажется, был вторник? По вторникам у нас появляется дядя Микеле из Савиано, продавец сыра. Поставщик оливкового масла – тот приходит по четвергам...

Санги глядел на еврея с откровенной насмешкой, и Аарон понял, что от этого хитрого парня одним угощением ничего не добьешься. Он со вздохом вытащил из кошелька флорин и положил перед лакеем на стол:

– Это тебе.

Парень взял монету и начал рассматривать.

– Редко попадает мне в руки такой золотой круглячок с портретом его бывшего величества Карла V, божьей милостью императора и короля Обеих Сицилий. Да, ты спрашивал, кто у нас появился в тот день? Что-то начинаю припоминать... Как будто появилась... Нет, забыл!

Вторая золотая монета блеснула перед глазами Санги и исчезла в его потной руке.

– Да... появилась девушка... Вот как она выглядела, хоть убей, не помню!

Несколько флоринов окончательно прояснили память Санги, и он рассказал молодому еврею то, что слышал о девушке от хозяев пансиона.

– Так ты говоришь – Альда Беллини из Флоренции, внучка марана? А какой у нее выговор? Тосканский?

Поощренный еще одной монетой, слуга припомнил, что выговор Альды в точности походит на здешний, неаполитанский.

Расставаясь, Аарон шепнул:

– О нашей встрече никому ни слова, особенно там.

Санги насмешливо брякнул золотыми монетами.

Вызов Джакомо Саволино на суд по обвинению в укрывательстве Ревекки, дочери Елеазара, не явился для содержателя пансиона неожиданным. Жена давно рассказала ему, что старому Елеазару известно убежище Ревекки. Непонятно было, почему еврей ничего не предпринимает, и молчание врага казалось грозным. По приказу тетки Фелипе каждый раз, выходя из дому, надевал под сутанеллу кольчугу и прятал кинжал.

Приказом градоправителя предписывалось явиться на суд, кроме синьора Саволино, его жене Васте, выдающей означенную Ревекку за свою родственницу, и школяру Филиппе Бруно, способствовавшему бегству означенной Ревекки.

Весть о предстоящем суде больнее всего поразила Альду. С потемневшим лицом, с опухшими от слез глазами девушка долго оставалась неподвижной, а потом сказала:

– Тетя Васта, дядя Джакомо, не нужно идти против судьбы. Отдайте меня отцу.

Фелипе вскочил с места, чтобы ответить, но его опередила Васта.

– Дочка моя милая, – сказала она, нежно обнимая Альду. – Мы не пошлем тебя на гибель.

– Да, да, – подтвердил Саволино. – Мы предвидели, что Елеазар потребует твоего возвращения, но это не помешало нам дать тебе приют.

– Права отца священны, – печально молвила Альда.

– Не во всех случаях, – многозначительно возразил синьор Джакомо. – Я говорил с законниками, и мне разъяснили, что отец еврей теряет власть над детьми, если... – Саволино замаялся и не закончил свою мысль.

– Власть отца еврея прекращается, – пылко подхватил Фелипе, – если дети принимают христианство! Ты слышишь, Альда: власть прекращается!

– Мой Липпо, я это давно знала, – ответила девушка. – Такой случай был несколько лет назад в гетто: юноша, полюбивший христианку, ушел из племени.

– Ну, вот видишь! – торжествующе вскричал Фелипе. – Хватило же у него смелости!

– Но раввин и родные прокляли его страшной клятвой, а через несколько месяцев он внезапно умер в расцвете сил и здоровья.

Тень смерти точно прошла по комнате, оледенив сердца людей.

– Но у нас ты будешь в безопасности, – сказала синьора Васта. – Моя кухарка надежна, она не подсыплет яду в пищу.

– А я всюду буду сопровождать тебя с оружием в руках! – воскликнул Фелипе. Альда зарыдала:

– Милые вы мои, дорогие, я вам бесконечно признательна, и боюсь не за себя. Я знаю, мне суждено погибнуть, но горько думать, что я навлекла беду на ваш дом...

Старый Джакомо нахмурился:

– Я много лет прожил на свете и привык отвечать за свои поступки. То, что я сделал, считаю законным и, защищая свое право, дойду до самого вице-короля. Живи спокойно под нашим кровом, Альда! Вопросы веры я оставлю на суд твоей совести, но помни, что, останешься ли ты еврейкой или перейдешь в христианство, ты всегда будешь одинаково дорога нам.

Лицо старого бунтаря дышало непреклонной энергией, когда он говорил с Альдой, и к девушке пришло успокоение. Она не посмела выразить свое чувство признательности синьору Джакомо и со слезами благодарности обняла Васту.

По дому быстро разнеслась весть, что Альда Беллини не та, за кого себя выдает, что в действительности она – Ревекка, дочь еврейского менялы Елеазара бен-Давида. Пораженные этим известием, почти все поклонники отшатнулись от юной красавицы. Лишь немногие остались ей верны, и в числе их оказался кудрявый Бертино Миньянелли.

– Я буду любить синьорину Альду до конца своих дней, – всхлипывая, говорил черноглазый малыш. – Но лучше бы ей принять христианство...

Любящим сердцем Бертино угадал единственный способ спасения Ревекки. В назначенный день обвиняемые явились на суд.

Подеста, высокий представительный старик, сидел в золоченом кресле, поставленном на возвышении. С его плеч ниспадал плащ малинового бархата, на голове была черная шелковая шапочка, украшенная страусовыми перьями. На шее сановника висел испанский рыцарский орден Сант-Яго, пожалованный ему королем Филиппом II за то, что подеста помогал угнетателям держать неаполитанский народ в повиновении.

Две группы людей расположились перед креслом градоправителя поодаль одна от другой. Справа стояли Джакомо Саволино, Васта, Фелипе Бруно и дочь Елеазара Ревекка. Слева теснились евреи: изможденный болезнью Елеазар бен-Давид, его жена Мариам, сын Аарон, слуги Рувим и Нахама, оскорбленный жених Манассия бен-Иммер.

Прежде всего была установлена личность Ревекки, а потом назвали себя истец и ответчики. Христиан привел к присяге священник, а евреев раввин. Все поклялись говорить суду сущую правду не из корысти или телесного страха, а следуя законам своей религии.

Привлеченные необычным процессом, судебную залу переполняли любопытные: дворяне, испанские офицеры, монахи, купцы, богатые евреи. Люди переговаривались, шутили, смеялись, но все смолкло, когда подеста подал знак истцу.

Елеазар говорил долго. Он доказывал свое отцовское право текстами из Библии, грозил непокорной дочери божьим гневом, обвинял ее в неблагодарности. Ревекка слушала не перебивая.

Предоставляя слово другой стороне, подеста спросил синьора Саволино, есть ли у него адвокат. Прежде чем Саволино успел ответить, Ревекка отстранила его и выступила вперед.

– Адвокаты не нужны тем, кто возлагает надежду на Бога! – воскликнула она. – Я буду защищаться сама!

– Говори, девица! – приказал подеста.

– Все, что здесь сказано моим отцом, правильно по иудейскому закону. Но я отвергаю этот закон и желаю принять святую католическую веру!

По залу пронеслись возгласы, загремели аплодисменты.

Из толпы выдвинулся дон Кристофоро Монти. Благочестиво закатив глаза, он провозгласил:

– Святая апостолическая церковь берет заблуждавшееся, но раскаявшееся чадо под свою защиту!

Мягко, но решительно отстранив монаха, вперед выступил дон Грегорио Монтихо, кастеллан замка Санта-Эльмо, офицер средних лет в шляпе со страусовыми перьями, в блестящем мундире, увешанном знаками отличия, со шпагой, подвешенной впереди на испанский манер. Глядя на Ревекку, полковник заговорил:

– Испанская нация всегда чтит юность, особенно в тех, кто, отвергая ложное учение, прибегает в лоно святой апостолической церкви. Я предлагаю вам, девица, надежное убежище в стенах Санта-Эльмо.

Альда тихо ответила:

– Неприлично было бы мне, отказавшейся от жестокого отца, покинуть отца великодушного и сострадательного, хорошего христианина и доброго гражданина Неаполя...

– Кто этот новый отец? – недоверчиво спросил кастеллан.

– Достопочтенный синьор Джакомо Саволино, который приютил меня, когда я оставила гетто. Он выразил непереносимое желание удочерить меня тотчас же, как я приму святое крещение, и с моей стороны было бы черной неблагодарностью насмеяться над его добротой, хотя я высоко ценю внимание синьора испанца...

Саволино удивленно крикнул:

– Вот девчонка! Бес, а не девчонка!

В толпе пронеслось шушуканье:

– Еврейка умна, как судья, поседевший на службе... Испанцу нечего возразить...

И действительно, разочарованный кастеллан затерялся среди зрителей.

Подеста обратился к синьору Джакомо:

– Эта девица говорит правду?

– Истинную правду, – горячо подтвердил Саволино, – клянусь в этом святым животворящим крестом господним! – Он перекрестился. – Я беру ее в дочери.

– Еще один вопрос, – сказал градоправитель. – Как представитель гражданской власти, я обязан следить за точным исполнением законов. Имеет ли право сия несовершеннолетняя Ревекка, дочь Елеазара, принять христианство без согласия отца?

Елеазар хотел заговорить, но ему не дал дон Кристофоро.

– По точному смыслу указа Генеральной хунты 1488 года в Вальядолиде, – торжествующе выкрикнул монах, – мужчинам иной веры разрешается присоединяться к нашей святой религии в возрасте четырнадцати лет и женщинам в возрасте одиннадцати лет. Сколько тебе лет, девица?

– Мне исполнилось пятнадцать.

– Закон соблюден, – заметил подеста. – Жид, твоя претензия отвергнута. У тебя нет больше дочери. Она станет христианкой.

Глаза Елеазара мрачно сверкнули.

– Она никогда не станет христианкой, – пробормотал он так тихо, что его услышала только жена.

Мариам громко вскрикнула:

– Дочка моя, доченька!..

– Мама!.. – Ревекка бросилась к матери: – Мама, прости, прости за все!..

Елеазар грубо оторвал Мариам от дочери и, сопровождаемый ругательствами и насмешками, потащил жену за собой. Подеста сурово крикнул вслед уходящему:

– У вас, иудеев, длинные руки, но помни, Елеазар, что твоя дочь отныне находится под покровительством города Неаполя, и горе тебе, если ты задумаешь ей мстить!..

Бен-Давид не ответил. Под огнем враждебных взглядов кучка евреев оставила дворец градоначальника.

Глава восьмая

В осажденной крепости

Ревекка снова появилась среди пансионеров, внимание поклонников было ей возвращено сполна. Достоинство христиан позволяло любить еврейку, решившую стать католичкой. Но Ревекка узнала цену этой влюбленности и встречала ухаживания с гордым и презрительным видом. Только Бертино, сохранивший свое чувство в дни отвержения Ревекки, встречал ответную привязанность, и это возносило черноглазого малыша на вершину счастья.

Крещение Ревекки было назначено через месяц, а за это время юная еврейка должна была изучить догматы католической веры у пансионского исповедника, сурового патера Базилио Беллука.

События первых же дней после суда показали, что Елеазар бен-Давид не склонен считаться с предупреждением властей и что Ревекке и ее друзьям грозит большая опасность. Первым это пришлось изведать Фелипе.

Вечерело, когда с синьором Джакомо случился сердечный припадок, и оказалось, что нет лекарства, которое он принимал.

– Я пойду в аптеку! – воскликнул юноша и выбежал из дому.

Как обычно, Фелипе надел кольчугу и взял кинжал, и это спасло его в минуту беды. Фелипе задержали в аптеке с приготовлением лекарства, и, когда он возвращался домой, было уже темно.

Юноша шел по пустынной улице, и вдруг из темного подъезда выскочили двое мужчин в плащах и масках – высокий и низенький. Фелипе не успел опомниться, как почувствовал тупую боль между лопатками: один из нападающих ударил его в спину кинжалом. Добрая сталь кольчуги выдержала удар. Убийцы растерялись от неожиданности, а Бруно успел выхватить оружие и полоснул высокого по руке. Фелипе проскользнул между врагами и прижался спиной к кирпичам стены.

Боль захватывала дыхание. Кольчуга спасла юношу от смерти, но его положение оставалось крайне опасным. Убийцы наступали на Фелипе, остерегаясь попасть под удары.

Фелипе бросился вперед и вонзил кинжал в бок низенького бандита. Он и сам получил удар в руку, но оружие только прорезало сутанеллу и скользнуло по кольчуге. Низенький рухнул на землю.

Юношу больше не преследовали, и он благополучно вернулся домой. Фелипе раздели, уложили в постель в комнатах Саволино. Васта, понимавшая толк во врачевании, ужаснулась, взглянув на спину племянника: по ней расплывался огромный кровоподтек. Видимо, пострадал и один из позвонков, так как Фелипе жаловался на ноющую боль посередине спины.

– Тебя спасла Пресвятая Дева Мария, – набожно молвила матрона.

– Меня спасла предусмотрительность доброй тети Васты, не пожалевшей денег на кольчугу, – слабо улыбнулся Бруно.

– Фелипе, не кощунствуй! – строго перебила тетка. – Знаешь ли ты, что мысль одеть тебя в кольчугу внушена мне Девой Марией?

– Если так, беру свои слова обратно и вместе с тобой возношу хвалу Богородице.

Синьора Васта осталась довольна ответом племянника. Джакомо, уже выпивший лекарство и оправившийся от припадка, подмигнул Фелипе и тотчас же отвернулся, пряча улыбку.

На другой день Саволино с утра отправился во дворец градоначальника. Его принял экзекутор, полный небольшой человек в черной мантии, с золотой цепью на шее.

– Синьор экзекутор, – взволнованно заговорил Саволино, – я обвиняю еврея Елеазара бен-Давида в покушении на жизнь моего племянника Филиппо Бруно!

– Он напал на вашего племянника с оружием в руках? – небрежно спросил экзекутор.

– Нет, ваша милость, он подослал двух браво, и только мужество моего племянника спасло его от смерти.

О кольчуге синьор Джакомо благоразумно не сказал ни слова.

– Напишите прошение, мы займемся этим делом, когда подойдет очередь.

Саволино написал короткую просьбу на листе бумаги, завернул в него несколько дукатов и подал экзекутору. Почувствовав тяжесть денег, чиновник смягчился и сразу заговорил по-другому.

– Действительно, наглость этих иудеев превосходит всякие границы! – возмущенно воскликнул экзекутор. – Немедленно доставить ко мне еврея Елеазара бен-Давида! – приказал он начальнику городской стражи. – Вас, синьор, попрошу подождать, – вежливо обратился чиновник к Саволино.

Приведенный стражниками бен-Давид хладнокровно выслушал обвинение.

– Поставьте передо мной этих браво, – сказал он, – и пусть они посмеют утверждать, что это я нанял их!

Синьору Джакомо пришлось признать, что убийцы убежали и что он не знает их имен и местожительства.

– Я полагаю, что Бруно поссорился с родственниками какой-нибудь оскорбленной им девицы, – ядовито молвил старый ростовщик. – Христиане-школяры забыли стыд и совесть, они нарушают божеские и человеческие законы.

Такая ненависть звучала в словах Елеазара, что синьор Джакомо содрогнулся.

Ростовщика пришлось отпустить, так как против него не оказалось улик.

Бруно пролежал несколько дней. А потом опять произошло покушение. Это случилось в первый же раз, когда Фелипе и Ревекка снова занялись астрономическими наблюдениями.

Юноша показывал Ревекке созвездие Кассиопеи и объяснял, откуда произошло его название. И в этот момент раздался резкий свист, и фонарь, который держала Ревекка, выпал из ее рук. У ног девушки лежала стрела с железным наконечником, выпущенная из арбалета. Стреляли с чердака соседнего дома.

Бруно подхватил Ревекку, лишившуюся чувств от испуга, и поспешил вниз. Искать арбалетчика было бесполезно: он, конечно, скрылся сразу после того, как сделал свое черное дело.

Первым порывом Саволино было снова отправиться с жалобой к властям, но он сообразил, что и теперь против бен-Давида нет никаких улик, и мрачно сказал:

– Нет, в борьбе с таким противником приходится рассчитывать только на свои силы.

Наблюдения за небесными светилами прекратились, но через несколько дней еще один случай заставил убедиться, с какой неумолимой злобой Елеазар преследовал отступницу-дочь.

Во время обеденного перерыва Ревекка прогуливалась по двору с Бертино Миньянелли. Малыш фантазировал на тему о том, что когда он вырастет, то купит боевого коня, наденет рыцарские доспехи и с отрядом отважных товарищей разгромит всех врагов синьорины Альды. Неожиданно раздался грохот. Огромный камень свалился с высокой стены, окружавшей двор, и осыпал осколками Ревекку и мальчика.

Бруно обыскал все соседние дворы, но никого не обнаружил.

– Если бы... если бы я... нашел этого негодяя! – Фелипе задыхался от ярости.

Дом Фазуччи напоминал осажденную крепость. Ее осада велась по всем правилам военного искусства. Потерпев неудачу в двух покушениях на Ревекку, враги попытались проникнуть внутрь дома.

В час утренних уроков юная еврейка шла по пустынному коридору, и вдруг холод обдал ей сердце: перед ней бесшумно появились два рослых молодца.

«Погибла...» – подумала Ревекка.

Незнакомцы угрожающе продвигались к девушке, но в этот момент в коридоре появились возвращавшиеся с урока ученики.

– Ревекка, Ревекка! – раздалась веселые голоса.

Подозрительные незнакомцы сделали несколько шагов к выходу. Пансионеры обступили их, и Фелипе угрожающе спросил:

– Что вам здесь нужно?

– Мы к синьору Пинелли, – униженно кланяясь, проговорил один из нежданных посетителей. – Он у себя?

– Синьор Пинелли живет в соседнем доме, – сурово возразил Бруно. – Вы могли узнать об этом у привратника.

– Мы не видели привратника.

Встревоженная Васта, появившаяся на месте происшествия, поспешила к выходу, школяры пошли за ней, плотно окружив незнакомцев.

Джузеппе Цампи не оказалось на посту.

– Вы убили его! – воскликнул Фелипе.

– Что вы, милостивый синьор! Мы не занимаемся такими делами...

В конце улицы показался старый Цампи, спешивший изо всех сил. Его седая борода развевалась на ветру, он махал руками.

– Отпусти этих людей, – шепнула Васта племяннику. – Мы не докажем их вину.

Кольцо школяров расступилось, и бандиты мгновенно скрылись.

– Это не евреи, – сказал Бруно.

– Конечно, нет, – сказала синьора Васта. – Среди браво не найдешь евреев. Безопаснее мстить чужими руками...

Когда Цампи, запыхавшись, добрался до крыльца, от него узнали следующее. Некто в белом одеянии, принятый стариком за ангела, внезапно появился перед ним и закричал:

– Что ты здесь стоишь, Джузеппе Цампи? Разве ты не знаешь, что Иисус Христос уже спустился на землю и судит живых и мертвых на улице Кожевников?! Торопись, не то опоздаешь!

И бедный безумец, забыв обо всем на свете, бросился бежать на Страшный суд...

Фелипе и синьора Васта обменялись многозначительными взглядами.

В помощь Цампи поставили дюжего малого, несколько лет служившего у Саволино. На его бдительность и честность можно было положиться. Всем

обитателям пансиона предложили выходить из дому только в случае необходимости и вести себя осмотрительно.

Возвращаясь, слуги докладывали о подозрительных встречах, о соглядатаях, скрывавшихся за углом, и о других, зазывавших в трапезную и суливших деньги за услугу. Видно, огромна была ненависть Елеазара к дочери-отступнице, что он окружал ее убежище шпионами и убийцами, не жалея золота на их оплату. И все же друзья Ревекки не обращались к властям, понимая полную бесполезность жалоб.

Во всяком гарнизоне во время осады обнаруживаются маловеры и трусы. Нашлись они и в доме Фазуччи. Некоторые слуги потребовали расчета. Среди них был и Санти, продавший Ревекку за золотые флорины. Нечистая совесть погнала его из дома, где вместо прежнего спокойствия и веселья царила тревога. Шесть учеников оставили пансион Саволино, заявив, что не намерены рисковать жизнью для спасения еврейки.

– Ваши ученики бегут, вы терпите убытки, – говорила Ревекка синьору Джакомо. – Я оставлю ваш дом и укроюсь до дня моего крещения в женском монастыре.

Фелипе горячо возражал, и девушка не решилась выполнить свое намерение. Да и найдет ли она в монастыре такую защиту, как в пансионе, где Бруно, собрав всех надежных людей, бдительно охранял Ревекку. Возглавив маленький гарнизон, он не спал по ночам, днем не посещал занятий и лишь тогда позволял себе отдохнуть несколько часов, когда его сменял дядя.

Среди грозных событий любовь Фелипе и Ревекки росла и крепла. Они виделись по многу раз в день.

«Ты жив!.. Ты жива!» – говорили их глаза, сияющие радостью. А смертельная угроза по-прежнему висела над ними.

Однажды кухарка Чеккина доложила хозяйке:

– Дешево купила пару гусей. Новый продавец ходит по домам, видно, хочет заполучить постоянных покупателей.

– Зажаришь на вертеле на второе.

Через час из кухни послышались вопли. Когда испуганная Васта вбежала туда, она увидела жуткую картину. Толстая Чеккина с лицом, белым как мел, склонилась над трупом кошки Пиппы.

Из бессвязных выкриков Чеккиной, прерываемых рыданиями, синьора Васта поняла, что кухарка бросила своей любимице кусочек гусятины, и та, проглотив мясо, через несколько минут повалилась в конвульсиях.

– Святой Дженнаро! Матерь божья... Иисусе сладчайший!.. Ведь я сама только что хотела попробовать, прожарилось ли мясо!

Васта поспешила закрыть дверь, и вовремя: отовсюду начали сбегаться любопытные.

Синьора Васта поняла: если об этом новом покушении узнают в пансионе, он опустеет в тот же день. Но Чеккина давно служила в доме, любила хозяев и обещала молчать о трагическом происшествии. Смерть кошки объяснили тем, что она подавилась костью. Трупы Пиппы и отравленных гусей Чеккина ночью зарыла во дворе.

Ни Ревекке, ни Фелипе, ни даже самому синьору Джакомо о новом покушении не сказали. Синьора Васта понимала, что это происшествие станет каплей, которая переполнит чашу. Ревекка, конечно, оставит приютивший ее дом, а стареющая женщина горячо, страстно полюбила девушку, в которой точно воскресла ее умершая дочь. Ведь Альда так привязалась к синьоре Васте, что только с ней делилась тоской по матери, слабой, жалкой, задавленной гнетом старого Елеазара. Юная еврейка нежно ласкалась к Васте, бесхитростно делилась с ней своими маленькими девичьими секретами...

«Нет, я не могу расстаться с Альдой, – решила синьора Саволино. – А если она покинет нас, с ней уйдет и Фелипе Наш дом потеряет душу...»

Нет, ни Альде, ни Фелипе нельзя было говорить о страшном событии на кухне. И тем более нельзя было сказать о нем Саволино: в своей запальчивости он мог совершить неблагоразумный поступок. Ведь старый бунтарь уже не раз намекал, что лучшим способом уладить их дела было бы, если бы он, Джакомо, отправился на рынок святого Антонио с аркебузой в руках и там свел счеты с ненавистным врагом.

Всю ответственность за молчание Васта приняла на себя. С этого дня на хозяйку дома и кухарку Чеккину пала тяжелая забота: проверять с величайшей тщательностью продукты, поступающие в дом. Провизию брали только у знакомых поставщиков, но и те могли стать невольными сообщниками преступников. Поэтому в кухне появилась клетка с кроликами, а на дворе собаки. Мясо, рыбу, овощи давали пробовать животным, прежде чем подавать все это к столу. Вино Чеккина покупала сама на монастырских виноградниках, и из каждого бочонка наливала чару продавцу – толстому монаху с багровым носом.

Чтобы не пугать ребят, предосторожности соблюдались втайне, но шила в мешке не утаишь, и тревожные слухи поползли по дому.

И так среди забот и волнений подошел знаменательный день, когда Ревекка должна была принять христианскую веру. Утихнет ли злоба Елеазара и смирится ли он перед неизбежным?..

Глава девятая Крутой поворот

По улицам Неаполя двигалась торжественная процессия. В этот день, в воскресенье 26 ноября 1564 года, святая апостолическая церковь готовилась принять в свое лоно заблудшее чадо, юную Ревекку, дочь Елеазара.

В писании говорится, что Богу угоднее один кающийся грешник, чем сто праведников, и поэтому духовенство широко распространило слух о предстоящем крещении еврейки.

Обряд должен был совершиться в самой богатой церкви Неаполя – Санта-Мария Инкороната, и говорили, что там будут присутствовать подеста и высшие испанские офицеры. Говорили также – и это уж казалось совершенно невероятным! – что подеста вызвался быть крестным отцом новообращенной.

Шествие возглавляли конные трубачи и хоругвеносцы. В белых шелковых мантиях, спускавшихся на круп лошади, в остроконечных шапках с кистями, трубачи дули в серебряные трубы, и гулкие звуки лились звонко и радостно.

За хоругвеносцами следовал хор. Выстроенные по росту от малюток дискантов до плечистых усачей октавистов, одетые в короткие парчовые стихари с вышитыми крестами на груди, с бледно горевшими при свете дня восковыми свечами в руках, певчие пели «Ave Maria», заглушая шум и разговоры толпы.

Как неперменные участники торжества, шеренгами по четыре в ряд шли пансионеры Саволино. Маленький Бертино Миньянелли, восхищенный предоставленной ему честью, нес на розовой бархатной подушке золотой крестик на цепочке, который будет надет на шею новообращенной христианки.

Чинно шагали, опустив глаза в землю, монахини из монастыря Санта-Кьяра. В длинных черных мантиях и черных пелеринах, в черных головных уборах они перебирали четки, повторяя молитвы.

Главной фигурой, ради которой собрались все эти сотни участников процессии и тысячи зрителей, была Ревекка, дочь Елеазара. На нее было устремлено множество любопытных взоров. В белом атласном платье, с распущенными до пояса черными волосами, в венке из алых роз, с гордым прекрасным лицом, юная еврейка шла меж двух крестных матерей – синьоры

Васты Саволино и настоятельницы женского монастыря, достопочтенной доньи Агнесы дель Фортегуерри.

Следующий ряд составляли только двое: будущий приемный отец новообращенной, синьор Джакомо Саволино, и его племянник, молодой школяр Филиппо Бруно.

В парадной сутанелле, с непокрытой головой, исхудалый, с побледневшим лицом, Фелипе шел, не сводя глаз с Ревекки. В его голове неотвязно вертелись слова, которые утром были сказаны девушкой: «Мой любимый! Если я переживу сегодняшний день, нам суждены долгие годы счастья...»

Насильно улыбнувшись, Фелипе попытался успокоить девушку:

«К чему такие мрачные мысли? У тебя будет надежная охрана».

«Если меня не охранит Бог, люди не помогут», – возразила Ревекка.

И тогда Фелипе сказал:

«Что бы с тобой ни случилось, любовь моя, будешь ли ты жить или сойдешь в могилу, я клянусь, что всегда – в радости и печали, в богатстве и нищете, на родине и в изгнании – я неизменно останусь верен тебе до самой смерти!»

«Это страшная клятва, Липпо, – тихо вымолвила Ревекка, – но я верю тебе...»

И она впервые робко поцеловала юношу.

Следующей значительной группой процессии были священники церкви Санта-Мария Инкороната. Первым шел настоятель в маленькой митре на голове, с посохом красного дерева в руке. За ним следовали двенадцать патеров, все в пышных ризах с золотыми крестами на груди, сиявшими при блеске солнца, и двадцать четыре диакона с кадилницами в руках.

Шествие замыкала многочисленная колонна учеников из школы монастыря Святого Доминико. Бледные, худые от постоянного недоедания, они шли, пересмеиваясь и перешептываясь, довольные тем, что хоть на несколько часов вырвались из щемящей монастырской скуки.

Двенадцать карет, нанятых синьором Джакомо, двигались за процессией. В этих каретах после совершения таинства знатные гости должны были возвратиться из храма в дом Фазуччи, где готовился торжественный пир в честь новообращенной христианки Альды Саволино.

Зрители переговаривались с удивлением:

– Такого пышного крещения давно не приходилось видеть. Тринадцать священников!.. Кареты!.. Целый женский монастырь!.. А сколько школяров!..

Но еще больше удивляло толпу, что процессия шла под сильной охраной. С двух сторон ее отделял от зрителей отряд кавалерии – по два всадника в каждом ряду. Усатые солдаты с обветренными лицами, в кожаных кафтанах, с палашами у пояса, с короткими пиками, смотрели на любопытных сурово, точно ожидая приказа разогнать весь этот сброд.

– К чему такие предосторожности? – говорили люди. – Разве молодой еврейке грозит опасность?

Ужасное событие положило конец торжеству.

Когда Ревекка поравнялась с большим старым домом, расположенным на углу двух улиц, в чердачном окне показался дымок, прогремел выстрел, и девушка, пораженная пулей, стала клониться назад... С воплем беспредельного отчаяния Фелипе подхватил любимую на руки.

С последним вздохом Ревекка прошептала:

– Я говорила, Липпо...

И она умерла.

Безумными, остановившимися глазами Фелипе смотрел на девушку. Возможно ли? Не страшный ли это сон? Она только что шла перед ним гордая, стройная, полная жизни... Одно мгновение – и все земное для нее кончено...

Дикий вопль прорезал зловещую тишину улицы:

– Иудеи! Мою Альду убили иудеи!

Это кричала Васта Саволино, страшная, бледная, как смерть, с руками, грозно поднятыми к небу. В ответ раздались сотни яростных голосов:

– В гетто! Жид Елеазар ответит за преступление!

Буйная толпа, ломая строй кавалеристов, понеслась к воротам гетто.

Тем временем спешившиеся пикинеры, взломав двери необитаемого дома, поднялись на чердак. Они нашли там только брошенную аркебузу прекрасной работы, установленную на треножнике так, что из нее можно было выстрелить с большой меткостью. Едко пахло пороховым дымом. Из чердачного окна, глядевшего на двор, свешивалась веревочная лестница...

Мстители, ворвавшиеся в гетто, остановились перед домом Елеазара бен-Давида. Мрачный старый дом, более чем когда-либо походивший на тюрьму, казался безлюдным. Громовые удары в дверь где-то раздобытыми ломami и бревнами потрясли дом до основания, но никто не отзывался.

Дверь разлетелась, и свирепая толпа наводнила темные комнаты и узкие коридоры жилища старого ростовщика. Затрещала мебель под ударами топоров и ломов, зазвенели разбиваемые вдребезги венецианские стекла шкафов. Но драгоценностей в них не оказалось. Обитатели дома, золото, алмазы – все исчезло.

Испуганные соседи Елеазара, призванные на допрос, показали, что меняла еще накануне оставил дом вместе с женой и сыном, с прислугой. Бен-Давид, его сын и слуга Рувим несли за спинами увесистые мешки.

Перебив в доме все, что было возможно, возмущенные люди подожгли мебель, подложив под нее листы из счетных книг ростовщика и долговые расписки. Сбежавшиеся со всех переулков обитатели гетто едва сумели отстоять соседние дома.

Жилище Елеазара выгорело дотла, остались лишь почерневшие от копоти растрескавшиеся стены с узкими проемами окон.

Дальнейшее расследование выяснило, что Елеазар бен-Давид покинул Неаполь на тартане, отплывшей в неизвестном направлении. Наемного аркебузира, убившего Ревекку, так и не нашли.

На одном из столов, с которого убраны были яства, кувшины с вином и пиршественные кубки, лежало тело Ревекки в белом платье, с венком из алых роз на голове. Фелипе стоял с поникшей головой. Он не слушал слов утешения, которые ему говорили. К чему все это? Теперь земное счастье для него недостижимо...

Перед убитыми горем друзьями Ревекки встал вопрос: где похоронить девушку? Духовенство воспротивилось намерению Джакомо Саволино устроить похороны на христианском кладбище: ведь Ревекка так и не приняла святое крещение. А положить девушку среди еврейских могил казалось оскорбительным для памяти той, которая говорила Фелипе: «Твой народ будет моим народом, и твоя вера будет моей верой...»

И Ревекку похоронили вдали от Неаполя, у подножия Везувия. Одинокий кипарис охранял ее могилу, которую покрыла белая мраморная плита с краткой надписью: «Альда Саволино».

Не многие шли за гробом Альды: Фелипе, чета Саволино, согбенный Джузеппе Цампи, кухарка Чеккина, несколько пансионеров и среди них безутешно рыдавший Бертино Миньянелли.

Две недели после похорон Ревекки Фелипе ходил мрачный, ни с кем не разговаривал, и видно было, что он переживает пору мучительного раздумья.

А потом он вошел в кабинет сэра Джакомо и сказал глухим голосом:

– Дядя, я решил идти в монахи!

Саволино подумал, что он ослышался.

– Что ты говоришь, Фелипе?

– Я вступаю в монастырь!

Сер Джакомо привскочил от негодования:

– Как?! Сын Джованни Бруно, племянник Джакомо Саволино пришел к такому бессмысленному решению?! Нет, я этому не верю!

– И однако, это так, дядя!

– Но тогда, Фелипе, должна же быть у тебя какая-то причина?

– Причина есть, и очень веская!

Фелипе сел рядом с дядей и, поглаживая его старчески пухлую руку с набухшими венами, доверчиво заговорил:

– Альды больше нет, и семейное счастье для меня невозможно. Что мне осталось в жизни? Одна наука... Я должен стать и стану выдающимся ученым! А путь в науку лежит только через монастырь.

– К сожалению, ты прав, мой мальчик, – угрюмо согласился сер Джакомо. – Уж так повелось в католическом мире, что магистры, лиценциаты и доктора наук не связывают себя семейными узами и, обрекаясь на одиночество, принимают монашество.

– Вот видишь, дядя! И я решил выбрать лучшее, что предоставляет мне моя трудная судьба. На окраине Неаполя расположен доминиканский монастырь Сан-Доминико Маджоре, при нем есть университет. Я думаю, меня примут в студенты, когда я стану монахом...

– Еще бы не приняли, с твоими-то знаниями! – воскликнул старик.

– Я часто буду приходить к вам с тетей в гости, – продолжал Фелипе. – А что было бы, если бы я уехал учиться в Рим или Падую?..

– Ах, бесенок, – поневоле улыбнулся сер Джакомо, – ты умеешь уговаривать. Но не думай, что дело может решиться одним моим согласием. Надо вызвать твоих родителей.

И снова, как несколько лет назад, собрался семейный совет решать судьбу Фелипе Бруно.

Отец и мать Фелипе впервые узнали о любви своего сына и о ее трагической развязке. Старый знаменщик искренне пожалел о горькой участи юной еврейки. Он не утешал юношу, понимая, что его горе не исцелить словами. Бруно только обнял сына, и скупая слеза скатилась по его щеке. Фраулиса втайне была рада, что Фелипе потерял возлюбленную. Еще в раннем детстве сына она прочила ему духовную карьеру, а женитьба Фелипе отрезала бы ему дорогу в монахи. Но у крестьянки хватило душевного такта скрыть свои чувства.

Семья Бруно и Саволино собралась в кабинете сера Джакомо.

– Поедем с нами в Нолу, сынок, – предложил старый Бруно. – Поживешь у нас месяц-другой, развеешь горе в родных местах.

– Нет, – отозвался Фелипе, – я не поеду в Нолу, у меня другие планы.

И он рассказал о них отцу и матери. Джованни Бруно был потрясен решением сына. Он резко обрушился на него, грозил своим гневом, если он не одумается. Фелипе был непоколебим.

В разговор вмешалась синьора Васта. Она мягко уговаривала племянника:

– Забвенье смягчает людские горести, иначе жизнь была бы невозможной. Когда погибли мои дети, в последних судорогах призывая маму, я мечтала о смерти как о желанном убежище от невыносимой скорби. А вот живу же, – грустно улыбнулась она. – И кое-кому оказалась нужной...

Фелипе нежно поцеловал руку Васты. Он понял, как велико желание тетки уберечь его от опрометчивого шага: впервые за долгие годы она повела речь о своих умерших детях.

Снова заговорил Джованни Бруно:

– Сынок, у тебя вся жизнь впереди. Встретишь другую, полюбишь... И как же тогда?

– Я никогда не полюблю другую, – сказал Фелипе. – Моя душа с душой Альды связана навек. Две жизненные цели ставил я себе: создать истинную науку о небе и сделать Альду счастливой. Альды нет... но мне осталась астрономия!

Удивленная Фраулиса спросила:

– А что такое астрономия?

– Наука о небе, о далеких планетах и звездах, – объяснил Фелипе. – Отныне я ей отдам всего себя.

Разочарованная Фраулиса вздохнула:

– Значит, ты не примешь священного сана?

Сер Джакомо обратился к сестре:

– Конечно, он примет! Видишь ли, святые тунеядцы не зарабатывают себе на пропитание, они живут на всем готовом. Вот они свободное время и отдают науке.

Фелипе обиделся.

– Ты издеваешься надо мной, дядя, но ведь у меня нет иного пути, и ты сам с этим соглашался.

Разговор прекратился, но он еще не раз возобновлялся в последующие дни.

Из старших только Фраулиса безоговорочно поддержала решение сына. Супруги Саволино не очень возражали против вступления Фелипе в монахи: их подкупало, что мальчик будет рядом, здесь же, в Неаполе, в стенах Сан-Доминико Маджоре, и часто будет с ними видеться. Джованни Бруно лучше всех понимал смятенную душу сына. Он по себе знал, что теперь всякие уговоры бесполезны. Ведь он, Джованни, и сам в молодости поступил так же, когда, не считаясь с запретом родителей, пошел в солдаты. Старый знаменщик только полагал, что Фелипе опомнится за время послушничества и вернется в свет. И в этой надежде он уступил желанию сына и дал согласие на его вступление в монастырь.

Решение отца было законом. Фраулиса вернулась в Нолу радостная.

Перед синьором Джакомо встал вопрос о дальнейшем существовании пансиона.

За последние два года наблюдение за учебной работой целиком лежало на Фелипе.

«Не будет Фелипе, не будет и пансиона», – решил Саволино. Здоровье старика не позволяло ему самому заниматься хлопотами, связанными с содержанием учебного заведения. А преемника Фелипе Джакомо не смог найти.

– Что же, все приходит и все уходит, – сказал себе Джакомо словами древнего мудреца. – Пора и мне на покой.

Благодаря умелому хозяйничанию Васты у супругов Саволино было кое-что скоплено на старость. Представлялась возможность выручить некоторую сумму за продажу разрешения на содержание пансиона. Такие разрешения испанцы давали неохотно: им выгоднее было держать покоренный народ в невежестве. Но выданное разрешение можно было переуступить другому лицу.

Право на содержание пансиона купил за сто дукатов падре Эрминио Гуальди.

Из всех учителей пансиона он был наименее любимым, однако должность соборного священника позволила ему нажить много денег. Одержимый бесом стяжательства, дон Эрминио решил увеличить свое состояние, занявшись воспитанием юношества.

Но под управлением Гуальди пансион потерял былую славу и вскоре закрылся.

Передав пансион новому владельцу, чета Саволино поселилась в небольшом домике на окраине города. Слуги были уволены, и со стариками поселились только кухарка Чеккина и одряхлевший Джузеппе Цампи. Васта приютила бывшего привратника из милосердия: идти ему было некуда, он умер бы с голоду на улице.

Все хлопоты, связанные с передачей пансиона дону Эрминио, Фелипе Бруно принял на себя. Эти заботы отняли более полугода.

И вот 14 июня 1565 года по крутому склону, ведущему к воротам монастыря Сан-Доминико Маджоре в Неаполе, подошел юноша в траурной одежде, с непокрытой головой, и потянул за веревку колокола, вызывавшего привратника.

После трех гулких ударов колокола узкая калитка распахнулась, и показался седой монах.

– Что тебе нужно в этой обители покинувших мир и кто ты такой? – спросил он.

– Смиранный брат Филиппо, отныне посвящающий свою жизнь служению Богу, – тихо ответил Бруно.

– Войди, брат! – был ответ.

И Филиппо Бруно переступил порог монастыря.

Часть третья

Монастырь

Глава первая

Начало искуса

Фелипе долго держали в пустой келье, а затем провели в капеллу, освещенную лампадой. Там должен был состояться обязательный для каждого вступающего в обитель разговор с аббатом, мессером Амброзио Паскуа.

Стены капеллы были разрисованы картинами, изображавшими мучения святых: одного обезглавливали, другого жгли на костре, третьего перепиливали пополам. Лица мучителей были черны, как уголь, а святые безмятежно улыбались, словно муки доставляли им удовольствие.

Капелла казалась пустой, и Бруно вздрогнул, услышав голос:

– Подойди ближе, сын мой!

Фелипе убедился, что голос исходил из-за ширмы, отделявшей угол комнаты. Приблизившись, юноша смутился: в ширме были проделаны две дырки, и из них сверкали черные пронизательные глаза с огромными зрачками. Фелипе остановился в двух шагах от ширмы.

– Стать на колени! – раздался приказ.

Юноша повиновался.

– Рассказывай, что привело тебя в стены нашей святой обители?

Бруно ждал этого вопроса. Он откровенно рассказал о своей жизненной драме и по замечаниям дона Амброзио понял, что она известна монаху.

Юноша признался в любви к астрономии и пылко говорил о том, что монастырское уединение позволит ему всего себя отдать науке.

Аббату Паскуа еще не приходилось выслушивать такую исповедь. Он понял, что перед ним не заурядный искатель сытой и праздной монашеской жизни, а человек с огромными душевными силами.

«При умелом руководстве мальчик станет видным деятелем церкви, – подумал настоятель. – А наука – это юношеское увлечение, со временем оно исчезнет».

– Как веруешь в Бога? – был второй обязательный вопрос.

– Верую во единого Бога отца вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым...

Бруно без запинки прочел по-латыни «Символ веры».

– Читал ли ты творения святых отцов церкви и что именно?

Фелипе перечислил множество богословских книг. Видя, что перед ним юноша с необычными для его возраста знаниями, дон Амброзио перешел к сложным богословским вопросам. Но недаром богословие было основой образования в любом учебном заведении. Фелипе с его поразительной памятью прекрасно знал творения отцов церкви и свободно приводил длинные цитаты.

Настоятель, сам имевший ученую степень магистра богословия, пришел в восторг.

А затем аббат рассказал Бруно историю создания доминиканского ордена.

– Наш орден основан святым Доминико Гусманом, жившим с 1170 по 1221 год, – говорил дон Амброзио. – При жизни святого Доминико в Европе стали распространяться ереси, и особенно богопротивная ересь альбигойцев. Святой Доминико, всей душой печалась об еретиках, осужденных на вечные муки, обратился к святейшему папе и предложил основать орден проповедников, которые должны были убеждать заблуждающихся. Но если они продолжали упорствовать, то очистительный огонь костра спасал их души...

Бруно невольно поежился. Хорошо спасение!

Аббат продолжал:

– Девизом ордена стало изображение свирепой собаки с пылающим факелом во рту. Слово «dominicanes» можно разделить по-латыни на два слова «Domini canes» – божьи собаки. Они грызут врагов веры, как и подобает псам, а факел во рту собаки означает, что доминиканцы распространяют свет истинного Христова учения... Вот в какое знаменитое сообщество братьев вступаешь ты, сын мой! Однако я должен тебя предупредить, что в этом сообществе – увы! – завелся волк в овечьей шкуре, совращающий послушников и даже отцов монахов с истинного пути и толкающий их на путь неповиновения властям предрержащим!

Такая ненависть прозвучала в голосе настоятеля, дотоле спокойном и даже мягком, что Бруно был удивлен.

– О ком вы говорите, мессер? – робко спросил юноша.

– Nomina sunt odiosa! – внушительно сказал аббат. – Ты узнаешь этого нечестивца по его делам. И, надеюсь, останешься глух к прельщениям! А теперь иди, и да будет с тобою мир!

Через час Бруно вызвали на капитул. Обширную комнату заполняли ряды монахов, сидевших на скамьях. На возвышении стояли кресла для аббата, приора, ключаря и прочих монастырских сановников.

Фелипе, смущаясь, остановился перед креслом аббата. Дон Амброзио, низенький полный человек средних лет, смотрел на Бруно поощрительно. У Фелипе мелькнула мысль:

«Как же это? У настоятеля небольшие серые глаза, а на меня сквозь ширму смотрели глаза огромные, черные...»

– Филиппо Бруно, перед полномочным собранием достопочтенных братьев подтверди свое желание отдать себя Богу.

Бруно громко сказал:

– Желая войти в великое братство отцов доминиканцев и всего себя посвятить на служение людям!

Среди монахов послышался ропот: вступающий в орден самовольно изменил формулу обращения к капитулу.

– Ты должен служить Богу, а не людям! – послышались возгласы.

Аббат сверкнул глазами на недовольных, и шум смолк. В монастырях по уставу власть принадлежала капитулу, а на деле все решал настоятель.

Паскуа сделал вид, что принял изменение уставной формулы за простую обмолвку растерявшегося юноши, и торжественно возгласил:

– Брат Филиппо Бруно принят в новиции с годовым сроком искуса. Онный же Филиппо Бруно зачисляется во внутреннюю монастырскую школу.

Монахи в белых рясах закивали головами в знак того, что слова аббата выражают мнение всего капитула.

Для Фелипе началась новая эпоха жизни.

У отца ключаря молодой послушник получил одежду, ему дали книги и письменные принадлежности с наказом бережно обращаться с вещами.

Был поздний вечер, когда ключарь привел юношу в большой уютный дортуар и показал ему свободное место на нарах. Будущие товарищи по школе спали. Бруно улегся на тощий матрац, накрылся тонким одеялом и, утомленный переживаниями дня, быстро заснул.

Ему приснилась Ревекка. Юноша целыми днями думал о ней, вспоминал каждый жест любимой, каждое слово, сказанное ею во время их встреч.

В этот раз он видел себя с девушкой у широкой реки. Надо было перебраться на другой берег, потому что где-то близко скрывались враги, угрожавшие разлучить их. Фелипе искал переправу, но вдруг появились преследователи и открыли стрельбу. Непонятным образом выстрелы превратились в удары колокола, и Фелипе пробудился.

В дортуаре было шумно. Ученики вскакивали с мест, выхватывали одежду из-под изголовья, накидывали на себя и убегали. Сердитые окрики надзирателей подгоняли замешкавшихся.

– Что случилось? Пожар? – спросил Бруно торопившегося соседа, высокого нескладного парня с длинными руками и ногами.

– А, новенький! Скорее одевайся и ко всеобщей, не то отец циркатор покажет тебе пожар!

Пока Бруно натягивал одежду, ученики, понукаемые надзирателями, скрылись. Фелипе двинулся к выходу, но его перехватил точно выросший из земли тощий монах с землистым лицом и неслышной походкой.

– Ай-ай-ай, какой непорядок! – укоризненно сказал отец циркатор. – Сон ценишь дороже молитвы?

– Я первую ночь здесь, – оправдался Бруно. – Не знал обычая.

– Сегодня прощаю, но если повторится, донесу отцу приору.

Бруно поспешил в капеллу. Там при свете немногих свечей шло всеобщее бдение. Патер заунывно читал молитвы, певчие подтягивали сонными голосами. Фелипе с удивлением заметил, что многие молящиеся – и монахи и ученики – спят стоя. Через полчаса ученики вернулись в дортуар.

Фелипе долго не мог забыться. Но лишь только начали смыкаться веки, как новый колокольный звон и новый вихрь мечущихся фигур мигом сдули с него сон. На этот раз Бруно успел выбежать со всеми вместе.

Сосед одобрительно кивнул ему:

– Привыкаешь? Старайся, не то трудно тебе придется!

– А это какая служба?

– Ну, я вижу, ты совсем зеленый! Это – утренняя!

Отстояв утреню, ученики прибрали постели, подмели пол и отправились в умывальную. Едва они успели привести себя в порядок, как колокол снова погнал их в церковь.

Долговязый, веснушчатый и рыжий Сальваторо Ронка, сосед Фелипе по нарам, не мог без смеха смотреть на вытянувшееся от удивления лицо Фелипе.

– Скис? Держись, ты нашей жизни только краешек попробовал. Стой, а где я тебя, друг, видел?

При свете утра школяр внимательно всматривался в лицо нового товарища и вдруг вспомнил:

– Это ты шел позади молодой еврейки, что собирались крестить в Санта-Марии Инкороната?

– Я, – потупившись, ответил Бруно.

– Она была твоя невеста?

– Да...

– Понимаю...

И он пожал руку Фелипе. Сочувствие простодушного парня вызвало слезы на глазах Бруно.

– Не горюй, друг, – сказал Сальваторо. – Сюда каждого из нас горе привело. Тебя как звать?

– Филиппо Бруно. А тебя?

– Меня Сальваторо Ронка. Слушай, Липпо, будем дружить?

– Как ты сказал?!

Бруно дикими глазами смотрел на Сальваторо. Тот даже перепугался:

– Да что с тобой, Липпо? Ты весь побелел!

– Ты говоришь «Липпо». Но так звала меня только она...

– Прости, друг, я не знал, что тебе это тяжело. Буду звать тебя Фелипе.

– Нет, нет, не надо. Пусть это напоминает мне о ней...

После церковной службы учеников развели по классам. Бруно посадили в старшую группу, рядом с Сальваторо, и оба были этому рады.

Начался урок латыни. В класс вошел дон Аурелио Нарди, унылый маленький монах с лысой головой. В руке он держал ферулу, и Бруно улыбнулся, вспомнив свой первый урок латинского языка в пансионе Саволино.

Вскоре Фелипе убедился, что знает больше учителя, но, не желая обидеть маэстро, отвечал нерешительно, с запинками. Но и такие ответы выдвинули Бруно на первое место в классе. Остальные ученики знали очень мало, а Сальваторо приводил учителя своими ответами в совершенное отчаяние.

Дон Аурелио то и дело подзывал Сальваторо и колотил ферулой по его жестким ладоням. Возвращаясь на место в четвертый или пятый раз, Ронка проворчал:

– Рук жалко!

– Болят? – сочувственно спросил Фелипе.

– Да не моих рук, – ответил добряк, – рук дона Аурелио жалко. Ведь будут же болеть после урока: помахай столько ферулой!

Когда кончился урок, Сальваторо уважительно сказал:

– Слушай, Липпо, а ты по этой самой латыни здорово наострился! Небось «Pater noster» наизусть знаешь?

Фелипе промолчал.

Скучно позавтракав рыбой с макаронами, школяры снова двинулись в церковь слушать «третий час», а затем краткую мессу. Во время мессы мальчишки-причетники прислуживали патеру: подавали предметы богослужебного обихода, в нужный момент звонили серебряным колокольчиком. Должность причетника – низшая в церковной иерархии, и каждый, готовившийся к духовной карьере, должен был ее пройти. Ученики внутренней школы отбывали эту повинность поочередно.

После мессы группа занималась риторикой. Тех, кто плохо усваивал риторическую премудрость, преподаватель наказывал розгами.

Едва кончился этот урок, как неумолимый колокол снова призвал всех молиться: служился «шестой час».

– Друг Сальваторо, много еще осталось на сегодня церковных служб? – удрученно спросил Бруно.

Тот ответил:

– Еще будут «девятый час», вечерня и «комплеторий».

– Так сколько же раз в сутки вас водят в капеллу?

– В будние дни восемь раз, – ответил Сальваторо, приглаживая пятерней разлохматившиеся рыжие волосы, – а в воскресенье прибавь торжественную мессу.

– А уроки когда?

– В промежутках. Нам приходится не сладко. Часа четыре в церкви, часов шесть с учителями, часа четыре уроки готовим, а остальное – еда, отдых, сон... Хотя на отдых, по правде, времени не остается, да и высыпаемся плохо.

– Какая же это жизнь! – горестно воскликнул Бруно.

– Эх, друг Липпо, – серьезно сказал Ронка, – приходится терпеть. Да это все ничего, а вот наука не дается. Мне бы хоть какую церковную службишку раздобыть, я бы зажил как у Христа за пазухой. Сестер бы приютил: они в батрачках маются.

Тронутый его печалью, Бруно пообещал:

– Ладно, Сальваторо, не горюй: я тебе в учении буду помогать.

– Правда?! – Добродушное лицо Сальваторо засияло радостью.

День пришел к концу. Фелипе еле дотащился до постели.

И снова во сне Ревекка, и снова гудел колокол, и заботливый Сальваторо расталкивал Бруно и тащил ко всеобщей.

Так прошла неделя. Фелипе исхудал, ходил сонный, вялый, монастырские порядки действовали губительно даже на его крепкое здоровье. Сальваторо рассказал Бруно, что у школяров есть тайник. Там слабые и устающие отдыхают, укрываясь от надзора монастырского начальства. Сальваторо предложил Бруно спрятаться там на несколько дней, чтобы набраться сил. Фелипе поблагодарил товарища и отказался.

Глава вторая

Между двух огней

Прошли три недели. Фелипе привыкал к монастырским порядкам. Для него стало привычным делом вскакивать среди ночи с постели и бежать в капеллу молиться. Среди школяров Бруно выделялся начитанностью и большими знаниями. Говоря между собой, учителя называли Бруно светилом школы.

Слухи о новом «светиле» дошли до приора, дон Марио Порчелли. Под его началом были обе школы – внешняя и внутренняя. Он принимал и увольнял преподавателей, следил за дисциплиной учащихся. Провинившихся учеников отправляли к нему, и он сурово наказывал их.

Внутренняя школа заволновалась, когда ученика Филиппе Бруно потребовали к приору. Казалось, для вызова не было никаких явных причин, и досужая молва сделала заключение, что есть причина тайная. Вероятно, Бруно совершил проступок, о котором отцу приору стало известно от соглядатаев.

...Приор, высокий сухощавый монах с орлиным носом и суровыми серыми глазами, с гордой осанкой, принял Фелипе в своей келье. Келья скромного служителя бога состояла из трех роскошных комнат и большой приемной. Когда раскормленный служка впустил молодого школяра, приор сделал знак монаху удалиться.

– Садись, сын мой! – приказал дон Марио смущенному юноше.

Тот опустился на стул около порога.

Приор начал расспрашивать Фелипе о том, как ему живется в монастыре, хорошо ли относятся к нему преподаватели, хватает ли ему бумаги и чернил. Удивленный Бруно на все вопросы отвечал коротко и точно. Но, как видно, не для пустой траты слов призвал послушника помощник аббата. И дон Марио спросил:

– Доволен ли ты, сын мой, тем, что вступил именно в нашу обитель?

– Да, мессер, – подтвердил Бруно.

– И ты прав. Полагаю, что выбор был внушен тебе свыше. Среди всех орденов святой католической церкви доминиканский орден – самый известный и заслуженный, а из монастырей нашего ордена Сан-Доминико Маджоре пользуется наибольшей славой. Но – увы! – в мире нет ничего совершенного... И нашему монастырю недостает хорошего руководства для того, чтобы стать земным раем.

Эти последние слова были сказаны таким тоном, в котором прозвучало что-то очень знакомое Фелипе. Где он совсем недавно слышал такую речь? Бруно вспомнил. Это аббат Паскуа с такой же горечью говорил о неизвестном враге, подстрекающем монахов к неповиновению властям. Так вот оно что! Между

аббатом и приором существует вражда, и потому-то они с такой злобой говорят друг о друге.

Фелипе прикинулся простачком.

– Недостает руководства? – удивленно воскликнул он. – А мессер аббат? А вы, святой отец? А уважаемый отец ключарь? Разве не правите вы трое всеми делами в таком же согласии, какое существует между тремя лицами пресвятой троицы?!

Дон Марио мрачно усмехнулся:

– Я не сказал бы этого другому, но ты, сын мой, по-видимому, заслуживаешь доверия. Я чувствую в себе великие возможности выдвинуть нашу обитель на первое место в христианском мире, но есть враждебная сила, которая мешает осуществить мои планы...

«Все понятно! – подумал Фелипе. – Вам, мессер приор, хочется спихнуть мессера аббата, чтобы сесть на его место...»

Вслух он сказал:

– Я не понимаю, на кого вы намекаете, мессер!

– *Nomina sunt odiosa!* – важно возразил приор, и Бруно чуть не рассмеялся: до того сходны были приемы, при помощи которых аббат и приор старались очернить один другого.

Дон Марио решил, что им для первого раза сказано достаточно. Он отпустил новиция со словами:

– Подумай обо всем, что ты от меня услышал, и осмотрительно избери свою дорогу. Неверная тропа приводит путника к гибели!

Прямая угроза прозвучала в этих словах, и Фелипе ее понял. Почтительно поклонившись, он ответил:

– Я буду осторожен, мессер!

Товарищи встретили Бруно расспросами.

– Мессер приор дал мне выговор за то, что я не очень усерден в отправлении религиозных обязанностей, – ответил Фелипе.

Школяры приняли этот ответ как отговорку, но больше приставать не стали.

А Фелипе, оставшись наедине с Сальваторо, без утайки рассказал обо всем, что произошло у приора.

Ронка ничуть не удивился.

– Я думал, ты давно знаешь, что между аббатом и приором идет тайная война. Тщеславие мессера приора не имеет пределов. – Сальваторо рассмеялся. – Мне недавно удалось подслушать разговор между доном Марио и одним священником, приехавшим в монастырь по каким-то делам. Приезжий, как видно, был хорошо осведомлен о притязаниях приора. Он поймал его в коридоре и обратился, поклонившись чуть не до земли: «Мессер аббат, разрешите мне представить вашему вниманию мою скромную особу...» Посмотрел бы ты, как просияло суровое лицо дона Марио. «Дорогой брат, – сказал он с глубоким вздохом, – вы ошиблись. Я не аббат, а только приор...» – «Не может быть! – горячо воскликнул священник. – С вашим величавым видом, с вашей внушительной осанкой... Нет, нет, для такого выдающегося человека, как вы, мессер, только кардинальская мантия была бы впору...» Хитрец получил лучшую келью, ему дали мягкую постель, за трапезой его сажали на лучшее место... Однако, – заметил Ронка, – твое дело обстоит скверно. Аббат и приор стараются перетянуть тебя каждый на свою сторону, и тебе придется решить, станешь ты паскуалистом или порчелистом. Ведь они из кожи лезут вон, чтобы собрать себе побольше сторонников.

– Что посоветуешь мне ты, друг?

Сальваторо, подумав, ответил:

– Без сомнения, у приора есть сильные покровители и в Неаполе и в Риме, иначе аббат избавился бы от него. Но я полагаю, тебе надо держаться аббата: ведь вся власть в монастыре принадлежит ему.

Ронка в свои девятнадцать лет рассуждал очень разумно: жизнь в монастыре научила его многому.

– А я-то думал, – со вздохом сказал Фелипе, – что монастырь – тихая пристань. Вот тебе и тихая пристань!

Враги зорко следили друг за другом, и шпионы аббата в тот же день донесли ему, что приор вызывал к себе Бруно. Мессера Паскуа встревожило это известие. Он знал, что приор – тайный иезуит и что именно поддержка иезуитов дает ему такую силу, что выжить его из монастыря оказывается невозможным.

Общество святого Иисуса образовалось недавно, но уже распространило свое влияние на всю Европу и пользовалось покровительством самого папы. Аббат Паскуа справедливо считал, что приор – не единственный иезуит в Сан-Доминико Маджоре, что многие его сторонники также члены этого ордена, и если он теперь вызвал Бруно, то, вероятно, имел целью и его вовлечь в иезуитский орден.

А меж тем аббат сам имел виды на Фелипе, надеясь, что талантливый юноша станет его деятельным сторонником. При встречах Паскуа ласково заговаривал с послушником, расспрашивал его, не тоскует ли он по дому, по утраченной возлюбленной. Аббат ждал, что Бруно, чувствуя благосклонное к нему отношение, попросит смягчить для него суровые монастырские правила. Фелипе не просил ни о чем, и мессер Паскуа не мог не подивиться твердости характера молодого новicia.

«Я не уступлю Бруно дону Марио, – решил аббат. – Я сделаю из мальчика видного богослова, это прославит монастырь и даст мне лишний шанс в борьбе с иезуитом. Но прежде всего я вырву Бруно из-под власти приора. Я переведу его из школы в университет. Судя по тому, что говорят о нем учителя, он этого вполне заслуживает».

На следующий день Фелипе получил приказ явиться к аббату. Разговор состоялся поздно вечером в той же капелле с веселыми мучениками на стенах. Бруно снова увидел страшные черные глаза на занавеске. Теперь он решил разгадать эту загадку и вплотную подошел к ширме. Глаза были искусно нарисованы на материи, а огромные зрачки оказались дырками, сквозь которые смотрели настоящие глаза дона Амброзио. Фелипе не мог сдержать улыбки.

– Я вижу, ты смеешься, сын мой? Как тебе нравится моя выдумка?

– Она очень искусна, мессер, – вежливо ответил Бруно, – но я не понимаю цели...

Ширма раздвинулась, и перед Фелипе появился сидевший в удобном кресле мессер Паскуа. На монахе была богатая сутана из гранадского шелка. На груди сиял золотой крест, усыпанный алмазами.

– Видишь ли, Филиппо, – доверительно сказал аббат, – эти глаза нарисованы не для моих монахов, они меня знают. Но на мирян это производит неотразимое впечатление. Когда кающийся становится на колени перед этой ширмой, ни один грех не залежится на дне его души! Однако, друг мой, возьми кресло, поставь сюда и садись против меня.

– Смее ли я, мессер?..

– Приказания высших исполняются беспрекословно!

Фелипе повиновался.

– Я обратил на тебя внимание во время нашей первой беседы. Ты хорошо знаешь богословие, умеешь спорить. Я следил за твоими школьными успехами. Но знаешь, чем ты меня особенно подкупил?

Бруно недоуменно молчал.

Монах объяснил:

– Тем, что отклонил предложение Сальваторо Ронка укрыться на отдых в ученическом тайнике.

Фелипе горестно воскликнул:

– Сальваторо – доносчик?

Какое жестокое разочарование! Друг, которого он так полюбил, перед кем раскрывал душу, оказался шпионом отцов монахов... Кому же после этого верить?

Дон Амброзио мягко поправил юношу:

– Доносчик – не то слово. По уставу ордена доминиканцев каждый обязан следить за другими и о своих наблюдениях докладывать вышестоящим отцам. Но о твоём поведении я знаю не от Сальваторо Ронка. К сожалению, ученик Ронка ещё не проникся духом устава...

Горячая волна радости обдала Фелипе. Сальваторо – не соглядатай! Сальваторо не обманул его доверия!..

Аббат продолжал:

– Ты горд и настойчив, сын мой, а это необходимые качества для будущего князя церкви.

Фелипе смотрел на аббата Паскуа широко раскрытыми глазами.

– Я не понимаю вас, мессер!

– Человек не сразу становится прелатом! Прежде чем возвыситься, он должен пройти длинный и нелегкий путь. Слушай меня внимательно, Филиппо Бруно! Ты избран мною из многих, и от тебя не должно быть тайн...

Аббат смотрел на Бруно, ожидая ответа.

– Ты молчишь, сын мой? Впрочем, это понятно: мои слова ошеломили тебя.

– Да, мессер, – признался Фелипе. – Трудно поверить в то, о чем вы говорите.

– Твоя скромность мне нравится. Я предрекаю тебе большую будущность, но при одном условии: ты должен быть совершенно откровенным со мной, твоим духовным отцом и руководителем в жизни.

– Мессеру не придется подозревать меня в неискренности.

– Ну, коли так... – Колючие глазки аббата впились в лицо Фелипе. – Скажи, зачем тебя вызывал вчера отец приор?

Бруно колебался недолго. Каждая из двух враждующих сил могла сломить его, как былинку. Нужно было примкнуть к одной из сторон и твердо ее держаться. Фелипе сделал выбор.

– Мне кажется, – заговорил он, глядя в глаза аббату, – что мессер приор хочет видеть меня в числе порчеллистов.

Дон Амброзио улыбнулся:

– Я вижу, ты знаком с положением, которое сложилось в нашем монастыре. Что говорил обо мне отец приор?

Бруно была противна роль осведомителя, но он понимал, что настоятель и без того хорошо знает, что говорит и думает о нем его соперник в борьбе за власть. И он кратко передал содержание своего разговора с доном Марио.

– Так отец приор грозил тебе? – Голос аббата стал жестким, глаза потемнели от гнева. – Не бойся! Своих сторонников, паскуалистов, я в обиду не дам!

– Я верю в это, мессер!

– И вот первое доказательство моего к тебе благоволения. Я освобождаю тебя от постоянных посещений капеллы. Ты будешь ходить туда два раза в день.

– Я не могу спать, мессер, когда мои товарищи...

– Знаю и это, – перебил настоятель, – и надеюсь, что ты избавишься от чувства сострадания к людям, которые ниже тебя. Да тебе и не придется часто сталкиваться с ними, ты получишь келью. Ты говорил мне о своей любви к науке. Одобряю твое стремление и перевожу тебя в университет!

Голова у Фелипе закружилась. Его мечта стать студентом университета Сан-Доминико Маджоре сбылась раньше, чем он на это рассчитывал.

Доминиканский орден готовил проповедников и, не жалея средств, привлекал к этому делу видных профессоров богословских наук. У доминиканцев насчитывалось двадцать шесть университетов или, как их тогда называли, генеральных школ. Лучшими считались университеты в Париже, Риме, Тулузе, Саламанке, Неаполе.

В этот памятный вечер Бруно сделал громадный шаг по пути к вершине богословской науки.

Сальваторо первым узнал, чем кончился разговор Фелипе с аббатом. У этого рыжего долговязого парня было большое щедрое сердце, и он искренне порадовался успеху товарища.

Глава третья

Явное и тайное

Студенты жили в корпусе, где размещались аудитории и где была монастырская библиотека. После зачисления в университет получил келью и Бруно. Его отвел туда отец ключарь.

Небольшая келья освещалась высоким и узким зарешеченным окном. Другое окошко, круглое, незастекленное, находилось над низкой дверью. Оно служило «глазком», через который подглядывали за обитателем кельи.

Обстановка кельи отличалась простотой. Тонкий тюфяк на выступе стены, столик, табурет, полка для книг, передний угол был увешан иконами, перед которыми горела неугасимая лампада.

Ключарь сказал:

– Вот твое пристанище, сын мой! – И монах пошел из кельи.

– А где ключ, святой отец? – спросил Бруно.

– Какой ключ? – удивленно отозвался монах.

– Ключ от двери, – пояснил молодой студент.

Необычайная просьба развеселила вечно угрюмого монаха.

– Да разве ты не знаешь, сын мой, что у нас в монастыре никогда не запираются на замок не только студенческие, но даже монашеские кельи?

– Я об этом не слыхал, святой отец!

– Ты плохо изучил наш устав, Филиппо Бруно! Никто из членов ордена не должен иметь личной собственности. И если дьявол попутает кого-либо из братии завести лишнюю одежду или предаться греху чревоугодия и прятать у себя еду, его сразу разоблачат и накажут.

Жизнь на виду, открытая всякому любопытному взору, ничего своего, ни любимых книг, ни предметов житейского обихода... Ради далекой, по ясной цели придется вытерпеть и это. Филиппо Бруно горячо принялся за работу. Первым его учебником оказался «Свод богословия» Фомы Аквинского. Изучать это сочинение, написанное тяжеловесной латынью, стоило больших усилий. К тому же малейшие отклонения от формулировок знаменитого богослова рассматривались профессорами как ересь.

Все эти трудности не существовали для Бруно. С его поразительной памятью он цитировал наизусть целые страницы из Фомы Аквинского и других отцов церкви. Если профессор пытался сбить Фелипе, тот вступал в богословский спор, и никому не удавалось его победить. Слава Бруно как искусного диалектика росла.

Богословие отнимало у юного студента много времени: Бруно решил изучить его в кратчайший срок, чтобы иметь возможность поскорее отдаться любимой науке. Все же он занимался с Сальваторо, выполняя данное ему обещание. Метод Бруно, выработанный еще в пансионе, отлично оправдал себя и здесь. Долго дремавшие способности Сальваторо пробудились, и он делал успехи, изумлявшие дона Аурелио, преподавателя латыни.

За первые месяцы послушнического искуса Бруно хорошо ознакомился с монастырем. Старинная обитель Сан-Доминико Маджоре в Неаполе была расположена на холме у городской окраины. Она представляла из себя городок, обнесенный высокой стеной, с массой зданий внутри, больших и малых – с церквями и капеллами, с жилыми корпусами, пекарнями, винодельней, конюшнями, птичником, обширным садом и огородом. В хозяйстве монастыря работали наемные служки, которые одевались в подрясники, но не принадлежали к духовному сословию. Помимо служек, черную работу в обители несли миряне: земледельцы, рыбаки, ремесленники. Это были верующие, отбывающие епитимью, наложенную за грехи: отработать бесплатно, за одни харчи, на святого Доминика три месяца, шесть месяцев, год. Эти даровые работники приносили большую выгоду монастырю.

Фелипе изучил лабиринты бесконечно длинных гулких коридоров, вымощенных каменными плитами, с потемневшими ликами святых на стенах, с редкими окнами под потолком. Коридоры вели из одной капеллы в другую, соединяли молельни, трапезные, залы для собраний капитула и множество других помещений.

Бруно любил в перерыве между занятиями войти под высокие своды собора Сан-Доминико, где церковные службы справлялись только по торжественным дням. Студент любовался строгой красотой колонн, изяществом изваянных из мрамора кафедр с изумительными барельефами по бокам, с ажурными перилами лесенок. Он наблюдал игру пылинок в оранжевых, зеленых и красных снопах света, пробивавшихся сквозь цветные стекла окон и оживлявших огромное сумрачное пространство.

Удивительное было в соборе эхо. Стоило тихо взять ноту, и звук, многократно отраженный и усиленный, пронесся в воздухе величавым аккордом и угасал под высоким куполом.

Но обитатели Сан-Доминико Маджоре равнодушно проходили мимо сокровищ искусства.

В монастыре насчитывалось около двух сотен монахов и послушников. Среди монахов были молодые и старые, высокие и низенькие, толстые и тонкие, но все они странно походили друг на друга в своих белых рясах и накинутах поверх черных мантиях с капюшонами, прикрывавшими лицо. Новициев было значительно меньше, чем монахов, они носили короткие подрясники и черные колпаки, оказывали старшим беспрекословное повиновение.

Многим монахам приходилось вести подвижный образ жизни. Одни бродили по Италии и другим странам, собирая подаяния для монастыря. Других посылали распространять среди язычников христианство, и там проповедники нередко погибали мученической смертью. Представительные священники с красивым голосом и хорошими манерами подолгу гостили при дворах владетельных герцогов и князей, совершая у них в капеллах торжественные богослужения. А монахи, сведущие в искусстве, расписывали стены сельских церквей изображениями святых.

Поездками монахов ведал приор, отец Марио Порчелли. И как-то всегда выходило так, что отправлявшиеся по монастырским делам порчеллисты получали больше денег на дорогу, им седлали лучших мулов в более богатой сбруе... Эти нехитрые приемы поощрения привлекали в партию приора новых членов и бесили аббата.

Вся деятельная жизнь монастыря – многочисленные церковные службы, проповеди, произносимые перед богомольцами, чинные трапезы в столовой, сопровождаемые чтением житий святых, уроки в школах и лекции в университете – все это протекало на виду у всех, вызывая уважение непосвященных. Но были в обители глубоко запрятанные тайны. Жизнь монастыря напоминала медаль,

лицевая сторона которой изображает лик праведника, а с оборотной скалится отвратительная рожа дьявола.

Как тяжкая болезнь, изнуряющая организм, отзывалась на всей деятельности Сан-Доминико Маджоре тщательно скрываемая от мирян вражда между аббатом и приором, разделившая монастырских обитателей на два лагеря.

В университете дела тоже шли совсем не так, как представлял себе Бруно.

Он впервые переступил порог аудитории с большим волнением. Здесь собираются юноши, движимые благородным стремлением к науке, здесь делятся с ними знаниями лучшие профессора, думал Фелипе. Действительность разочаровала его.

На лекции по логике присутствовали десятка два студентов, далеко не все, кому полагалось слушать курс. Профессор излагал предмет хорошо, увлекательно, и Бруно слушал его с удовольствием. А меж тем многие студенты разговаривали, иные дремали, а соседи Бруно справа и слева продолжали ранее начатую ссору. Сначала они свистящим шепотом говорили друг другу колкости, а потом начали толкать друг друга.

Лекция кончилась, профессор вышел из аудитории, и соседи Фелипе стали друг против друга, как два драчливых петуха. Высокого плечистого генуэзца Тиначчо Макерони и смуглого подвижного калабрийца Джулио Асколано окружили студенты и принялись подзадоривать.

В руке Асколано блеснула наваха, а Макерони выхватил кинжал.

Фелипе пришел в ужас и с побелевшим лицом бросился между противниками.

– Безумцы! – воскликнул он. – Разве с вас не взяли клятву, что вы не будете носить при себе оружие?!

Дружный хохот студентов был ответом.

– Смешной новичок! Думает, клятвы даются для того, чтобы их исполнять! – сказал Макерони и с ловкостью фокусника спрятал кинжал.

Асколано убрал наваху. Ссора угасла, а на Фелипе посыпались насмешки, которые он переносил с доброй улыбкой. Макерони взял Фелипе под руку.

– Слушай, петушок, – сказал он, – мне твоя смелость нравится. Считаю тебя другом.

– А ты помиришься с Асколано?

Макерони махнул рукой:

– Э, ссора-то пустяковая, из-за девчонки!

– Как из-за девчонки? – с ужасом переспросил Бруно. – Разве в монастыре есть женщины?

Макерони хохотал до упаду:

– Я вижу, друг, тебя надо просветить.

Следующую лекцию читал сам ректор, мессер Паскуа. Он не любил готовиться к занятиям и вместо того, чтобы излагать взгляды отцов церкви по тому или иному вопросу, просто беседовал со студентами обо всем, что ему приходило в голову.

В этот раз он принялся опровергать мнение, что церковь бескорыстна.

– Наш святой орден основан как нищенствующий, – говорил ректор, – а между тем за столетия его существования доминиканцы собрали огромные богатства. И это хорошо, это угодно Господу! А почему?.. Потому что для борьбы с ересями нужны большие средства.

Затем мессер Паскуа перешел к другой теме. Он развивал мысль, что монахи, ратники Христова воинства, далеко неравноценны перед Богом.

– Вот, например, взять вас, здесь передо мною сидящих, – разглагольствовал ректор, – и рядовых монахов ордена, разве есть что-либо общее в вашем предназначении? Доля рядовых членов нашего братства тяжела: они гибнут в

религиозных войнах, ведут борьбу с гугенотами, жгут еретиков во Фландрии, их мы посылаем проповедниками в заморские края. Награда за труды ждет их на небесах...

Сосед слева шепнул Бруно:

– Они сами стараются вознаградить себя, не дожидаясь загробного блаженства.

– Но вы, избранные, – тут ректор повысил голос, – вы – будущие аббаты, епископы и кардиналы, духовные руководители неисчислимых толп верующих, и справедлива божья воля не откладывать ваше воздаяние до райских врат. Вас ждут почести, роскошные дворцы, золоченые кареты, пурпурные мантии и, может быть, тиара самого святейшего папы...

Аббат Паскуа искусно доказывал, что, когда его слушатели достигнут вершин церковной иерархии, все будет им дозволено, все их грехи отпустит Господь.

Бруно ушел с лекции, удивленный откровенными речами аббата.

Вечером, когда Фелипе готовился ко сну, в келью вошел Макерони. К удивлению Брутто, он был одет вместо сутанеллы в камзол и панталоны, у пояса висела шпага.

– Я за тобой, – заявил Макерони. – Идем в город. Ты припрятал светскую одежду?

– Город? Светская одежда?!

Бруно ничего не понимал, и Макерони начал объяснять:

– Видишь ли, петушок, каждый из нас сохранил старое платье и оружие. Кельи у нас, правда, не запираются, но наше добро укрывают те, кто имеет право держать дверь на замке.

– Кто же это?

– Учителя внутренней и внешней школы, органисты, регент церковного хора, смотритель конюшен... Платят им не слишком много, и они не прочь заработать с нашего брата.

– Я все имущество сдал отцу ключарю.

– Не беда. У нас кое-кто остался сегодня дома после вчерашнего перепоя, и мы подберем одежду на твой рост.

– Но разве отец Антонио выпустит вас из монастыря? – спросил Бруно. – Это неподкупный святой старик.

– А мы не искушаем его святость, – ухмыльнулся Макерони. – В задней стене есть потайная калитка, и секрет ее нам известен.

– Но как вы скрываете свои похождения от отцов монахов?

Макерони снова обуюл смех:

– Отцы монахи? Да они сами ходят в город каждую ночь. И, конечно, не за тем, чтобы служить мессы.

Монахи уходят по ночам кутить в город! Бруно хотел выказать удивление, но вспомнил, что часто видел, как почтенные отцы по утрам, еле держась на ногах, пробирались в свои кельи вместо того, чтобы идти в церковь.

Фелипе поблагодарил товарища за предложение, но сказал, что у него нет желания сопровождать его в город.

– Ладно, петушок, я тебя понимаю. Ты какой-то особенный. Ну, да и то сказать, должны же быть в нашем содоме праведники, ради которых Господь еще щадит его!

Макерони дружески обнял Бруно, и тот почувствовал под одеждой ночного гуляки что-то твердое.

– Кольчуга?

– А как же, – подмигнул тот. – Ночью по городу бродить опасно, могут напасть худые люди.

Он оставил келью. Бруно плохо спал ночь, его мучили кошмары. На лекции он с облегчением увидел целого и невредимого Макерони, тот дружески хлопнул его по плечу. Во время занятий студент дремал, а после обеда пришел к Фелипе.

– Ну, была у нас вчера потеха! – начал он рассказ. – В нашу компанию затесались три монаха, конечно, все паскуалисты...

– А ты тоже паскуалист? – с любопытством перебил Бруно.

– Попробуй прийти на экзамен к ректору, не будучи паскуалистом! – рассмеялся Макерони. – Но ты слушай, что было дальше. Мы вышли из кабачка на рассвете, «веселыми ногами скакаша и плясаша...». И вдруг навстречу компания порчеллистов, они, видишь ли, кутили по соседству. Кто-то из них бросил нам обидное слово, наши ответили, и завязалась такая потасовка...

– Я удивляюсь, – сказал Фелипе, – как вас не забирают испанские патрули.

Макеронн беспечно отозвался:

– Э, они с нами не связываются. Отцы доминиканцы пожаловались вице-королю, что солдаты мешают им навещать по ночам тяжелобольных верующих.

Не всегда запретные похождения заканчивались благополучно. Иногда собутыльники вливали в себя столько лакрима кристи, что теряли рассудок и начинали громить приютившее их «заведение», а бывало, что «смирненные иноки» врывались в дома с целью грабежа и убийства. Ведь в Сан-Доминико Маджоре под белой рясой скрывалось немало преступников, приговоренных к каторге и даже плахе. Но монашеский сан обеспечивал им неприкосновенность.

Суд узнавал лишь о ничтожно малой части тысяч и тысяч преступлений, совершаемых доминиканцами. В огромном большинстве случаев монастырскому начальству удавалось закончить дело миром, так или иначе ублажив или запугав жалобщиков. В тех немногих случаях, когда дело принимало огласку, с преступниками расправлялись жестоко: лишали сана, бичевали и ссылали гребцами на галеры.

За менее тяжкие преступления виновные отделялись заключением в подземной монастырской тюрьме.

Тиначчо Макерони, Джулио Асколано и другие товарищи не раз еще соблазняли Бруно отправиться с ними ночью в город, но молодой студент всегда отвергал такие предложения. Он предпочитал выходить из монастыря по воскресным дням после мессы.

Фелипе отправлялся прямо в домик Саволино, где его с радостью встречали не только дядя и тетка, но и согнувшийся в дугу Джузеппе Цампи и толстая, пышущая здоровьем кухарка Чеккина.

Старики Саволино тяжело переживали гибель Ревекки. Они полюбили ее всей душой, видели в ней дочь, ее детей мечтали лелеять. Синьор Джакомо часто сидел в садике и смотрел на двойную вершину Везувия, которая благодаря удивительной прозрачности воздуха казалась совсем рядом. Там, у подножия вулкана, была погребена его Ревекка, надежда его старости. Она ушла из жизни, а за ней ушел из его жизни и Фелипе...

– Ревекка, дочка моя, – шептал старик и качал седой головой.

Фелипе рассказывал дяде о своей монастырской жизни, и тот интересовался мельчайшими ее подробностями. Он знал о вражде аббата и приора и советовал племяннику не задевать сторонников приора, а самому дону Марио оказывать всяческое почтение. Он одобрял дружбу Фелипе с Сальваторо. Ронка не бывал у него в доме, но Саволино по рассказам племянника хорошо знал веселого добродушного парня.

Весной 1566 года Филиппе встретил в доме дяди своего крестного отца и первого учителя Лодовико Тансилло. Какая радость была для обоих!

В последний раз они виделись четыре года назад, когда Фелипе приезжал домой на каникулы. Тогда он был еще мальчиком, а теперь стал стройным юношей

с твердым и немного грустным взглядом голубых глаз, в котором запечатлелись пережитые страдания. На внешности Лодовико Тансилло тоже отразились прошедшие годы. Он сильно постарел, одежда его выглядела потертой, прическа небрежной.

– Да, дружок мой, – со вздохом сказал Лодовико крестнику, – живется мне неважно. Типографы боятся печатать мои книги, ведь я воспеваю свободу, напоминаю о славном прошлом Италии. А это не по вкусу ни испанцам, ни церковникам, которые с ними заодно. Еще хорошо, что мне помогают старые друзья, а то бы...

Саволино бросил предостерегающий взгляд на поэта, но Бруно понял, что дядя поддерживает Тансилло на свои скудные средства.

Возвращаясь домой, Бруно увидел у ворот монастыря молодого доминиканца. Ястребиное лицо монаха с крючковатым носом и выдающимся подбородком, с тонкими бледными губами смутно показалось Фелипе знакомым. Только черная повязка, проходившая через правый глаз, привела юношу в недоумение. И вдруг он догадался: это Луис Ромеро! Фелипе не видел своего соперника с этой повязкой, но знал, что Луис выбил глаз во время нападения на Джузеппе Висконти.

Бруно забыл старую вражду, забыл опасности восхождения на Везувий, которым подвергнулся по вине Луиса. При взгляде на Ромеро ему вспомнились невозвратные дни детства, цветущие окрестности родного города, веселые набеги на сады и баштаны... И он шагнул вперед с распростертыми объятиями:

– Луис! Дружище!

Испанец холодно отстранился от Бруно, как бы нечаянно прикоснулся к повязке и с легким поклоном ответил.

– Смирный брат Хиль к вашим услугам!

Глава четвертая

Библиотека

Библиотека монастыря Сан-Доминико Маджоре славилась по всей Италии. Рассказы пансионских учителей о ее богатстве были главной причиной, заставившей юного Бруно вступить в орден доминиканцев.

Несколько высоких длинных зал были уставлены вдоль стен стеллажами. Огромные рукописные фолианты лежали на верхних полках, куда можно было добраться только с помощью переносных лестниц. Ниже шли бесконечные ряды печатных книг в желтых, черных, коричневых кожаных переплетах. Посредине комнат стояли столы со скамейками по бокам. Но редко когда здесь виднелась склоненная над книгой фигура: студенты предпочитали ограничиваться изучением учебников.

Через несколько дней после вступления в монастырь Фелипе отправился в библиотеку, но оказалось, что ученикам внутренней школы вход туда воспрещен. Став студентом, Бруно в первый же свободный час побежал в библиотеку, но снова его постигло разочарование. Коридор, ведущий к заветной двери, был завален кирпичом, на полу стояли бочки с известью, каменщики стучали молотками. Бруно узнал, что стена здания в этой части осела, появились опасные трещины, и ремонт продлится два-три месяца.

С тех пор Фелипе редкий день не наведывался сюда, но прошло немало недель, прежде чем он с радостью увидел, что работа подходит к концу. И вот, миновав длинный зал с книжными стеллажами вдоль стен, юный студент вошел в центральное помещение библиотеки. Он замер от восторга.

Так вот она наконец, удивительная картина, о которой рассказывал Тиначчо Макерони. От него Бруно знал, что она украсила библиотеку только потому, что

художник был родным братом хранителя библиотеки донна Аннибале Россо и сделал работу как дар монастырю.

На куполе круглого зала художник изобразил северное небо, как оно представлялось древним. Фигуры мифических чудовищ, зверей, героев были нарисованы на голубом фоне нежными тонами, и сквозь них просвечивали звезды.

Опытный взгляд Бруно быстро нашел Колесницу Давида, Полярную звезду, извивавшегося по небу Дракона, грустную Андромеду, вечно ожидающую своего спасителя Персея... Вдоль небесного экватора протянулись созвездия Зодиака: мощный Лев, безобразный Рак, малышки Близнецы, игривый Телец...

Фелипе вздрогнул, почувствовав прикосновение чьей-то руки. На юношу ласково смотрел дон Аннибале Россо.

– Я ждал тебя, Филиппо, – сказал монах.

– Как вы меня узнали, святой отец? – удивился Бруно.

– Это не мудрено, – усмехнулся библиотекарь. – О новии, увлеченном астрономией, мне давно рассказал мессер Паскуа, а каменщики поведали о нетерпеливом юноше, который все спрашивал их о картине неба и готов был подтаскивать кирпичи и раствор, лишь бы поскорее открылась библиотека.

– Но ведь это мог быть кто-нибудь другой!

– К сожалению, людей, любящих нашу царственную науку, не так уж много, – грустно сказал монах.

– Нашу?! – Глаза Бруно загорелись. – Вы сказали нашу науку, святой отец? Верно, вы знаток астрономии! Как я хотел бы изучать ее под вашим руководством!

– Я только скромный любитель, но помогу тебе всем, что в моих силах. У меня неплохой подбор астрономических книг.

Монах положил перед Фелипе каталог и с невинной гордостью начал перечислять сокровища древней науки, хранившиеся на полках:

– Вот «Альмагест» Птолемея – великое творение великого ученого, где собрано все, что древние знали о небе. Вот «Звездный каталог» Гиппарха – плод необыкновенного труда целой жизни. Есть у нас редкостная рукопись Аристарха Самосского «О размерах и расстояниях от Солнца и Луны». Это тоже великий ум!..

Фелипе слушал старого библиотекаря затаив дыхание, а тот все называл книги древних греков, арабов, европейских ученых. Лишь немногие из них сумели приобрести Бруно в неаполитанских книжных лавках.

«Как хорошо, что я вошел в этот монастырь! – радостно думал Бруно. – Все эти труды я прочитаю, изучу...»

А дон Аннибале заговорил о великих классиках древнего мира – о Гомере, Фукидиде, Вергилии, Цицероне...

Неизмеримая бездна знания открылась перед юным Филиппо, и он весь погрузился в нее. Новый покровитель руководил его занятиями.

Дону Аннибале Россо было под шестьдесят, от сидячей жизни он отяжелел, приобрел одышку. Но лучистые синие глаза его светились добротой, пухлые старческие руки любовно перебирали листы старинных книг во время разговора.

Дон Аннибале рассказал Фелипе историю своей жизни.

– Я родился в Козенце, это в нашем же Неаполитанском вице-королевстве, – говорил монах приятным глуховатым голосом. – Нас было двое у отца, небогатого дворянина: брат Сильвестро и я. Но с братом наши пути разошлись рано. Он почувствовал влечение к живописи, уехал в Умбрию и поступил в учение к известному Луке Синьорелли. А я всей душой привязался к Бернгардино Телезио...

– К Телезио?! Этому замечательному гуманисту? – в удивлении перебил Бруно. – Но я же ходил слушать его лекции, когда еще был в пансионе у дяди. Он – выдающийся ученый!

– Да, в тесной дружбе с этим самым Бернгардино прошли мое детство и юность, – улыбнулся дон Аннибале. – Мы вместе посещали городскую школу в

Козенце, вместе поехали в Рим в 1525 году, чтобы там продолжить свое образование. Если бы мы предвидели, чем это кончится! – вздохнул старый монах.

– Вам довелось пережить взятие Рима? – спросил Фелипе.

– Да, мой юный друг, и это было ужасное время. Наемники Карла V во время одной из войн, беспрестанно потрясающих нашу несчастную страну, захватили и страшно опустошили папскую столицу. Это случилось в 1527 году...

– Мой отец тоже был там в это время! – перебил взволнованный Фелипе. – Он защищал город и спасся с большим трудом...

– Значит, мы с ним были товарищами по несчастью в эти ужасные дни. Что там тогда творилось! Немецкие солдаты, жадные до поживы, врываются в дома, пытали граждан, требуя указать, где скрыты ценности. Тысячи и тысячи людей были брошены в тюрьмы и выходили оттуда только после уплаты выкупа. Попали в заключение и мы с Бернардино и томились два месяца, ежечасно ожидая смерти. К счастью, нас выручил влиятельный друг Телезио, мы покинули Рим и удалились в Падую...

Седая голова старика опустилась при этих тяжелых воспоминаниях, и он долго молчал.

– Что же было дальше, падре? – спросил Бруне.

– В пределах Венецианской республики дышалось свободнее. Ведь она была одним из немногих итальянских государств, не поддавшихся испанским завоевателям. В Падуе мы поступили в университет и стали учениками великого Фракасторо.

– Вы учились у самого Фракасторо?! – воскликнул Фелипе.

– Да, я имел эту честь, – с гордостью подтвердил монах. – Джироламо Фракасторо... Какой это был удивительный ученый! Казалось, не было такой отрасли знания, в которой не поработал бы его мощный ум. Географ, естествоиспытатель, геолог, физик... Но наибольшую славу он стяжал как медик и астроном. Это он внушил мне любовь к науке о небе. Фракасторо не был согласен с учением Птолемея и строил свою систему мира, но она слишком сложна, чтобы излагать ее тебе сейчас. Вечера, которые мы втроем – учитель, Бернардино и я – проводили на башне в наблюдении за вечными светилами, никогда не изгладятся из моей памяти.

– Но вы сказали, святой отец, что сер Джироламо был еще и медиком?

– Он был одним из самых выдающихся медиков Италии. Недаром же он последние годы своей жизни служил домашним врачом у его святейшества блаженной памяти Юлия III. Но, конечно, не потому останется бессмертна память о нем. Он написал блестящий труд о заразных болезнях, который, смело могу сказать, никогда не забудется людьми. А все-таки, – задумчиво молвил дон Аннибале, – главная заслуга Фракасторо в том, что весь его неустанный труд был проникнут духом гуманизма. Ты это понял бы, Филиппе, если б знал, как сильна была схоластика в дни нашей юности. О, эта мертвящая схоластика, сухая и лживая наука людей, черпающих знания из ветхих фолиантов, а не из великой книги природы! – Старый монах возвысил голос, его синие глаза загорелись. Потом он как-то сник и тихо сказал: – Я с горечью должен признаться, что, убоявшись житейской суеты, рано ушел в монастырь. Но Фракасторо, мой друг Телезио и многие другие гуманисты в жестокой борьбе пошатнули здание схоластики, хотя у нее еще и теперь множество приверженцев. Бог схоластов – Аристотель, каждое его слово они чтут наравне со словом Библии, спор с Аристотелем считают святотатством, подрывающим религию. А меж тем прочитай, что пишет об Аристотеле Телезио.

Библиотекарь подошел к полкам, достал том в кожаном переплете и открыл на странице, отмеченной закладкой.

– Вот здесь!

Фелипе взял в руки книгу, еще пахнущую типографской краской, и, трепеща от волнения, прочитал:

– «Мне совершенно непонятно, каким образом самые выдающиеся люди, целые народы и даже почти весь род человеческий на протяжении многих веков чтит Аристотеля, так глубоко заблуждавшегося в стольких важных вопросах».

Затем Бруно посмотрел на заглавный лист. Там мелким, но четким почерком было написано:

«Другу Аннибале в память незабвенной юности от автора этого скромного труда».

Книга была напечатана всего два месяца назад.

– Этот труд – прекрасный вклад моего друга в ниспровержение схоластики, – сказал монах. – Но еще до него Телезио воевал со схоластами в созданной им в Неаполе «Академии упорных». Из самого названия академии ты можешь судить о характере борьбы.

– И конечно, она закончилась закрытием академии? – спросил Бруно.

– Ты угадал, сын мой!

– Нетрудно было угадать. Я ведь знаю судьбу академии делла Порта, которую усердно посещал и откуда многое вынес.

Беседы дона Аннибале с жаждающим знаний студентом повторялись почти ежедневно. Книгу Телезио «О природе вещей сообразно их собственным принципам» они прочли от корки до корки с величайшей тщательностью.

Многое дала книга Телезио для гуманистического образования Бруно.

Бернардино Телезио был одним из самых выдающихся гуманистов эпохи Возрождения, и его идеи продолжали развиваться великими философами средневековья – Томасом Кампанеллой, Фрэнсисом Бэконом, Джордано Бруно.

Телезио учил, что природу вещей можно понять, только исследуя ее законы на опыте, а не пробуя создать их умозрительным путем.

Материя не приводится в действие духовными силами, учил Телезио, ее движение происходит от взаимодействия двух основных начал природы – тепла и холода. Под влиянием тепла материя расширяется, от холода – сжимается, и в этом вечном противоборстве протекает жизнь всего сущего.

Конечно, учение Телезио было далеким от истины, но оно отвергло веру в Бога, отрицало признание сверхъестественных сил, управляющих Вселенной.

Телезио не выступал против религии открыто, для вида он даже признавал, что мир сотворен Богом, что душа человека бессмертна... Эти уловки не обманули церковников. Вскоре после выхода книги «О природе вещей» Телезио подвергся гонениям, был вынужден покинуть Неаполь и удалиться на родину в Козенцу, где и окончил жизнь в забвении и бедности.

Учение Телезио оказало огромное влияние на Бруно, и позднее в своих сочинениях он не раз упоминал имя замечательного гуманиста. Но он не воспринял его философию механически и впоследствии расширил и обогатил ее.

«Я изучаю философов и ученых, но смотрю на мир собственными глазами», – гордо заявил Бруно в одном из своих сочинений много лет спустя.

Фелипе по целым дням пропадал в библиотеке, и место студента Бруно в аудитории чаще всего оставалось пустым.

Другие студенты тоже пропускали занятия, но делали это с большой ловкостью и, прогуляв одну лекцию, старались на следующей как можно чаще попадаться на глаза преподавателю. Прямодушный Бруно не шел на такие хитрости, и о его поведении было доложено ректору.

Аббат Паскуа вызвал нерадивого студента.

– Ты перестал посещать лекции. Чем это вызвано, сын мой?

Фелипе откровенно объяснил причину. Аббат заговорил сурово:

– Мы не для того платим профессорам жалованье, чтобы они выступали перед пустыми скамьями. Первейшая обязанность студента – изучать творения святых отцов церкви, в них корень всех знаний. Если ты не будешь аккуратно посещать занятия, я исключу тебя из университета.

Бруно снова стал прилежно посещать лекции, но частенько во время занятий украдкой читал книгу, выданную ему добряком Россо.

Многое из того, что говорилось в книгах, следовало проверить. Бруно вспомнил вечера, которые проводил на крыше дома Фазуччи сначала один, а потом с Ревеккой, и возобновил астрономические наблюдения. В них принял участие и дон Аннибале.

Главный купол собора Сан-Доминико окружала широкая галерея, с которой удобно было наблюдать звезды. Но крутая винтовая лестница, ведущая туда, насчитывала двести четырнадцать ступенек. Бруно совершенно измучился, таща наверх тучного отца библиотекаря. В следующий вечер он сказал:

– Святой отец, следить за движением звезд и планет приятно и поучительно, но тяжек труд поднимать вас на высоту. У меня есть друг Сальваторо Ронка, ученик внутренней школы. Он гораздо сильнее меня и охотно поможет вам подыматься. Разрешите привести его сюда.

Так Сальваторо получил доступ в обсерваторию, а потом и в библиотеку.

– Тебе это не разрешается, – сказал монах, – но нет правила без исключения, а посему, сын мой, ты будешь помогать мне в составлении каталогов, а я испрошу для тебя у мессера приора освобождение от церковных служб.

Сальваторо усердно принялся за новое дело.

Бруно рассказал дону Аннибале о выговоре за пропуск лекций, и библиотекарь признал, что мессер Паскуа прав.

– Ты избрал астрономию целью своей жизни, – сказал монах, – и это очень хорошо. Но астроном должен знать и другие науки. Ему нужно быть сильным богословом, чтобы примирить астрономию с религией, а это не всегда просто.

Бруно пришлось изучать сочинения схоластов, и в первую очередь Аристотеля. Впрочем, в книгах древнего философа нашлось так много ценного, что Фелипе понял, почему слава Аристотеля держалась многие века.

В монастырской библиотеке были собраны книги на многих языках, начиная от древнееврейского, греческого, латинского, славянского и кончая арабским и современными языками. Дон Аннибале посоветовал Бруно изучить древнееврейский язык, и прилежный юноша последовал этому совету: при его превосходной памяти языки давались ему легко. С помощью профессора древнееврейского языка, дона Джисмондо Бандинелло, дело пошло быстро. Через несколько месяцев Бруно читал по-еврейски.

Одна из зал библиотеки особенно привлекала Бруно, на ее двери висела табличка с надписью: «Libri prohibitioni». Комната всегда была закрыта, и ключ от замка висел на поясе у дона Аннибале. Когда Фелипе вошел в полное доверие к библиотекарю, тот открыл ему тайну, известную немногим. Стеллажи стояли на некотором расстоянии от стен, чтобы книги не портились от сырости. Вдоль всего огромного помещения библиотеки шел сквозной проход за стеллажами, и проникнуть в него можно было через маленькую потайную дверку в стене центральной залы.

– Только смотри не подведи старика, – сказал дон Аннибале.

– Будьте спокойны, святой отец! – обещал Бруно.

С тех пор Фелипе частенько заглядывал в запретную залу. Он нашел там многочисленные экземпляры Библии, изданные в разное время и на разных языках. Когда юноша стал читать Библию, он понял причину ее запрещения. Фелипе обнаружил в Библии такое множество вопиющих нелепостей и противоречий, Бог там изображается в таком непривлекательном виде, что даже

глубоко верующего человека после прочтения Библии охватывают сомнения. Многие страницы Библии Бруно читал с отвращением.

Вот один из примеров, рисующих жестокость Иеговы. Небольшое племя жителей пустыни не хотело пропустить через свою землю буйные полчища евреев, когда те шли из Египта в Палестину. Дело как-то уладилось. Но мстительный Бог вспомнил об этом случае через пятьсот лет и приказал одному из иудейских вождей напасть на потомков этого племени и истребить их всех – вплоть до грудных младенцев!

Но Иегова, отец «кроткого» Иисуса, справлялся так беспощадно не только с врагами иудеев. Он и самих их, свой «избранный» народ, наказывал за каждый мелкий проступок с неумолимой свирепостью. За невинное любопытство, с которым евреи пытались поглазеть на «Ковчег завета» – свод законов, заключенный в ящик из дорогого дерева, Господь поразил смертью пятьдесят тысяч человек.

А сколько всевозможных гадостей и преступлений совершали библейские цари и пророки, среди которых были и предки Христа и которых писание приказывает чтить как святых!

Закрыв последнюю страницу огромного тома, Бруно понял, почему католические вероучители запрещали мирянам читать Библию и издавали для них пересказы, где места, вызывающие возмущение, смягчались, а порой и вовсе выбрасывались. Стало ему понятно и то, почему отцы церкви – блаженный Августин, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и многие другие исписали сотни толстых томов, пытаясь затушевать или хоть как-нибудь объяснить все это нагромождение лжи и скверны, именуемое Библией.

Глава пятая

Первый бунт

В запретной зале Фелипе нашел сочинения протестантских вероучителей: Уиклифа, Гуса, Лютера, Меланхтона, Кальвина...

Борьба с Реформацией (так называлось широкое общественное движение против католицизма) уже около двух столетий составляла главную заботу католической церкви. Учения виднейших реформаторов привлекали миллионы последователей. Англия отвергла духовную власть папы, и английский король объявил себя главой англиканской церкви. В Чехии прогремели гуситские войны – великое народное движение против немецкого дворянства и католического духовенства. Большая часть Германии исповедовала учение Лютера...

Фелипе не имел секретов от дяди. Во время одной из бесед с ним он похвалился, что прочитал «Наставление в христианской вере» Кальвина.

– Это замечательный труд, дядя! – с пылающими щеками сказал Бруно. – Как все ясно изложено, как смело автор разрушает основы католической религии! Много вечеров, таясь от всех, просидел я за этой книгой...

– Ты мог прочитать ее раньше, – улыбнувшись, сказал сер Джакомо. – Иди со мной!

Он провел племянника в дом и в одной из стен своего кабинета отодвинул дверцу шкафа, о существовании которого не подозревал Фелипе. Саволино достал оттуда толстый томик в кожаном переплете.

– Этот?

– Такой же! – радостно воскликнул юноша и прочитал заглавие книги: – «*Institutio religionis christianae*». Дядя, почему ты не говорил, что у тебя есть запретные книги?

– Не было случая. Но недаром я дружу с книгопродавцами. Скажи, чему научил тебя Кальвин?

– Знаешь, дядя, он называет идолопоклонством почитание икон, статуй, мощей. И вот меня неотвязно мучит мысль порвать с этим нелепым пережитком старины.

– Как, ты хочешь объявить себя иконоборцем? – в испуге воскликнул Саволино. – Это грозит тебе опасностью!

Он долго уговаривал племянника смириться перед силой церкви и затаить свое неверие.

– Мы с Вастой потеряли нашу дочь, – сказал он с грустью, – а если потеряем и тебя, нам этого не пережить.

Фелипе ушел не убежденный.

Для юного послушника наступило время тяжелых раздумий.

«Язычники почитают идолов, – размышлял Фелипе, ворочаясь ночью на жесткой постели. – Но чем отличается статуя Христа или святого Доминико от деревянного, грубо раскрашенного африканского божка, украшенного ожерельем из человеческих зубов? Только искусством великого мастера!»

И Бруно подумал: а что, если убрать иконы из кельи?

Когда такая дерзкая мысль появилась у Фелипе, по спине юноши пробежал холодок. Выбросить иконы? Это означало навлечь на себя тяжелое обвинение в ереси и предание суду. Но и делать вид, что он почитает иконы, Бруно был не в силах.

В течение нескольких дней Бруно вынес иконы одну за другой и повесил в капелле, находившейся в этом же корпусе. Он оставил только распятие и сделал это потому, что у его матери было точь-в-точь такое же, которое она очень чтит.

Отец циркатор, который наблюдал за студентами, как те выполняют монастырский устав, в последнее время редко заглядывал к Фелипе, – тот был у него на хорошем счету. Но в одно злосчастное утро, войдя для порядка в каморку Бруно, отец циркатор остолбенел: передний угол был совершенно пуст, иконы исчезли, и только сиротливо висело распятие!

Не веря глазам, монах вошел в келью, пощупал стены – пусто! Первой его мыслью было, что келью хотят белить и иконы сняты по распоряжению ключаря. Циркатор побежал разыскивать отца ключаря. Когда оказалось, что тот ничего не знает, оба монаха поспешили в келью Бруно. Да, икон не было. Почтенные отцы рысью помчались к приору. Тот в это время завтракал.

– Мессер, происшествие! Мессер, кража! – кричали монахи, перебивая друг друга.

Им и в голову не пришло, что Бруно сам мог убрать иконы.

Порчелли, оставив недоеденной курицу, отправился в учебный корпус. В келье Бруно икон не было.

– Что вы думаете об этом, отцы? – спросил дон Марио.

– Я полагаю, что кража совершена сегодня после того, как студент Бруно ушел на занятия, – сказал отец циркатор. – Еще вчера вечером иконы были на месте.

Блюстителю порядка соврал, но ему не хотелось, чтобы его обвинили в небрежном отношении к своим обязанностям.

– А я думаю, что отец циркатор не слишком близок к истине, – съязвил ключарь. – Мне известно, что отец циркатор нерегулярно обходит кельи, и кража могла случиться раньше.

– Но почему же студент Бруно не заявил о пропаже? – огрызнулся циркатор.

– Иконы украли студенты, чтобы продать в городе. А Бруно не хочет товарищей выдавать.

Это объяснение придавало событию другой оборот, и монахи начали судить и гадать, успели ли ночные гуляки вынести похищенное в город. Циркатор упорно доказывал, что кража случилась в это утро и что иконы лежат припрятанные в

ожидании вечера. Приор не решился идти к аббату с докладом о происшествии. Он знал, что мессер Паскуа обвинит его по этому случаю во всех семи смертных грехах и пошлет на него донос в Рим, как, впрочем, поступал и сам дон Марио при всяком удобном случае.

Приор, ключарь и циркатор призвали надзирателей из внутренней школы и принялись обыскивать кельи студентов и ученические дортуары.

Хотя они старались держать все втайне, но это оказалось невозможным, и вскоре монастырь гудел, как растревоженный улей.

Поползли самые нелепые слухи. Одни говорили, что ограблен птичник и воры унесли оттуда сотню жирных гусей и уток. Другие утверждали, что из винного погреба похищено триста бутылок редкостных старых вин. Третьи шли еще дальше и уверяли, что взломана скарбница собора Сан-Доминико и оттуда унесены золотые сосуды, рубины, алмазы...

И так как обитатели монастыря были далеко не безгрешны и у многих в кельях и квартирах хранилось то, что по уставу хранить не подобает, то они бросились прятать запретные вещи.

Кто бежал в виноградник, надеясь укрыть свое добро в земле среди лоз, кто разрывал навоз в конюшне, кто просто подбрасывал опасные улики в капеллы и трапезные, пустовавшие в это время дня. Дело осложнялось тем, что порчеллисты боялись паскуалистов, а паскуалисты – порчеллистов. Пробираясь к тайнику, каждый боялся, что за ним подсматривает враг.

Открывались самые неожиданные вещи. Благочестивого отца Пиффери, видного сторонника аббата, порчеллисты поймали с огромным кувшином вина, который он нес из кельи под мантией. Оказалось, что кувшин хранился в углублении, искусно выдолбленном в стене и прикрытом дощечкой, выкрашенной под цвет стены. И если бы не страх, погнавший святого отца, этот тайник не был бы обнаружен до конца его дней.

Всеми уважаемый церковный регент с перепугу выбросил из окна две студенческие кольчуги, и они были конфискованы, к большому ущербу для укрывателя. В капелле святого Стефано нашли под скамейками добрую дюжину кинжалов...

Наконец шум дошел до аббата, и он вызвал зачинщиков переполоха. Приор начал сбивчивые объяснения. Как он и ожидал, аббат обрушил на него неистовый гнев. Исчерпав весь запас ядовитых слов, Паскуа немного поостыл и спросил:

– А вы говорили с Филиппо Бруно?

– О чем с ним говорить, он же пострадавший, – возразил приор.

– Пострадавший?! Я, к великому моему сожалению, должен в тысячный раз заметить вам, отец приор, что вы совсем не знаете тех, кого призваны опекать, хотя и расточаете перед ними соблазны. Студента Бруно надо расспросить, и он не скроет истину, если она ему известна.

Через несколько минут Бруно появился перед монастырскими сановниками и правдиво рассказал о том, что произошло. Как ни пугала монахов мысль, что церковные ценности могли быть украдены и проданы в городе, но истина оказалась для них страшнее.

В монастыре Сан-Доминико Маджоре, этом оплоте истинного благочестия и веры, нашелся человек, отрицающий святость икон!

Аббат и приор на время забыли о своей вражде: дело оказалось настолько серьезным, что грозило обоим плачевными последствиями. По приказу мессера Паскуа отец циркатор отвел Бруно в темный карцер, где тот должен был сидеть без пищи и воды до разбора дела.

– Ну, что теперь скажете, отцы? – спросил аббат.

На лицах приора и ключаря появился ужас.

– В наш монастырь проникла лютерская ересь! – провозгласил приор.

– Надо найти единомышленников Бруно и всем им вынести жестокий приговор! – подхватил ключарь.

– Вот, вот, – насмешливо подтвердил настоятель. – Придадим делу широкую огласку, пусть оно докатится в Рим до монсеньера прокуратора, чтобы он сам явился расследовать дело.

Ключарь схватился за голову:

– Я преклоняюсь перед мудростью мессера аббата!

– Шум вокруг этого события поднят напрасно, – сказал аббат. – Надо было сразу привести ко мне Бруно, и я все бы уладил. Мальчик горяч и честен, у него появляются необдуманные порывы, но его таланты предвещают ему великую будущность. И я напому важное обстоятельство, о котором вы забыли. По вашему донесению, Бруно оставил в келье распятие: это значительно уменьшает его вину.

Монахи угодливо закивали головами.

– Боюсь, что придется разбирать дело на капитуле, вот к чему привело ваше неуместное усердие! Поручаю вам подготовить братию так, чтобы наказать виновного не слишком строго. А иконы вернуть в келью Бруно!

– Слушаем, мессер!

Филиппо Бруно предстал перед судом капитула. После непродолжительного обсуждения постановили: послушник Бруно должен соблюдать строгий пост в течение месяца и ежедневно класть по триста земных поклонов.

Идя из зала заседаний, ключарь шепнул приору:

– Дешево отделался богохульник!

– Воля мессера аббата! – пожал плечами приор.

Пораздумав, он не стал писать доноса на Паскуа, хотя Бруно и был любимцем настоятеля. Разбирательство повлекло бы неприятные последствия для ключаря и циркатора, а оба они были порчеллистами. Но дон Марио постарался не забыть происшествие, чтобы при случае воспользоваться им против соперника.

Сальваторо горько упрекал Бруно.

– Ах, Липпо, Липпо, почему ты не посоветовался со мной, когда задумал этот безумный поступок?

– Ты стал бы меня отговаривать, – ответил Фелипе. – А я не мог больше терпеть иконы в келье.

– Но их все равно повесили! Не станешь же ты выносить их второй раз?

– Теперь не стану. За это меня выгонят из монастыря, а то и засадят в подземную тюрьму. Ни того, ни другого я не хочу. Иконы у меня висят, но все знают, как я к ним отношусь.

Среди студентов репутация Бруно поднялась необычайно высоко. Их потрясла смелость Фелипе, восставшего против церкви. В первый раз, когда Бруно появился в аудитории после суда, его окружила толпа товарищей. Общее мнение выразил Тиначчо Макерони:

– Ну, петушок, ты храбрец, каких мало найдется в Италии! И хотя я тебя постоянно защищал, но ребята думали, что ты не ходишь по ночам в город из боязни наказания. А ты вон какой!

И он крепко обнял Бруно при общем гуле одобрения.

Глава шестая

Монах

Пришел к концу послушнический искус Филиппо Бруно, и 16 июня 1566 года должно было состояться его пострижение в монахи. К этому же дню монастырское начальство приурочило пострижение Сальваторо Ронка, которое неоднократно откладывалось.

За последний год Ронка сильно вырос и возмужал. Он стал намного выше Фелипе и сделался так силен, что в шуточной борьбе с товарищами одолевал двух

и трех противников. Любители запретных развлечений не раз приглашали Сальваторо в город, но тот всегда отказывался: ему противны были развлечения ночных гуляк.

Собор Сан-Доминико был полон народа. Справа от входа стройными рядами стояли монахи в белых рясах с непокрытыми головами, слева толпились горожане. В подсвечниках и паникадилах горели тысячи свечей, густой дым ладана поднимался к куполу, пронизываемый солнечными лучами. Священники в парадных ризах с накинутыми поверх короткими белыми кружевными пелеринами двигались чинно, величаво.

Окончилась торжественная месса, во время которой Бруно и Ронка в последний раз исполняли обязанности причетников. Каждого из постригаемых два священника вывели под руки на средину храма. В толпе молящихся началось шушуканье:

– Смотрите, тот бледный какой молоденький!

– А какой он красивый и грустный!

– Монна Барбара, а ведь это тот самый...

– Кто?

– У которого застрелили невесту после праздника Сан-Дженнаро. Помните, в позапрошлом году осенью?

– Он, он! Не мудрено, что бедняжка пошел в монахи!

– А второй-то, рыжий, как доволен!

– Этот, видно, из простых, ему монашеская доля – находка!

Молодые люди, стоя на коленях на каменном полу церкви, отвечали на вопросы настоятеля, произносимые громким голосом:

– Обещаете ли следовать заветам Христа, пострадавшего за грехи людей?

– Обещаю, святой отец, – отвечали в один голос Бруно и Ронка.

– Обещаете ли всегда и всюду выполнять уставы нашего святого ордена?

– Обещаю...

Были также произнесены обеты безбрачия, беспрекословного повиновения старшим, повседневного умерщвления плоти...

Верующие вздыхали, слушая суровые вопросы аббата Паскуа.

Принятым в монахи выстригли волосы на макушке головы (откуда и самый обряд назывался пострижением), облекли в белые рясы и нарекли новые имена. Считалось, что, вступая в монашество, человек настолько порывает с прошлым, что должен отказаться от прежнего имени. Филиппо Бруно получил имя Джордано, Сальваторо Ронка стал называться Алессо.

Когда друзья вышли из церкви, Ронка в восторге воскликнул:

– Брат Алессо?! Подумать только, в нашем роду рыбаков появился монах! Теперь уж заполучу место клирика! Не уйдет от меня желанное! А тебе вот что скажу, брат Джордано! Твое новое имя наверняка прославится, так ты вспомни тогда, что я произнес его вторым после аббата!..

На церковном дворе к Джордано подошел Хиль Ромеро и холодно поздравил его с посвящением в монашеский сан. После короткой встречи с испанцем у монастырских ворот Бруно не виделся с ним: Ромеро на несколько месяцев уезжал из монастыря по какому-то поручению.

Когда Хиль отошел, Ронка сказал, глядя ему вслед:

– Послушай, Джордано (надо же привыкать к нашим новым именам!), этот одноглазый испанец – твой враг!

– Мой враг? – удивился Бруно. – Ты ошибаешься, Алессо! Когда-то между нами было мальчишеское соперничество, но это осталось в прошлом, и все забыто.

И однако, простодушный Алессо отгадал истину. Детская полузабытая вражда воскресла в душе Ромеро, но теперь для нее нашлись новые причины.

Отец Луиса умер вскоре после возвращения в Испанию. Вслед за ним в могилу последовала мать. Тринадцатилетний Луис промышлял мелким воровством на рынках Саламанки, пока его не подобрал патер из иезуитской школы.

Луиса Ромеро приняли в число воспитанников. Он не блистал успехами в науках, но усердно доносил на товарищей и потому пользовался расположением отцов иезуитов. Прошли положенные сроки, и Луис решил принять монашество. Его злобный нрав, беспринципность и изворотливость давно были известны высшему начальству, и Ромеро вызвали к прокуратору.

Прокуратор иезуитского ордена не тратил слов.

– Сын мой, ты должен вступить в орден доминиканцев! Не удивляйся. Мне ведомо, что душой ты – иезуит, но так нужно. Мы должны знать, что делается у доминиканцев. Их орден старый, процветающий, а общество святого Иисуса существует немногим более двух десятилетий. Борьба с доминиканцами нелегка, но ты знаешь девиз нашего ордена: «Цель оправдывает средства». Доминиканцы погрязли в пороках и роскоши, они не могут служить великому делу защиты церкви, и мы должны сменить их на посту. Тебе все ясно, сын мой?

– Слушаю и повинуюсь, святой отец!

Луис постригся в одном из доминиканских монастырей в Испании под именем брата Хиля. А когда дону Марио Порчелли понадобился деятельный помощник, в Сан-Доминико Маджоре появился Хиль Ромеро.

Иезуиту Порчелли по нраву пришелся хитрый и злобный испанец, умевший, как никто, выслеживать паскуалистов и доносить о них начальству. Аббату, против желания, приходилось наказывать своих сторонников.

Мессер Паскуа возненавидел Хиля и старался от него избавиться, но у того была крепкая защита в лице приора.

Вернувшись из длительной поездки по иезуитским делам, Ромеро неожиданно встретил в монастыре Филиппо Бруно. Хиль нашел бывшего соперника успевающим студентом, любимцем аббата, будущим светилом науки. А что может противопоставить блестящим качествам Фелипе он, Ромеро? Простой монах, с некрасивым, длинным и узким, тронутым оспой лицом, с одним глазом, глубоко сидящим под густой бровью, и другим, навечно скрытым под черной повязкой, с неловкими манерами, едва умеющий читать по-латыни и с трудом подписывающий свое имя?..

Старая вражда припомнилась, а новую пищу ей дал приор. Во время тайной аудиенции он спросил Ромеро:

– Сын мой, ты, кажется, не очень любишь этого изящного студентика Бруно?

– У меня нет причин любить его, мессер! Ему я обязан всеми несчастьями в моей жизни.

Ромеро рассказал о своем соперничестве с Бруно, которое закончилось нападением на Джузеппе Висконти и потерей глаза.

Приор удовлетворенно кивал головой:

– Так, так, сын мой, все это очень хорошо, то есть, я хотел сказать, плохо. Ну что же, мы с тобой питаем одинаковые чувства к Бруно. Он оскорбил меня в первые же недели после появления в монастыре, отказавшись стать в ряды моих сторонников.

– Смею ли я спросить, мессер, какая у вас была надобность привлекать Бруно?

Приор ответил не задумываясь:

– Бруно одарен высокими талантами, вот почему я хотел видеть его порчеллистом. Но если этого не случилось, то не должно и допустить, чтобы мессер Паскуа сделал из него в будущем светило церкви.

– Я понимаю вас, святой отец, – прошептал Ромеро, – и приложу все усилия, чтобы Бруно не пошел по этому пути...

– И если ты этого добьешься, сын мой, награда твоя будет велика, – закончил разговор дон Марио.

Глава седьмая

«Семь радостей богоматери»

После разговора с приором Хиль Ромеро стал искать средство очернить Джордано. Проще всего было донести, что он нарушает монастырский устав. Ромеро с неослабной энергией шпионил за Бруно, но не мог обнаружить ничего предосудительного. Бруно не ходил по ночам в город, посещал церковные службы в положенное время, не носил оружия, беспрекословно выполнял приказания старших.

Хиль Ромеро не получил образования, но был умен и проницателен. История с иконами произошла в его отсутствие, но Хиль знал о ней от дона Марио и понимал, что поступок Бруно навеян знакомством с сочинениями протестантских вероучителей. Вот бы поймать ноланца за чтением еретических книг!

Запретная литература хранилась в библиотеке, и следовало произвести там разведку. Выбрав время, когда Бруно был на лекции, Хиль явился к дону Аннибале. Зал был пуст, читатели, как всегда, отсутствовали.

Поприветствовав старого монаха по уставу, Ромеро заговорил:

– Святой отец, мою душу волнуют сомнения.

– Какие сомнения, сын мой?

– Все говорят, что сочинения Лютера, Кальвина и других лжеучителей необычайно убедительны. А я этому не верю.

– И благо тебе, чадо!

– Но, отец, я бы хотел на деле доказать свою правоту. Дайте мне тезисы Мартина Лютера, и я берусь написать да них опровержение здесь же, за столом!

– О, в нашем монастыре, оказывается, есть искусный богослов, а я о нем ничего не знал. Как тебя зовут, сын мой?

– Смирный брат Хиль Ромеро.

– Что же, брат Хиль, твое желание выполнить весьма легко...

Ромеро задрожал от радости. Сейчас он уличит дону Аннибале в небрежном хранении запретных книг, а тогда можно добраться и до его любимца Джордано.

– Весьма легко, я говорю, – тонко улыбаясь, продолжал монах. – Принеси разрешение отца настоятеля, и ты получишь любую книгу из запретного зала, будь она трижды еретическая.

Длинное лицо Хили налилось кровью, он понял, что ему не удастся провести дону Аннибале. Он сделал последнюю попытку:

– И вы никому не даете запрещенных книг без записки?

– Никому, сын мой, – благодушно ответил монах, – никому, кроме (Хиль навострил уши)... кроме отца настоятеля и отца приора.

Посрамленный Хиль ушел, бормоча:

– Ладно, старый хитрец! Я и тебя и Бруно выведу на чистую воду.

Однако в библиотеке он больше не появлялся.

Ничего не зная о взаимоотношениях Ромеро и Бруно, дон Аннибале не рассказал Джордано о посещении испанца. Старый монах думал, что Ромеро с его неуклюжими уловками подослан кем-нибудь из желающих занять спокойную должность библиотекаря – предмет зависти многих.

Хиль стал следить за тем, какие книги носит при себе Джордано и какие оставляет в келье. Однако Бруно всегда был осторожен с запрещенной литературой. Если он и выносил иногда из запретного хранилища книгу, то прятал ее в общей зале: попробуй найти среди тысячи томов!

Но однажды он увидел книгу неизвестного неаполитанского автора «Благоденствия Христа». Эта книга, носившая явные черты протестантского вероучения, была широко известна и переиздавалась много раз. Печатали ее венецианские типографы, пользовавшиеся большей свободой, чем издатели других государств Италии. Из Венеции она тайно распространялась повсюду.

Бруно давно слышал об этом труде и обрадовался, заполучив его. Молодой монах углубился в чтение. Но уже темнело, и Джордано, спрятав под рясой книгу, унес ее в келью.

Там при тусклом свете свечи он перелистывал страницу за страницей, впитывая смелые мысли автора, опровергавшего догматы католической церкви. Только когда забрезжил рассвет, Бруно заснул, спрятав книжку под матрац.

Джордано проснулся поздно. Надо было спешить на занятия, и не хватило времени вернуть книгу в библиотеку. Студент побежал в аудиторию, даже не позавтракав. Через некоторое время в коридоре появился Хиль Ромеро. Испанец ночью не раз прокрадывался к келье Джордано. Видя свет в окошке над дверью, он со злобным торжеством думал, что, уж наверное, Джордано читает не Фому Аквинского.

Выждав с полчаса после ухода Бруно, Хиль Ромеро открыл дверь и вошел в келью. Найдя под матрацем книгу и прочитав ее заглавие, Ромеро пришел в восторг. Вот когда любимчик аббата в его руках! Хиль Ромеро не был силен в богословской литературе, но индекс запрещенных римской курией книг знал назубок.

«Наконец-то карьера красавчика Джордано погибла!.. Цепи на руках и ногах, сырой подвал с крысами, вот что ждет любимца мессера Паскуа...»

Но как поступить? Взять книжку и поспешить к мессеру Порчелли? А как доказать, что преступное сочинение найдено именно в келье Бруно? Тот, конечно, отопрется, а библиотекарь его не выдаст.

Нет, он, Ромеро, устроит дело так, что Бруно не сможет отвертеться. Неподалеку от кельи Бруно находилась кладовая, где хранилось кое-какое хозяйственное имущество, были там и висячие замки. Хиль сбегал туда, притащил замок и навесил его на дверь каморки Джордано. Торжествуя улыбаясь, он положил ключ в карман.

Хиль Ромеро постучался в келью мессера Порчелли. Ромеро так волновался, что стук получился недостаточно тихим, не по уставу. На пороге показался недовольный служка.

– Что ты колотишь, точно Христа второй раз распяли?

– Мне нужно немедленно видеть отца приора, – задыхаясь, ответил монах.

– Вишь, какой скорый! У мессера серьезный разговор с аббатом Америго Гусманом.

– Ради святого Доминико, вызовите мессера, почтенный брат! Я уличил одного монаха в лютерской ереси, и дело не терпит отлагательства!

Отказать в такой просьбе служка не решился, и через десять минут приор появился в приемной. Выслушав сообщение Ромеро, дон Марио просиял: вот когда он нанесет удар аббату.

– Хорошо, – сказал он. – Пусть сюда вызовут брата Джордано, а ты, сын мой, следи, чтобы он не сумел припрятать улику. Я же, когда с божьей помощью закончу важное совещание с отцом Гусманом, займусь этим делом.

На самом деле важное совещание заключалось в том, что святые отцы пировали, сидя за столом, уставленным дичью, рыбой, фруктами и флягами с вином.

Служка поспешил в аудиторию, Хиль остался в приемной.

А Бруно заволновался уже на первой лекции. Он сидел как на иголках, и едва профессор сказал заключительную фразу, как Джордано быстро направился к себе. Худшие его опасения оправдались: на двери висел большой замок.

«Меня выследили, – догадался юноша. – Келья закрыта, значит, будет обыск. Мне поможет только Алессо!..»

Бруно помчался в библиотеку: он встретил друга у ее дверей. Джордано в немногих словах рассказал о случившемся.

– Я постараюсь что-нибудь придумать, – заверил Ронка. – А ты возвращайся на лекцию.

К началу второй лекции Бруно был в аудитории. И вовремя, так как за ним явился посланный дона Марио.

Войдя в приемную приора, Джордано увидел Хиля, и тот встретил его злобным взглядом единственного глаза. Бруно понял, что на него донес испанец. Успеет ли Алессо скрыть улику?

Ронка задумался у запертой двери. Что сделать? Сорвать замок – пустое дело, этим только повредишь Бруно. Пролезть бы в круглое окошко над дверью, но разве возможно это при его богатырских формах?.. Нашел! Ученик Нино, вот кто поможет!

Алессо помчался во внутреннюю школу. Ему удалось поймать Нино по пути в капеллу, он подхватил и увлек его за собой.

Мальчишка был тонок и гибок, как вьюн, ему ничего не стоило проскользнуть сквозь отверстие. Но можно ли просто унести криминальную книгу? Это тоже вызовет подозрение. Надо заменить ее другой, самой что ни на есть благонамеренной. И тут Алессо вспомнил, что товарищи дали ему читать богословский труд «Семь радостей Богоматери». Они со смехом называли этот труд глупым, но весьма благочестивым, рекомендуемым для чтения всем христианам. Забежать к себе в келью и взять книжку было делом одной минуты.

Наступил самый опасный момент смелой затеи. Поднятый Алессо мальчик проскользнул в «глазок» и положил новую книгу точь-в-точь, как лежала та, другая. Кстати, обе книги были в одинаковых переплетах и имели один и тот же формат. Выбраться обратно мальчугану помешал малый рост. Нино не мог дотянуться до окна. Алессо чертыхнулся, но быстро нашел выход. Сняв рясу, он протолкнул ее в отверстие, школьник ухватился за рукав и через мгновение стоял на полу коридора.

Дружески щелкнув его по лбу, Алессо прошептал:

– Теперь в капеллу, и ни слова о том, где ты был!

Мальчишка скорчил обиженную гримасу, он был первый шалун в школе и никогда не выдавал товарищей.

Алессо поспешил в библиотеку.

– Святой отец, чуть не случилась беда, но нам помог святой Доминико. Эту книгу надо немедленно поставить на место.

Старому монаху не нужно было объяснять. Алессо благоразумно исчез из библиотеки.

Все было проделано вовремя. У кельи Джордано появились аббат, приор, приглашенный ради важности случая монастырский инквизитор, Хиль Ромеро, предвкушавший награду, и смущенный Джордано Бруно.

Хиль Ромеро с низким поклоном протянул ключ аббату:

– Вам, досточтимый мессер, надлежит честь изобличить вероотступника.

– Нет уж, открывай сам, – брезгливо возразил мессер Паскуа.

Он прекрасно понимал, что не в Бруно тут дело. Если удастся обвинить его студента в чтении еретической книги, это прежде всего повлияет на репутацию его, Паскуа.

«Проклятая лисица!» – думал аббат, с ненавистью глядя на испанца.

Дверь отворилась. Хиль Ромеро бросился вперед, схватил книгу, и... изумление, нет больше – отчаяние отразилось на его лице.

– Мессеры! – диким голосом завопил он, взглянув на заглавие. – Это не та книга!

Зоркий Бруно узнал «Семь радостей», и блаженное успокоение охватило его душу. Друг Алессо помог!

– Как – не та книга?! Что все это значит? Почему со мной обращаются как с преступником? – тоном оскорбленной невинности спросил Бруно.

– Мессеры! Клянусь, брат Джордано читал богопротивную книгу «Благоденствия Христа»!

– Брат Хиль забыл, что Господь карает за ложные клятвы, – внушительно возразил Бруно.

Ромеро совсем потерял голову.

– Но он читал эту книгу целую ночь! Я не раз подходил к его келье, и у него все время горела свеча!

В разговор вмешался аббат. Он догадался, что здесь дело нечисто, но, раз концы спрятаны в воду, его это ничуть не беспокоило. Теперь он может вступить за Бруно и как следует проучить не только попавшего впросак шпиона, но и его высокого покровителя.

Паскуа сухо спросил:

– Неужели христианину нельзя увлечься благочестивой книгой настолько, чтобы забыть о времени?

Никто не осмелился на это возразить.

Аббат продолжал:

– На каком основании, брат Хиль, ты утверждаешь, что книга была еретическая, и где мог достать ее брат Джордано?

– На ней библиотечное клеймо, и я сам читал ее заглавие.

– Брат Хиль не слишком силен в латыни, – ехидно заметил Бруно.

Расследователи отправились в библиотеку. Дон Аннибале Россо с негодованием отверг предположение, что какое-нибудь запретное сочинение могло оказаться в студенческой келье без разрешения мессера аббата или мессера приора.

Аббат сурово произнес приговор:

– Брат Хиль понесет наказание за злонамеренную клевету. Он будет стоять посреди обеденного зала в продолжение тридцати трапез босой, на коленях, опоясанный веревкой, и читать братии жития святых на латинском языке. Я надеюсь, что эта кроткая отеческая мера поможет брату Хилю лучше усвоить латынь. – После маленькой паузы аббат добавил: – Отцу приору поручается лично следить за точным исполнением этой епитимьи.

Дон Марио огромным усилием воли сдержался, чтобы не нагрубить при всех аббату: это было бы непростительным проступком и дало бы Паскуа лишний козырь в игре. Хиль же побагровел так, что, казалось, кожа на его худых щеках лопнет от прилива крови. Трудно было придумать более постыдное и тяжкое наказание для малограмотного монаха.

Тридцать дней! Тридцать часов мучительного унижения!

Невозможно было без сожаления смотреть на пылающего стыдом Хиля Ромеро, когда он в позорной одежде стоял на коленях в трапезной и, с великим трудом одолевая мудреные латинские обороты, брел через житие Марии Египетской или Симеона Столпника...

Паскуалисты, исподтишка ухмыляясь, посматривали на гордого приора, который с песочными часами в руках следил за временем.

Чтобы не заводить дело чересчур далеко, аббат снял епитимью через неделю. Но все равно неудачу с «Семью радостями Богоматери» приор и его верный

помощник приняли как серьезное поражение в борьбе с аббатом, и их ненависть к Джордано возросла чрезвычайно. Испанец готов был даже на убийство, но иезуиты редко шли на прямое преступление, если грозило разоблачение.

Приор услав Ромеро в Испанию, и одноглазый монах снова надолго исчез из Сан-Доминико Маджоре.

В середине ноября Джордано посетил домик Саволино и узнал грустную новость. Джузеппе Цампи, оторванный от привычного дела, зачах, как растение, пересаженное в чужую почву, и тихо скончался. Бруно опечалился: он очень любил добродушного старика.

Глава восьмая

Иезуиты

Прибыв в Испанию, Ромеро отправился в Мадрид, к прокуратору ордена иезуитов. Сухощавый монах со строгим лицом и манерами воина принял Хилья в скромно обставленной келье, единственным украшением которой было огромное распятие из слоновой кости. Хилья вручил ему большой пакет, запечатанный пятью сургучными печатями, который он во время путешествия хранил как зеницу ока. Там были донесения донна Марио Порчелли и других итальянских агентов иезуитского ордена. Прокуратор долго просматривал бумаги, взглядывая по временам на Ромеро. Наконец он приказал:

– Рассказывай, сын мой!

Прокуратор внимательно выслушал доклад Ромеро обо всех важнейших событиях, которые произошли за последнее время в монастыре Сан-Доминико, и по временам делал заметки на листке бумаги.

Хилья кончил и замер в почтительной позе. Прокуратор задал ему много вопросов, целью которых было уточнить и расширить некоторые его сообщения и проверить донесения других агентов. Затем он сказал:

– В своем докладе ты ни словом не упомянул о студенте Джордано Бруно. Однако в этих бумагах много говорится о нем, и в них я нашел утверждение, что Бруно весьма одарен талантами. Это действительно так?

Хилья растерялся. Как ответить на такой прямой вопрос? Отрицать талантливость Бруно было опасно: ведь он не знал, что о Бруно написано в донесениях мессера Порчелли. Ромеро заговорил не торопясь, осторожно подбирая слова:

– Я не могу отрицать, монсеньер, что у Бруно большие способности и он мог бы стать выдающимся богословом. Но он никогда им не станет, потому что все свое внимание брат Джордано отдает суетному искусству астрономии, в чем ему нимало не препятствует его покровитель, мессер Паскуа.

Прокуратор внимательно взглянул на собеседника:

– Я полагаю, сын мой, что ты ненавидишь Бруно не из-за того, что он увлекается астрономией? Из донесения отца Порчелли я вижу, что для этого есть более веские причины.

Сухое темное лицо Ромеро побагровело, и он невольно поднес руку к выбитому глазу.

– Да, святой отец, вы правы, я всеми силами души ненавижу этого счастливого Джордано! Из-за него погибли мои детские мечты о службе королю, о далеких походах в толпе смелых товарищей, о воинской славе. Да, это по его вине я лишился глаза и вынужден был идти в монахи!..

– Должен ли я понять твои слова так, что ты сожалеешь об этом? – жестко спросил прокуратор.

Хилья опомнился.

– Простите, монсеньер!

– Ты хотел служить королю? Но теперь ты служишь тому, перед кем все короли и императоры мира – прах, кому земля – подножие ног его, а престол – усыпанное звездами небо!

Ромеро стоял, низко опустив голову.

– Земная слава суетна, – продолжал монах, – и человек все силы должен посвящать служению Богу. А где можно сделать это лучше, чем в рядах нашего святого ордена? Мы собираем у себя самых способных деятелей, и вот почему я прошу тебя ответить на вопрос: нельзя ли привлечь в наш орден Бруно?

Хиль вздрогнул.

– Я вас правильно понял, монсеньер? Вы хотели бы...

– Да, я хотел бы, чтобы Джордано Бруно вступил в общество Иисуса, которому он, без сомнения, был бы весьма и весьма полезен. Ты можешь обещать ему от нашего имени любые блага, мы доставим ему всевозможные книги по астрономии, отдадим его в ученье к знаменитейшему астроному Европы... И при этом ему вовсе не нужно будет отречься от доминиканского ордена: он станет тайным иезуитом, как ты, как тысячи других наших собратьев.

Ошеломленный Хиль Ромеро старался подавить кипевший в нем гнев. Как, этот баловень судьбы Джордано даже заочно сумел приворожить к себе прокуратора иезуитского ордена до такой степени, что тот старается переманить его к себе, не жалея щедрот? Но нет, этому не бывать!..

– Боюсь, святой отец, – заговорил он с притворным сожалением, – что это невозможно! Насколько я знаю Бруно, его нельзя подкупить вашими лестными предложениями. В библиотеке Сан-Доминико богатейший выбор книг, а ее хранитель, дон Аннибале, искусный астроном. Чего же еще может желать Джордано?

– А деньги?

– Он не падок на деньги, монсеньер, это всем известно в монастыре. Если он приносит из дома дяди два или три дуката, он тотчас раздает их неимущим студентам...

– Жаль, жаль, жаль... – несколько раз повторил монах. – По твоим рассказам я вижу, что Джордано Бруно из тех избранных, кого Христос называл солью земли. Ну что же? Тем хуже для него! Если соль не солит, ее выбрасывают. Из полученных мной документов видно, что аббат Паскуа возлагает на Бруно большие надежды. Это верно?

– Да, монсеньер. Мессер Паскуа надеется, что Бруно станет светилом церкви и тем возвысит монастырь, а заодно и собственную персону аббата.

– Паскуа – наш старый враг, и мы ни в коем случае не должны допускать его возвеличения. Как жаль, что такой достойный служитель Бога, как отец Порчелли, не может одолеть аббата в их затянувшейся борьбе. – Прокуратор вздохнул. – Можно ли считать, что крушение планов отца Паскуа в отношении Бруно нанесет ему ущерб?

– Это будет одним из крупнейших его поражений!

– Тогда Джордано Бруно должен погибнуть!

– Я приложу к этому все свои усилия, монсеньер!

– Но будь мудрым, как змий, сын мой! Я предписываю тебе величайшую осторожность в выполнении приговора святой церкви. Гибель брата Джордано должна казаться случайной, и потому ты должен скрывать свою ненависть к нему. Я понимаю, – усмехнулся монах, – что ты не сможешь разыгрывать роль искреннего друга Бруно, но, по крайней мере, пусть думают, что ты забыл былую злобу и по-христиански простил врагу свое несчастье.

– Слушаю и повинуюсь, святой отец! – повторил Ромеро.

– Я знаю, что ты бескорыстен, как подобает служителю Бога, – с затаенной иронией сказал прокуратор, – но, когда Бруно умрет, ты получишь пятьсот пехинов, чтобы заказать мессы за упокой его грешной души...

Единственный глаз Ромеро радостно заблестел.

Аудиенция кончилась. Казначей ордена снабдил Хиля золотом на дорожные расходы, и тот отправился по доминиканским монастырям Испании и Франции разведывать, как там идут дела.

Ромеро вернулся в монастырь Сан-Доминико Маджоре осенью 1568 года. История с его доносом и позорным наказанием забылась, как и рассчитывал мессер Порчелли.

Глава девятая

Опасное поручение

В июне 1568 года после окончания двухгодичного курса логики Джордано был удостоен долгожданной степени магистра. В доме Саволино по этому случаю произошло торжество, в котором приняли участие и родители Джордано, приехавшие из Нолы. На праздник были приглашены пансионские товарищи Бруно, жившие в Неаполе. В честь молодого магистра поднимались тосты, друзья предвещали ему славное ученое будущее, большую духовную карьеру, кардинальскую шапку...

Виновник торжества сидел задумчивый.

Мать с отцом еще гостили в Неаполе, когда Джордано явился в дом дяди и сообщил, что его возвели в сан субдиакона. Это событие привело Фраулису в восторг. Ее сын – духовное лицо, он сделал первый шаг по ступеням, которые вознесут его высоко и приблизят к Богу... Простодушная женщина, трепеща от волнения, подошла к сыну под благословение.

Хиль Ромеро жестоко завидовал успехам Бруно. Правда, тот пока еще получал скудную пищу и жалкие гроши на покупку одежды и письменных принадлежностей, но испанец знал, что со временем, с получением следующих ученых и духовных степеней, к его заклятому врагу придут и слава и богатство. И эта мысль заставляла Ромеро строить самые кровавые планы расправы с Джордано Бруно. Но, помня наказ прокуратора, Хиль вел себя благоразумно, глубоко затаил свою ненависть и не раз в присутствии монахов дружелюбно говорил о Бруно.

В начале июля 1568 года судьба пришла на помощь Ромеро. Аббату Паскуа понадобилось послать надежного человека во Флоренцию – взыскать крупный долг в 3000 дукатов с настоятеля церкви Санта-Репарата. Как залог, у мессера Паскуа хранилась святыня – ноготь с большого пальца ноги святой Репараты, вделанный в золотой медальон с алмазами. Конечно, ценность реликвии составляла не оправа, великую цену в глазах верующих представлял нетленный ноготь святой, не раз совершавший чудеса в искусных руках патеров.

Эта история уже принесла аббату Паскуа много неприятностей. По старой дружбе с флорентийским настоятелем Эугенио Бальони мессер Паскуа дал ему деньги без разрешения прокуратора ордена. Сделка совершилась втайне, но дон Марио узнал о ней и немедленно послал донос в Рим.

Аббата вызвали в папскую столицу, ему объявили выговор и предупредили, что, если в назначенный срок он не взыщет церковное золото, это поведет к самым печальным для него последствиям.

Теперь мессер Паскуа серьезно думал, кого отправить за деньгами. На пути посланца ждало множество опасностей: испанские солдаты, германские ландскнехты, итальянские разбойники, владельцы придорожных замков, не упускающие того, что плывет к ним в руки...

Но если даже гонец благополучно доберется до Флоренции, кто может поручиться, что он не присвоит себе полученные деньги и не сбежит с ними за границу? Уж очень велик будет соблазн!

«Мне нужен человек, честность которого выше всяких сомнений, – вздыхая, думал аббат. – Но как найти такого в монастыре?..»

Он перебирал в памяти своих сторонников одного за другим, но никто не казался аббату достаточно надежным. И вдруг его осенила мысль: Бруно! Да, только Джордано Бруно стоит выше любых искушений, только ему можно дать поручение, от выполнения которого зависит будущность Амброзио Паскуа.

Настоятель вызвал Бруно и предложил ему отправиться во Флоренцию за церковными деньгами.

– Сын мой, я буду с тобой откровенен, – сказал аббат. – Дело это крайне опасное. К великому сожалению, отцу приору известен срок, когда мой флорентийский друг должен уплатить долг. Конечно, ни твою поездку, ни цель ее мы не сможем утаить от дона Марио, и он воздвигнет на твоём пути все препятствия, какие только сможет, а возможностей у него много! Если ты чувствуешь в себе силы преодолеть козни врагов, я благословлю тебя в путь!

Аббат испытующе смотрел на Джордано. Тот задумался. Ему уже исполнилось двадцать лет, а что он видел, кроме Нолы и Неаполя? И вдруг – поездка во Флоренцию! Отправиться на север, совершить далекое путешествие, на месяц-другой вырваться из монастырских стен – что может быть заманчивее для бедного студента? И вдобавок, тетка Васта много рассказывала о своем родном городе, о его чудесных дворцах и храмах, о великолепных площадях, украшенных статуями и фонтанами. Его отец в молодости сражался за свободу Флоренции. И побывать там было давнишней мечтой Джордано.

Теперь представился случай осуществить эту мечту. Аббат предупреждает об опасности, но молодость не боится опасностей.

Все эти мысли быстро промелькнули в голове Джордано, и он почтительно склонился перед аббатом.

– Слушаю и повинуюсь, святой отец! – молвил он.

– Так и должен отвечать слуга ордена. Кого ты хотел бы взять с собой?

– С вашего разрешения, мессер, брата Алессо Ронка.

– Одобряю твой выбор. Брат Алессо глуп, но силен и верен, а это главное.

Отец ключарь выдаст вам проездное свидетельство до Флоренции и обратно и снабдит всем необходимым на дорогу. Реликвию получишь у него же и помни, что это – одна из величайших святынь католической церкви. Иди, сын мой, и да будет над тобой благословение мое и святого Доминико!

Алессо Ронка с радостью согласился принять участие в далекой поездке с другом, особенно когда узнал, как она опасна. Отец ключарь снарядил путешественников остроумно: он дал им старые, заплатанные мантии и рясы, но под рясы монахи надели прекрасные кольчуги и спрятали длинные кинжалы из миланской стали. Джордано и Алессо не получили ни сольдо на дорогу, ключарь снабдил их сумками для сбора подаяний.

– Это надежнее всего прокормит смиренных иноков, – сказал ключарь.

На голое тело путники надели кожаные пояса, пустые внутри, чтобы спрятать туда золото, которое они должны получить от флорентийца.

Ключарь выбрал на конюшне двух быстроногих мулов, но на них накинули самую бедную упряжь. И вот в таком виде два монаха покинули Сан-Доминико Маджоре 15 июля 1568 года, в четверг, счастливый день.

Но еще накануне этого дня отец ключарь, ярый порчеллист, сообщил приору, что настоятель посылает во Флоренцию братьев Джордано Бруно и Алессо Ронка.

Обрадованный дон Марио отпустил ключаря и велел позвать к себе Хиля Ромеро. Запершись с ним в келье, он сказал:

– Мессер Паскуа отправляет Бруно и его друга Алессо Ронка к своему флорентийскому другу за золотом, которое он имел глупость дать взаймы. Это золото не должно вернуться в Неаполь!

– Я понимаю вас, святой отец! Этот удар сокрушит мессера аббата. Но я постараюсь, чтобы для Джордано он стал смертельным. Брат Джордано не вернется из этой поездки! И если он исчезнет бесследно, пусть мессер Паскуа думает, что его любимчик скрылся с церковными деньгами.

Такая злоба выразилась на безобразном лице испанца, что дон Марио понял: Ромеро выполнит свое обещание.

В ту же ночь Хиль Ромеро вышел из монастыря через потайную калитку и отправился в притон, где собирались самые отчаянные бандиты Неаполя. Хиль их не боялся. Воры и убийцы дорожили помощью одноглазого монаха, который не раз наводил их на выгодные «дела».

Ромеро был издавна связан с Андреа Кучильо, главарем самой опасной шайки городских разбойников. Когда-то Кучильо, притворившись в дневное время безногим, просил милостыню у прохожих, а по ночам занимался воровством. Потом нищенство показалось ему нестоящим занятием, и Кучильо нашел более скорые пути к кошелькам своих сограждан. Некоторые его кровавые преступления были известны Хиллю, и монах держал разбойника в руках.

Выслушав наказ Ромеро отобрать у двух доминиканцев золото, за которым они едут во Флоренцию, а самых их прикончить и узнав точные приметы своих будущих жертв, бандит с довольным видом кивнул головой: такое поручение было ему по душе.

Монахи прежде всего заехали в домик Саволино.

Синьора Васта сначала обрадовалась, что племянник отправляется во Флоренцию, а потом расстроилась, когда выяснилось, какая опасная миссия на него возложена. Она написала письмо своему брату Бассо, где просила оказать Джордано всяческую помощь. Это письмо было зашито в ладанку, висевшую на шее у Бруно, где хранились реликвия и расписка дона Эугенио Бальони.

Путники выехали за городские ворота, и Алессо с удивлением заметил, что Бруно свернул с большой дороги на тропинку, ведущую к Везувию. Впрочем, он скоро понял, в чем дело. Через час друзья спешили у могилы Ревекки.

Видно было, что за могилой любовно ухаживают: сорные травы выполоты, росли цветы, посаженные заботливой рукой.

Джордано стал на колени и опустил голову на скромную плиту с надписью «Альда Саволино». Как много говорили ему эти два слова! Как много будили воспоминаний о сладкой поре любви, о поре юношеских надежд и мечтаний!.. Слезы катились из глаз Джордано.

Алессо, склонив обнаженную голову, тихо прочитал успокоительную молитву.

Бруно встал:

– Поедем, друг!

Вершина Везувия, бледневшая по мере удаления от нее, растаяла в синеве неба, но долго еще белое облачко дыма недвижно стояло над горизонтом.

Копыта мулов стучали по каменистой дороге. Друзья ехали молча. Им предстояло проделать долгий путь в 180 миль, и каждый шаг таил опасность.

Гонцам мессера Паскуа пришлось убедиться в этом на четвертый день под вечер, когда они подъезжали к Риму.

Башни и храмы вечного города виднелись вдали, когда из дверей придорожной траттории вывалилась с гамом большая группа молодых подозрительного вида и загородила двум всадникам путь.

Рослый детина взял под уздцы мула Алессо:

– Куда держите путь, отцы?

– В Рим, с вашего позволения, синьоры! – нарочито жалобно ответил Алессо.

– Откуда у вас эти мулы?
– С нашей монастырской конюшни. А почему вы спрашиваете об этом, синьор?

– Да потому, что у моего господина, графа Гвидо дель Моро украдена из имения точь-в-точь такая пара длинноухих! А ну, слезайте, отцы! – грубо приказал детина.

Десяток парней стояли на дороге, наслаждаясь смущением монахов.

«Вот первая преграда, поставленная на нашем пути отцом приором», – подумал Бруно, а вслух сказал:

– Брат Алессо, в требовании синьоров нет ничего противозаконного. Всякое подозрение должно быть проверено. Но прежде чем слезть с мула, благослови этого нечестивца, как он того заслуживает!

При последних словах голос Джордано загремел, и прежде чем разбойники успели понять, в чем дело, пудовый кулак Алессо обрушился на голову атамана. Тот без стога свалился в дорожную пыль.

Бандиты сначала опешили, но, быстро опомнившись, окружили всадников, и началась свалка. С обеих сторон засверкали кинжалы. Монахов защищали кольчуги, а двое или трое из нападающих уже отступили, обливаясь кровью. Но внезапно из леса, со стороны, противоположной траттории, высыпала новая банда грабителей.

– Конец! – воскликнул Ронка.

– Прощай, Алессо!

Ко всеобщему удивлению, вновь появившиеся напали не на путников, а на римлян. Размахивая ножами и кинжалами, они орали:

– Неаполь! Неаполь! Святой Дженнаро!

Ошеломленные разбойники отбивались с криками:

– Рим! Рим! Святой Петр!

Местные бандиты не выдержали яростного натиска неаполитанцев и разбежались. Главарь неожиданных заступников, рослый чернобородый молодец, подошел к монахам. Разгладив пышные усы привычным жестом, он с поклоном обратился к Алессо:

– Мы мирные люди, святой отец, и случайно стали свидетелями того, как на вас напали римские бездельники. Мы не стерпели и пришли вам на помощь. Хотя, как видно, вы и сами бойцы не из последних, – добавил он, склоняясь над телом предводителя римлян. – Боюсь, что за душу этого бедняги придется заказывать мессы.

– Вы вступились вовремя, и да будет над вами милость Божия и святого Доминико, дети мои! – с достоинством ответил Алессо.

Монахи пустили мулов вскачь. То, что случилось, было им совершенно непонятно. Если римские бандиты действовали по указке отца Марио, тогда кто же прислал неаполитанцев? Аббат? Это было на него не похоже...

И тут Бруно показалось, что лицо чернобородого атамана ему знакомо. Он мучительно вспоминал, где ему доводилось видеть этого человека. Много миль ехал он в молчании и вдруг закричал:

– Это он!

– О ком ты? – спросил удивленный Алессо.

– Да об этом услужливом чернобородом бандите. Я все думал, кто часто расправлял усы вот таким же манером, и сейчас ясно вспомнил: это тот безногий, что сидел на церковной паперти неподалеку от пансиона дяди и просил милостыню. Но как он изменился с тех пор!

– Что же, ноги у него выросли по заступничеству святых? – иронически спросил Ронка.

– Они всегда у него были, но он скрывал их. Да, да, конечно, это он. Его хорошо знал мой друг Луиджи Веньеро, и он даже говорил, что его звали Андреа. Впрочем, бандит с тех пор десять раз мог переменить имя...

Теперь с тревогой заговорил Алессо:

– А ведь и я видел чернобородого, да еще в чьем обществе! Он выходил из нашего собора после воскресной мессы и вот так же разглаживал усы, а рядом с ним был Ромеро. И они дружески разговаривали!

Путникам все стало ясно. Не римских разбойников натравил на них мессер Порчелли, он послал по следам монахов неаполитанцев, и те защитили путников, чтобы дать им возможность невредимо добраться до Флоренции и получить церковное золото. Вот тогда-то бандит Андреа и начнет по-настоящему охотиться за ними!

– Что же теперь делать? Вернуться? – спросил Алессо.

– Нет! Для нас это невозможно! – сурово молвил Джордано. – Мы едем вперед!

Гонцы миновали Рим стороной. Остерегаясь новых опасных встреч, монахи сокращали дневные переходы, выезжали поздно, на ночлег останавливались рано.

Благодаря таким мерам предосторожности путь от Рима прошел без приключений, и на одиннадцатый день после выезда из Неаполя монахи увидели Флоренцию. Бруно вздохнул с облегчением, хотя и сознавал, что выполнена неизмеримо более легкая часть поручения аббата Паскуа.

Глава десятая

Флоренция

Солнце склонялось к закату, когда путешественники въехали в город через ворота Сан-Пьетро Гаттолини. Никто не обратил внимания на двух оборванных монахов: тысячи таких скитались по дорогам и городам Италии. Джордано и Алессо не стали расспрашивать о дороге; пользуясь приметам, данными синьорой Вастой, они добрались до улицы Виа Нуова, где жил купец Бассо Беллини.

Виа Нуова оказалась настолько узкой, что два мула не могли пройти по ней рядом, и монахам пришлось ехать гуськом.

Высокий сгорбленный сер Бассо с длинной седой бородой, одетый в малиновый бархатный камзол, отороченный у воротника и обшлагов собольим мехом, с золотой цепью на шее, вышел встретить незнакомых монахов на крыльцо. Как видно, торговые дела Беллини, пришедшие было в упадок, теперь поправились.

Расспросив, кто такие приезжие, сер Бассо и его старушка жена приняли племянника синьоры Васты с подкупающей сердечностью, хотя их несколько удивила драная ряса Джордано. Его другу также был оказан надлежащий прием.

Единственная дочь Бассо была замужем за молодым художником, проживавшим неподалеку. Сер Бассо немедленно послал за зятем и дочерью. Когда все собрались за праздничным столом, вечер прошел в расспросах о житье-бытье неаполитанских родственников. Из осторожности Джордано ничего не говорил о цели своего приезда. Речь об этом зашла после того, как Беллини и доминиканцы остались наедине.

– Ну, а теперь рассказывайте, отцы, зачем вы приехали, – спросил сер Бассо.

Узнав, что Джордано явился получить долг с аббата Эугенио Бальони, старый купец встал и торжественно сказал:

– Мессер Эугенио Бальони скончался две недели назад, да упокоит Господь его душу!

Он осенил себя крестным знаменем, и монахи последовали его примеру.

Джордано побледнел. Положение крайне осложнилось. Бальони, друг детства Паскуа, человек безусловно честный, сразу выплатил бы долг, но как поступит его преемник? Угадав мысли Бруно, купец сказал:

– Новый настоятель церкви Санта-Репарата, мессер Бонавере да Фано, не из тех, кто легко расстается с золотом.

– Но у нас же реликвия! – воскликнул Алессо.

– Боже вас упаси даже и заикнуться об этом! Если только мессеру да Фано станет известно, что вы привезли святыню с собой, у вас ее отберут, да хорошо еще, если не обвинят в ее похищении и не сожгут, как святотатцев!

– Но это подлость! – Алессо Ронка в гневе стукнул по изящному золоченому столику кулаком, и тонкая крышка разлетелась на куски.

Монах с таким комическим ужасом смотрел на испорченную вещь, что хозяин рассмеялся.

– Успокойтесь, дорогой гость! Эту беду поправит столяр, а ваша задача похитрее. Но сестра Васта просит помочь вам, и я сделаю все, что в моих силах. А теперь спать, спать, друзья мои!

Утром сер Бассо заставил Джордано написать от имени аббата Паскуа письмо на имя флорентийского епископа. В этом письме сообщалось, что святыня Флоренции – ноготь святой Репараты – находится в монастыре Сан-Доминико Маджоре, как залог за три тысячи цукатов, взятые в долг настоятелем церкви Санта-Репарата. Аббат Паскуа просил его преосвященство заставить мессера да Фано уплатить долг. В противном случае флорентийская реликвия будет передана святейшему престолу, который берет выплату денег на себя...

Джордано признал, что письмо составлено искусно. Оно играло на самолюбии высшего флорентийского духовенства и аристократии. Святыня, так ими чтимая, может достаться Риму, который и без того владеет множеством реликвий.

Епископ разгневался, узнав, что Флоренции грозит невозвратимая утрата. Он тотчас вызвал настоятеля церкви Санта-Репарата и поставил перед ним вопрос так: или немедленная уплата долга, или отрешение от должности и даже снятие сана.

– Я готов уплатить, монсеньер, – ответил дон Бонавере, – но кто поручится за то, что, отдав долг, мы получим реликвию? А может быть, мессер Паскуа уже продал ее святейшему отцу и хочет получить вторые деньги?

– Мы предлагаем поручительство святого Доминико! – гордо воскликнул Ронка.

– Этого маловато, сын мой! – улыбнулся епископ.

– Поручительства святого Доминико мало? – вспыхнул Алессо.

– Тише, тише, отцы! – вмешался сер Бассо. – Кал вам, вероятно, известно, монсеньер, я – один из консулов цеха суконщиков, и вот что я предлагаю. Мессер да Фано возвращает деньги. Мы, суконщики, задерживаем здесь, в нашем городе, отцов доминиканцев до тех пор, пока они не вытребуют из Неаполя святыню. И только тогда, когда реликвия будет прислана мессером Паскуа, признана подлинной и получена настоятелем церкви Санта-Репарата, мы пожелаем посланцам монастыря Сан-Доминико Маджоре счастливого пути.

– А если все же реликвия не будет прислана?

– Цех возвратит вам церковные дукаты.

– И вы дадите обязательство, сер Бассо?

– Да.

– Fiat! – воскликнул дон Бонавере.

В дом суконщика монахи вернулись с мешочком золота, который нес Алессо. А на следующий день доминиканцы в сопровождении Бассо Беллини снова

появились во дворце епископа. Тот вышел к назойливым посетителям с некоторым неудовольствием:

– Что вам угодно, дети мои?

Бруно с низким поклоном ответил:

– Святой Доминико, в поручительстве которого вы сомневались, монсеньер, совершил чудо: по нашей горячей молитве он в одну ночь перенес нетленную реликвию святой Репараты из Неаполя во Флоренцию.

– В самом деле, сын мой? – недоверчиво спросил епископ.

Молодой монах протянул ладонь, и в луче солнца, проходившем сквозь цветное стекло окна, блеснула ярким зеленым лучом грань алмаза.

– Господь по просьбам своих святых совершает еще и не такие чудеса, – наставительно заметил епископ.

Он прекрасно понял хитрость монахов, но ему ли, представителю Бога на земле, оспаривать «чудо»?

Епископ вызвал дона Бонавере да Фано, подлинность святыни была установлена, реликвия вручена настоятелю, стороны обменялись расписками, и, казалось, дело покончилось раз и навсегда. Но мессер да Фано пригласил Джордано к себе в церковь для секретного разговора.

Предчувствуя возможность подвоха, Бруно шепнул Алессо, как тому вести себя, если он, Джордано, не вернется. Ноланец зашагал за настоятелем по площади Сан-Джованни, где стояла церковь Санта-Репарата, а Ронка издали следовал за другом. Проводив гостя в скарбницу, аббат усадил его в мягкое кресло, сам сел напротив.

– Как христианин, я верю в чудо святого Доминико, – начал разговор дон Бонавере, – а как человек, восхищаюсь вашим умением вести дела, брат Джордано. И вот что я вам предлагаю: переходите служить в мою церковь.

Бруно приподнялся от удивления.

– Сидите, сидите, дорогой брат! Вы еще молоды, но я вам обещаю: через три-четыре года вы станете моим викарием!

Джордано скромно ответил:

– Я считаю ваше предложение, святой отец, за высокую честь, но вы понимаете, что я не имею права принять его без согласия мессера Паскуа.

– Да, я понимаю это. Я напишу вашему аббату послание.

И он написал письмо, очень лестно отзывался о Джордано и просил отпустить молодого субдиакона на службу во Флоренцию.

Расстались со взаимными изъявлениями уважения.

Когда Бруно вышел на площадь Сан-Джованни, там бродил Алессо Ронка, сжимая под рясой рукоятку кинжала.

– Ф-фу... – облегченно вздохнул Ронка. – А я уж собрался ломать дверь, только выбирал какую.

Вечером сер Бассо и два монаха держали совет, как доставить полученные дукаты в Неаполь.

Алессо предложил присоединиться к свите маркиза дель Кьяренца, который, по слухам, скоро отправится в Рим на богомолье. А в Риме можно будет выждать другой подходящий случай.

Джордано возразил:

– Если мы присоединимся к маркизу, мы подвергнем его людей большой опасности: им придется либо выдать нас, либо сражаться, спасая церковное золото...

Алессо низко опустил рыжую голову.

Старый Бассо сказал:

– Не надо торопиться, решая такой важный вопрос. Лучше идите спать, друзья мои!

Джордано и Алессо безропотно пошли в свою комнату.

Утром купец с улыбкой сказал им:

– Сегодня на рассвете по римской дороге отправились два доминиканца.

– Как?! – воскликнули разом два монаха.

– Я купил у старьевщика монашеские одеяния для двух своих работников, дал им мулов и указал, как действовать.

– Их убьют! – вскричал Джордано.

– До этого дело не дойдет. При малейшем намеке на опасность они позволят обыскивать себя. Да вы за них не беспокойтесь. Гуччо и Мануэлло проведут самого черта.

Началось томительное ожидание. Вечером сер Бассо сказал гостям:

– Бесплодно терзаться мрачными мыслями. Вы лучше оглянитесь вокруг себя, отцы! Нет в мире города краше сладчайшей Флоренции, нигде не найдете просторнее ее площадей, величественнее храмов и дворцов, красивее крепостных ворот и мостов через Арно!.. И пока вы здесь, нужно на все это полюбоваться!

Вняв благому совету, Джордано и Алессо целыми днями осматривали памятники зодчества Флоренции. Прежде всего их внимание привлек знаменитый храм Санта-Мария дель Фьоре, дивное творение Филиппо Брунеллеско и других старых мастеров. Огромный купол собора, воздушный и легкий, точно реющий в пространстве на необычайной высоте, был виден со всех улиц города и из окрестностей. Великолепные фасады со множеством круглых и стрельчатых окон, башенки – круглые, четырехугольные, восьмигранные, стройная кампанила, возносившаяся ввысь, – все восхищало путников.

Друзья побывали в древнем баптистерии Сан-Джованни, небольшом храме, где крестили всех флорентийцев. Там был крещен и гениальный Данте Алигьери, творец «Божественной комедии». Данте любил его непритязательную красоту и, находясь в изгнании, больше всего тосковал о храме Сан-Джованни. Представляя себе великого поэта, склоняющего голову при входе в баптистерий, Джордано повторял на память целые сцены из «Божественной комедии», вызывая восторг Алессо.

Просторная площадь Синьории с одной стороны замыкалась строгим прямоугольником дворца, который напоминал крепость с башенкой наверху и с зубчатыми выступами плоской крыши. Под ними виднелись бойницы, откуда можно было обстреливать площадь и окружающие здания. Беллини рассказал монахам, что во время осады Флоренции над дворцом Синьории развевалось знамя с красным крестом – символ коммуны.

Джордано и Алессо осмотрели и мосты через Арно и предместья города. И когда они потеряли надежду на возвращение разведчиков, Мануэлло и Гуччо явились. Они пришли на четвертый день, усталые, запыленные, в крестьянской одежде.

– Ну, скажу я вам, отцы, – начал рассказывать коренастый широколицый Мануэлло, – если вас будет не двое, а двадцать, и перед вами пойдет ангел с огненным мечом, вы не проберетесь в Неаполь. На пути до Сиены – а туда только двадцать миль! – нас останавливали три раза. А сколько было засад после того, и не счесть. Бандиты выходили целыми шайками, с мечами, с аркебузами и арбалетами... Убедившись, что мы не те, кого они ждут, разбойники приходили в ярость. Нам только тем и удавалось умиловить их, что мы, взяв грех на душу, бесстыдно лгали и уверяли, что за нами едут еще два монаха и, простите, отцы, указывали ваши приметы...

Бруно рассмеялся, а Алессо сжал кулаки.

Мануэлло продолжал:

– Дав несколько тумачков на дорогу, разбойники нас отпускали. Мы пробовали втираться в свиту знатных господ – не помогало. Бандиты вытаскивали

нас и оттуда. Когда мы сочли, что наша задача выполнена, мы продали мулов и, переодевшись, вернулись домой.

– Скажите, а далеко от города начинаются засады? – спросил Алессо.

– Первую мы обнаружили прямо за мостом через Арно.

– Спасибо, друзья, я не забуду вашей услуги, – сказал купец и отпустил смельчаков.

Глава одиннадцатая

Возвращение

Девятого августа, когда большой колокол на кампаниле дель Фьоре пробил один час, у Понто Веккио спустились в фузольтеру высокий широкоплечий рыбак с окладистой черной бородой и миловидная девушка с голубыми глазами, с русыми косами, ниспадавшими из-под пестрого платка. Рыбак нес большой мешок, из которого выглядывали сети, девушка держала связку удилищ. Их провожал хромой старик.

Когда лодка отчалила от берега Арно, старик, стараясь перекричать шум воды, разбиравшейся об устой моста, крикнул вдогонку:

– Не торопись с возвращением, Джано! Рыба лучше ловится ночью.

Чернобородый молча кивнул головой, фузольтеру подхватила река и унесла за поворот.

Ничего подозрительного не заметил в этой сцене коротконогий плотный человек в кожаных штанах и драной куртке, с молотком каменотеса в руке, который стоял у перил и плевал в воду. Он интересовался пешеходами, проходившими по мосту, но в особенности его внимание привлекали всадники на мулах.

Когда ночь дошла до половины, каменотеса сменил чернобородый дровосек с топором.

– Ну как, приятель? – спросил он.

– Никого. Затаились, проклятые. А еще днем наши видели их в предместье Опьисанти. Послушай, Кучильо, а если ограбить монахов в городе?

– Дураки они носить при себе такие деньги! Нет, надо ждать, ведь должны же они покинуть город.

А фузольтера с рыбаками, оставив позади предместья, не остановилась, и люди не думали закидывать сети. Напротив, рослый рыбак, сидевший на корме, всю работал веслом, помогая быстрому течению Арно. Ночь, к счастью, была лунная, и это помогало следить за изгибами реки и держаться посреди русла. Час проходил за часом, а сидевшие в лодке лишь изредка обменивались двумя-тремя словами, выдававшими их тревогу.

На рассвете на правом берегу показались стены Пизы. Лодка миновала и ее и через час закачалась на волнах Лигурийского моря.

– Хвала святому Доминико, кажется, мы ушли от опасности! – вскричал Алессо, скидывая красную вязаную шапку.

– А я в этом не вполне уверен, – возразил Джордано. – Ты, полагаю, заметил, как нас выслеживали бандиты, когда мы бродили по городу?

– Еще бы, – усмехнулся Алессо.

– Сегодня они нас не увидят. Коротышка на мосту, наблюдавший наше отплытие, тоже, конечно, их шпион. Достаточно поразмыслить, и все станет ясно.

– Но что они могут сделать?

– Э, дружище, они сегодня же вечером примчатся сюда – в Марино-ди-Пиза, по воде или суше, наймут корабль и догонят нашу лодку. Они не пожалеют хлопот: ведь то, что мы везем, – герцогская добыча!

– Как ты предлагаешь поступить?

– Надо сбить с толку преследователей. Они будут ловить нас на юге, а мы двинемся на север, в Геную. Они будут искать чернобородого рыбака с девушкой или двух монахов, а мы превратимся в дедушку и внука.

Бруно достал из мешка длинную седую бороду.

– Это тебе вместо черной.

– Послушай, Джордано, а что еще, кроме кольчуг, в этом таинственном мешке?

– Не спрашивай. Излишнее любопытство вредит аппетиту.

– Моему аппетиту ничто не повредит. – Ронка расхохотался. – Кстати, ты мне напомнил, что мы с вечера ничего не ели. Что положили нам друзья?

Алессо открыл люк на корме лодки и начал доставать снесь.

Тем временем Джордано связал женское платье и платок в узел, сунул туда же фальшивые косы и, привязав камень, спустил все в воду. Сам он остался в коротких штанах и рубашке, голову накрыл беретом.

Пользуясь легким южным ветерком, Алессо поднял парус и направил лодку к Генуе.

Башни города выросли на горизонте в полдень следующего дня. Причалив к пустынному берегу, друзья затопили лодку. Джордано, не расстававшийся с мешком, вытряхнул из него обрывок сети, а за ним выпали кольчуги и два поношенных бархатных камзола, панталоны, шляпы с перьями – одежда небогатых дворян.

– Последнее переодевание, – сказал Бруно. – Выдумка сера Бассо. Теперь, я думаю, разбойники потеряют наш след.

Генуя была значительным городом на побережье Лигурийского моря. Оттуда почти каждый день отходили корабли в Испанию, Францию, на итальянское побережье.

Два дворянчика, как видно экономившие каждый грош, долго торговались с хозяином каравеллы, отходившей в Неаполь, и наконец сговорились на цене по три флорина с каждого на хозяйских харчах.

Погода была не слишком благоприятна, часто дули противные ветры, задерживая судно. Пассажиры, завидев вдаль корабль, всякий раз поручали себя святому Христофору, покровителю путешественников: на море свирепствовали пираты и встреча с ними грозила гибелью.

Но все обошлось благополучно, и после девятидневного плавания Джордано и Алессо с чувством невыразимого облегчения увидели двуглавую вершину Везувия с таким родным, таким знакомым дымком, поднимавшимся из кратера...

К домику Саволино подошли два молодых дворянина. Старший, широкоплечий мужчина воинственного вида, позвонил в колокольчик. В двери показалась Чеккина.

– Что вам угодно, синьоры?

Один из дворян рассмеялся:

– Не узнаешь, тетушка Чеккина?

Кухарка закрестилась:

– С нами Христос и его святые угодники... Фелипе? То есть, простите... отец Джордано!

– Не извиняйся, моя славная старушка, и зови меня по-прежнему, я на это не в обиде! Дядя и тетя здоровы?

– Милостью святого Дженнаро...

Старики Саволино до слез обрадовались, увидев племянника невредимо вернувшимся из опасных странствий. Сначала пришлось наскоро объяснить, чем вызван их маскарад, а потом уж подробно рассказывать обо всем.

Во время повествования Джордано синьора Васта не раз приходила в ужас, а сер Джакомо воинственно сжимал кулаки. Слушатели до небес превозносили

мужество и находчивость Алессо, а добряк смущался, краснел и уверял, что его совершенно не за что хвалить.

В заключение рассказа Джордано передал дяде и тетке привет от сера Бассо и его семейных и выложил сотню флоринов, присланных купцом в подарок сестре.

Явившись в монастырь, Джордано и Алессо были немедленно приняты доном Амброзио. Повесть о приключениях своих посланцев настоятель слушал с раскрытым ртом, как дети слушают волшебные сказки.

Рассказ о том, как монахи ускользнули из Флоренции под видом рыбаков, привел аббата в восторг. Правда, от него скрыли подробности. Если бы дону Амброзио стало известно, что Бруно, монах, более того, субдиакон, переодевался женщиной, ему пришлось бы поплатиться за это строгой епитимьей: того требовали церковные уставы.

Когда Бруно кончил, аббат в восторге воскликнул:

– Благодарю святого Доминико за то, что он помог вам разбить иезуитские козни! Но как взбесится отец приор, когда узнает, что все труды его клеветов пропали понапрасну!

– Неужели покушение на церковное имущество так и останется безнаказанным?! – возмущенно спросил Бруно.

– Увы... – вздохнул мессер Паскуа. – У дона Марио слишком могущественные покровители...

Гонцы, извинившись перед настоятелем, достали из-под одежды тяжелые пояса, расстегнули застёжки и высыпали на стол груды золота.

Аббат пересчитал.

– Ровно три тысячи дукатов, – с изумлением сказал он. – А дорожные расходы? Плата корабельщику?

– Деньги на обратный путь нам дал сер Бассо.

– Да будет благословен этот добродетельный христианин! При первой же okazji пошлю ему весьма ценную реликвию: обломок зуба святого Иеронимо.

– Сер Бассо будет до небес вознесен такой милостью мессера аббата!

– Идите, дети мои, отдыхайте. Я на две недели освобождаю вас от посещения церковных служб. Отец ключарь выдаст вам новые рясы и мантии взамен этих одежд, которые хотя и почтенны на светских людях, но не приличествуют инокам.

– Мессер аббат, если вы довольны нами, – заговорил Джордано, – я прошу вас наградить брата Алессо. Я со всей настоятельностью утверждаю, что только благодаря его силе и находчивости дело кончилось счастливо.

– Ты прав, сын мой! – важно ответил аббат. – В день кипения крови Сан-Дженнаро брат Алессо будет посвящен в сан субдиакона.

Счастливый Ронка упал к ногам мессера Паскуа.

– Прошу прощения, мессер, – снова заговорил Джордано, – я должен еще затруднить вас. Вот послание к вам от настоятеля церкви Санта-Репарата.

Прочитав первые строки, аббат сказал:

– Брат Алессо, ты можешь идти, а тебя, брат Джордано, прошу остаться.

Закончив читать послание, мессер Паскуа спросил:

– Ты знаешь, о чем тут идет речь?

– Знаю, мессер, – ответил Бруно.

– И как ты мыслишь по этому поводу?

– Если мессеру настоятелю угодно будет отправить меня на служение во Флоренцию, я подчинюсь его воле. Но если решение предоставится мне, я, конечно, не лишу себя отеческих попечений мессера.

– Иного ответа я и не ждал, – сказал довольный дон Амброзио. – Ты останешься здесь, брат Джордано!

– От всей души благодарю вас, мессер!

На другой день аббат послал в Рим донесение, в котором сообщал, что долг с флорентийского настоятеля получен и монсеньер прокуратор может не беспокоиться о судьбе церковного золота. Об участии в этом деле братьев Алессо Ронко и Джордано Бруно не было сказано ни слова: мессер Паскуа не любил делить с другими свои успехи.

В ответ пришло милостивое послание, которое с большим торжеством было оглашено в соборе после торжественной мессы.

Паскуалисты подняли головы, а сторонники приора приуныли, и даже дон Марио потерял свою гордую осанку. Раздраженный, он свалил всю вину за поражение на Хиля Ромеро и снова надолго усладил его из монастыря.

Джордано и Алессо были рады отсутствию испанца.

– Когда в Сан-Доминико не шныряет эта гадина с черной повязкой на лице, право же, свободнее дышать, – говорил Ронка.

И снова для Бруно потекли дни и месяцы напряженного учения.

Глава двенадцатая

Необъятные горизонты

Летом 1570 года Джордано Бруно получил очередную ученую степень бакалавра. Пять лет прошло с тех пор, как он переступил порог монастыря, и уже вторая ученая степень! Да, если всецело отдаваться науке, в Сан-Доминико Маджоре можно было быстро взойти по лестнице знаний, а Джордано занимался страстно, самозабвенно.

Правда, он занимался совсем не тем, что полагалось изучать по программе. Джордано с пренебрежением относился к никому не нужным схоластическим тонкостям, которыми набивали головы студентам профессора, и не пропускал занятий лишь для того, чтобы не раздражать мессера Паскуа. Но на успеваемости Бруно это не отражалось. При его необыкновенной памяти ему достаточно было прослушать лекцию, чтобы запомнить ее содержание.

К выполнению своих религиозных обязанностей Бруно относился равнодушно, но аббат Паскуа делал вид, что этого не замечает.

«С годами увлечение наукой у Бруно пройдет, – думал настоятель, – и он оценит выгоды высокого духовного сана».

И Джордано, отбыв в субдиаконах положенный срок, был возведен в диаконы. Многие завидовали успехам молодого монаха, а мессер Паскуа в докладах Риму о работе университета отводил Бруно первое место среди студентов.

Через месяц после получения диаконского сана Джордано получил письмо от отца. В нем было немного слов, нацарапанных взволнованной рукой:

«Фелипе, мальчик, приезжай немедленно. Мать при смерти».

Через час из ворот Неаполя уже выехали в наемной карете Джордано Бруно и супруги Саволино.

Кучер погонял лошадей, у края дороги апельсиновые деревья склоняли ветви под тяжестью зрелых плодов, мелькали мимо виноградники, шаловливо журчали ручьи под мостами, а путники ничего не замечали вокруг и хранили скорбное молчание.

Джордано мучила одна неотвязная дума:

«Застану ли мать в живых?..»

Он вспоминал, как в детстве, набегавшись за день по полям и рощам, он влетал в скромную хижину и с размаху бросался к матери, готовившей ужин у очага. А та, утомленная дневным трудом, с бледными щеками и потухшими глазами, сразу оживлялась, гладила сына по волнистым волосам, участливо слушала его незатейливые ребячьи новости.

«Мама, мама... Обремененный повседневными заботами, я редко вспоминал о тебе... Прости меня, родная!..»

Джордано застал мать при последнем издыхании. Иссохшая, маленькая, она лежала на смертном ложе, и глаза ее, как всегда при виде сына, просветлели.

– Встретимся там, – прошептала умирающая, пытаясь показать исхудалой рукой на небо.

Это были последние слова Фраулисы Саволино.

Отец точно окаменел от горя. Он молча сидел около гроба жены, опустив большую седую голову на руки. Бесполезно было его утешать: на земле не стало вечной труженицы Фраулисы, а в загробную встречу Джованни Бруно не верил.

Похороны были торжественные. Уважая верования жены, Бруно пригласил на отпевание трех патеров. Молодой диакон Джордано, идя за гробом матери, с горьким чувством думал о том, как порадовалась бы она, если б могла видеть, что ее сын совершает богослужение.

– Как же ты будешь жить один, друг? – участливо спросил вдовца Джакомо Саволино. – Переезжай к нам в Неаполь. Кусок хлеба для тебя всегда найдется.

Старый воин благодарно пожал руку Джакомо, но ничего не ответил, только ниже опустил голову.

После поминальной трапезы, затянувшейся до позднего вечера, все спали тяжелым сном без сновидений. А утром Джованни Бруно в доме не оказалось. Родные не придали этому значения, но вскоре прибежал взволнованный Марко, семилетний сын Шипионе Саволино.

– Я видел в лесу дядю Джованни, – кричал он, тараща круглые испуганные глазенки. – Дядя Джованни велел всем сказать, что он ушел навсе... навсе... гда!

– Как навсегда?! – переспросил пораженный Джордано.

– Дядя Джованни еще сказал, что не надо его искать, все равно он не вернется...

Осмотрели хижину. Отставной знаменосец унес с собой только котомку, глиняную кружку, нож и ложку, немного хлеба и сыра... Пять флоринов, предназначенные в уплату монахам за поминание души покойной Фраулисы, лежали на столе.

– Ушел странствовать, – горестно молвил Джордано. – Ему тяжело здесь жить...

– А нам бедный Джованни побоялся стать обузой, – добавила Васта.

Поручив Шипионе продать оставшееся после супругов Бруно имущество (не много его было!) и сберечь деньги на случай возвращения странника, Джордано и чета Саволино возвратились в Неаполь.

И снова, как пять лет назад, Джордано медленно поднимался по крутому склону холма к монастырской стене. Тогда он потерял Ревекку, теперь же лишился матери, а отец ушел в неизвестное странствие по пыльным дорогам Италии. Суждено ли им свидеться?

Бруно снова весь отдался науке. Отсидев в аудитории положенное число часов, он спешил в библиотеку, где его радостно встречали дон Аннибале и его помощник, субдиакон Алессо Ронка.

Должность помощника была учреждена по просьбе стареющего и больного библиотекаря. Дон Марио усиленно старался провести на нее своего кандидата, но аббат благоволил к субдиакону Ронка после его удачной поездки во Флоренцию, и победа осталась за Алессо.

Ронка уже хорошо разбирался в латыни и мог найти по каталогу любую книгу. Его огненная шевелюра появлялась то под самым потолком, где на верхних полках стояли фолианты, то скрывалась среди книжных залежей запасных хранилищ, а веселый громкий голос оживлял тишину унылых зал. Дон Аннибале благодарил Бога за то, что он послал ему такого помощника.

Бруно садился на свое излюбленное место против большого круглого окна, раскрывал книгу, и все окружающее для него исчезало. Он погружался в

математические изыскания Джироламо Фракасторо или читал труды Николая Кузанского, который еще столетие назад, опровергая Аристотеля и Птоломея и самое учение церкви, осмелился заявить, что Земля вовсе не является центром Вселенной, что ей не присуща неподвижность, так как она вращается. Николай Кузанский не приводил доказательств правильности своих взглядов, но ведь их не приводила и Библия! Николаю Кузанскому приходилось верить на слово, но ведь и Библия требовала слепой веры!

За три года, которые протекли со времени путешествия во Флоренцию, Бруно возмужал, приобрел серьезные научные познания, научился критически относиться к высказываниям философов и ученых.

За эти годы Бруно закончил университет и стал сам читать студентам курс диалектики. Он готовился к получению очередного ученого звания лектора, а чтобы его занятия проходили плодотворнее, ему по приказу мессера Паскуа отвели новую просторную келью.

Джордано также получил право приносить к себе из библиотеки любую книгу, кроме, конечно, запрещенных католической церковью. Но молодой ученый редко пользовался этим правом: он предпочитал по-прежнему работать в библиотеке.

В августе 1571 года в библиотеку пришла партия книг, выписанных доном Аннибале из Венеции. Алессо, стоя на коленях возле большого ящика, доставал переплетенные в кожу тома и вручал старому монаху, сидевшему в мягком кресле. Дон Аннибале рассматривал заглавие сквозь очки, недавно им приобретенные, прочитывал его вслух и передавал книгу Джордано, а тот разыскивал ее название в сопроводительном списке и отмечал, что книга получена.

Работа шла бесперебойно. И вдруг голос дона Аннибале дрогнул, когда он начал читать заглавие толстого тома в черном переплете:

– «Nicolai Copernici Torinensis...» Джордано! Алессо! Мальчики! – радостно крикнул библиотекарь. – Коперник! Мы получили Коперника!

В ту пору многие образованные люди в Европе слышали о труде польского астронома, но достать его было нелегко. В этом Бруно убедился, еще живя в доме дяди, когда искал сочинение Коперника у неаполитанских книготорговцев. И хотя это ему не удалось, его не оставляла надежда добыть необыкновенную книгу, один скупой пересказ которой определил жизненный путь пятнадцатилетнего Филиппе Бруно.

Мечта сбылась нескоро. Первое издание сочинения «Шесть книг об обращениях небесных сфер» вышло в 1543 году, и, по преданию, автор увидел его только на смертном одре. Выпущенная в небольшом количестве, книга была распродана, и экземпляры ее хранились в собраниях любителей и на полках монастырских библиотек.

После возвращения из Флоренции Джордано попросил дона Аннибале выписать «Обращения небесных сфер». Но лишь после трехлетней переписки с книгопродавцами разных стран желанная книга легла на стол библиотеки Сан-Доминико Маджоре. Это было второе издание, выпущенное в Базеле в 1566 году также на латинском языке. Оно в точности повторяло первое.

Бруно весь отдался изучению книги Коперника. Читать ее было далеко не просто: Коперник не заботился о простоте изложения; может быть, он хотел, чтобы церковники не сразу разобрались в сущности его теории. В те времена у авторов было в обычае посвящать произведения знатным лицам. Коперник посвятил сочинение папе Павлу III: это тоже являлось мерой предосторожности для спасения книги от преследования. А протестантский богослов Осиандер, против воли автора, снабдил его книгу предисловием, где писал, что взгляды автора вовсе не обязательно принимать за истину, что учение Коперника просто помогает заранее определять положение небесных светил, и только этим оно и полезно.

Церковникам пришлось по душе такое толкование учения Коперника: не научная истина, а удобный практический способ для астрономических вычислений. И поэтому на несколько десятилетий труд Коперника избежал запрета.

Но отцы церкви ошиблись в расчетах: им не удалось обезвредить новое учение. Книга Коперника сделала великое дело, для которого предназначалась. Она не только убила систему Птолемея, но и опровергла библейскую сказку о сотворении мира.

С чувством восхищения прочитал Джордано в посвящении книги Павлу III смелые строки:

«...Если болтуны, не сведующие в математических науках и тем не менее берущиеся судить о них, придерутся к моему учению, ссылаясь на священное писание и толкуя все на свой лад, – я не стану им возражать, так как слишком презираю их мнения».

«Вот так говорит настоящий ученый! – думал Джордано. – Отстаивая истину, он не опускает головы перед сильными и всего себя отдает науке».

Для работы не стало хватать дня, приходилось прихватывать часть ночи.

На галерее собора Сан-Доминико с вечера зажигался фонарь, напоминая горожанам, что благочестивые иноки и по ночам не спят, вознося молитвы за грешных людей. Для удобства астрономических наблюдений дона Аннибале и его помощников на галерею давно были подняты столик и несколько стульев. И это единственное место избрал Бруно для ночной работы.

Полная луна висела над горизонтом, отражаясь в спокойных водах залива. Вдали виднелись городские стены, ближе белели в лунном свете башни, дворцы, купола церквей, и редкие огни в окнах домов показывали, что почти весь Неаполь спит.

Склонившись над столом, поставленным близ фонаря, Джордано дочитывал главу книги, где Коперник объяснял движение планет. На лестнице послышались тяжелые шаги. Джордано насторожился. Кому понадобилось в такую пору нарушить его покой?

Из люка высунулась рыжая голова, потом появились широкие плечи под белой рясой, и Алессо со смущенной улыбкой подошел к Бруно:

– Прости, друг! Я помешал?

– Да нет, ничего...

– Не могу спать, – признался Алессо. – С тех пор как получили эту книгу, я все хочу понять, в чем не согласен Коперник с Птолемеем?

Любознательность простодушного Алессо тронула Бруно. Он потянул друга за рукав рясы.

– Садись и слушай. Видишь ли, люди с давних времен наблюдают небесные светила. И еще тысячи лет назад они заметили, что одни светила вращаются вместе с небесным сводом, никогда не покидая своих мест...

– Они наглухо прикреплены к небосводу? – предположил Алессо.

– Вряд ли это так, но впечатление получается такое. И эти светила люди назвали неподвижными звездами. Но есть другой род светил: они перемещаются среди звезд, как могли бы ползать светляки между фонариками, подвешенными к потолку.

– Постой, постой, учитель в школе говорил нам, что они называются планетами, – вспомнил Алессо. – И еще он объяснил, что слово «планета» по-гречески означает «блуждающая звезда».

– Я вижу, у тебя хорошая память, – подхватил Джордано. – Быть может, ты и назовешь планеты?

Алессо начал перечислять:

– Луна, Меркурий, Венера, Солнце... дальше забыл... Ага, Марс... Юпитер... Сатурн... Всего семь!

Добряк гордо замолчал, ожидая новой похвалы.

– Ты перечислил планеты, как они расположены в системе Птолемея. Видно, ваш учитель немало положил трудов, чтобы вбить в вас эти знания.

– Да, розгами били меня за это порядочно, – сознался Алессо.

– Так вот, друг мой, Птолемей был великим астрономом. Хотя он и заблуждался, я все же называю его великим за то, что он собрал и привел в стройную систему знания древних о небе.

– В чем же заблуждался Птолемей?

– Он считал, что Солнце, планеты и звезды вращаются вокруг Земли.

– А разве это не так? – удивился Алессо. – Мы же каждый день видим, как Солнце появляется на востоке, проходит по небу и скрывается на западе, чтобы утром снова начать свой обычный путь.

Бруно улыбнулся:

– Видишь ли, друг мой, миллионам людей в продолжение многих веков не приходило в голову, что это – обман зрения, и только Коперник – слава ему за это! – первый понял истину.

Джордано долго и старательно втолковывал другу основы учения польского астронома. Наконец Алессо со вздохом сказал:

– Теперь как будто понял. Значит, все планеты движутся вокруг Солнца по большим кругам.

– Правильно!

– И эти круги называются орбитами, от латинского слова *orbis* – круг?

– Тоже правильно.

– А вокруг Земли ходит одна лишь Луна?

– Я вижу, ты начинаешь разбираться, – одобрительно сказал Бруно.

– Слушай... – Голос Алессо понизился до боязливого шепота. – Так это, выходит, наша Земля – тоже планета?

– Конечно. Птолемей ставил ее в исключительное положение, считал центром Вселенной. А на деле она такая же планета, как Меркурий, как Венера, как Юпитер...

Алессо совсем растерялся.

– А может, и на тех планетах есть люди?

– Вполне возможно и даже вероятно, – ответил Джордано.

Алессо затрепетал.

– Мне страшно... А к ним тоже приходил Христос – спасти их души от первородного греха?..

– Я над этим вопросом не думал, – довольно резко сказал Джордано, – и не советую тебе делиться такими рассуждениями с кем-либо из монахов, конечно, кроме отца Аннибале. Он один поймет, а другие, пожалуй, обвинят тебя в ереси.

Взглянув на огорченное лицо друга, Бруно добавил:

– Не расстраивайся, Алессо! Я и сам еще далеко не все понимаю. Ведь учение Коперника так грандиозно, что перевернет всю науку о небе. Но пора спать, друг, вон уже появилась Венера, скоро наступит утро...

Ночные бдения продолжались. Повторялись и беседы на галерее собора. Под ясным небом Италии, при свете звезд, полной или ущербной луны Джордано терпеливо разъяснял другу непонятные для того места в учении Коперника.

Разъяснять другому можно только тогда, когда сам все понимаешь до тонкости. И Джордано пришлось вдумываться во многие неясности гелиоцентрической системы мира. Постепенно он стал приходить к выводу, что у гениального Коперника не всегда концы сходятся с концами.

Бруно стыдился себе признаться, но в глубине души был доволен. Ведь если бы его великий предшественник разработал безупречную систему мира, что оставалось бы делать ему, Джордано? А теперь он чувствовал, что еще многое и многое надо усовершенствовать в теории Коперника, чтобы она стала правильно изображать картину Вселенной.

Бруно считал, что Коперник в своей системе уделил недостаточно внимания звездам.

Когда-то греки представляли себе Вселенную очень маленькой. Коперник чрезвычайно расширил ее пределы.

В книге Коперника на чертеже, изображающем гелиоцентрическую систему мира, за орбитой Сатурна была показана «сфера неподвижных звезд». Бруно вспомнил свои детские разговоры с отцом и матерью, с Лодовико Тансилло, когда он, маленький Фелипе, лежал в саду, весь обожженный после опасного восхождения на Везувий. Звезды – глаза ангелов, звезды – божьи огни, горящие на небосклоне... Он давно уже перестал верить этим наивным легендам.

Но что говорит о звездах Коперник? По его взглядам, центр сферы неподвижных звезд – Солнце. Но эта сфера должна находиться на колоссальном расстоянии от Солнца, сам автор «Небесных сфер» называет земную орбиту ничтожной в сравнении с ней. И, однако, радиус земной орбиты, по расчетам Коперника, равен трем миллионам миль. Так каково же расстояние до звезд? Сотни миллионов, миллиарды миль!..

Голова Джордано закружилась, когда он попробовал представить себе такое расстояние. Он впервые почувствовал неизмеримость Вселенной, и громада собора закачалась под ним, словно Бруно оказался без опоры в бездне пространства...

В следующую ночь Джордано снова размышлял о звездах. Коперник все звезды прикрепляет к одной сфере... Все... Но все ли звезды Вселенной мы видим?

И вдруг по какому-то непостижимому вдохновению мысли Бруно перенеслись к очкам дона Аннибале. Очки дона Аннибале, недавно выписанные им из Венеции за большую цену, были сложным сооружением из костяных пластинок. Это сооружение хитроумно прикреплялось к лицу так, чтобы сильные двояковыпуклые стекла, вставленные в круглую оправу, приходились против глаз. Библиотекарь надевал этот прибор, читая мелкую книжную печать. Его помощники, Джордано и Алессо, в отсутствие старого монаха, не раз рассматривали очки, дивясь их удивительным свойствам.

Да, это было любопытно, и даже немного жутко, когда при взгляде через стекла маленькие буквы становились большими, гладкая бумага оказывалась шероховатой, и на ней проступали темные пятнышки, незаметные для простого глаза.

«А что, если... – У Джорданохватило дух от необычайного озарения ума. – Что, если бы придумать очки для наблюдений неба?.. Да, да, такой прибор, чтобы он увеличивал далекие предметы, как очки дона Аннибале увеличивают близкие!..»

Бруно представил себе стекла, через которые он смотрит на небо, и небо покрыто мириадами звезд!

Молодой астроном не мог усидеть на месте, он сделал несколько кругов по галерее, но все не мог успокоиться, новые мысли вихрем бежали одна за другой.

– Нет, я не могу оставаться в одиночестве! – воскликнул Джордано. – Я должен поделиться своими размышлениями с доном Аннибале!

Бруно ринулся вниз по лестнице, прыгая через несколько ступенек, рискуя оступиться и сломать себе шею. Он так шумел, что разбудил сторожа, дремавшего у входа на колокольню. Монах сердито забормотал:

– Кто это там? Брат Джордано?.. Что ты носишься как сумасшедший?.. Эх, молодость, молодость... – И он снова погрузился в мирный сон.

Джордано пробежал по молчаливым коридорам и постучался в келью библиотекаря. Чутко спавший монах мгновенно пробудился:

– Кто там?

– Это я, святой отец, Джордано!

– Входи, полуночник!

Захлебываясь словами, Бруно изложил свою идею дону Аннибале. Тот долго молчал: он впервые видел Джордано таким возбужденным и словоохотливым.

– Не знаю, что и сказать тебе, сын мой, – наконец заговорил старый монах. – Мои очки направляются на земные предметы, а твое воображение посягает на небо. Да, на недоступное, незыблемое небо!

– Незыблемое?! Святой отец, вспомните, мы с вами читали в астрономических книгах, что на небе иногда вспыхивали новые звезды. Значит, и там происходят перемены, как на нашей Земле. Но Вселенная так огромна, что люди с их кратким сроком жизни просто не успевают их замечать.

Старый монах задумался. Он не был упрям в своих суждениях и если чувствовал правоту противника в споре, то признавал ее.

– Может быть, ты и прав, мой мальчик, – сказал он, – хотя трудно привыкнуть к таким утверждениям. Так ты уверен, что люди когда-нибудь придумают «небесные очки» и увидят новые, доселе не доступные взору звезды?

– Я в этом твердо убежден, падре! – с восторгом воскликнул Джордано. – Ведь даже теперь люди с острым зрением видят гораздо больше звезд, чем близорукие. Я хорошо различаю Алькор, приютившийся у Мицара, а Ревекка не могла его разглядеть...

Лампада тускло освещала скромную келью дона Аннибале. Старый монах сидел на постели, закутавшись в изношенное одеяло, и слушал пылкие речи Джордано. А тот смело критиковал Коперника.

– Святой отец, «небесных очков» еще нет, но мы заменим их «очками разума». И сквозь них я вижу тысячи и тысячи звезд, которые слишком далеки от нас, чтобы быть доступными глазу человека. И почему же наш великий учитель считал, что все они – и эти невидимые нам звезды, и ярчайшие Сириус, Вега, Капелла, – что все они одинаково удалены от Солнца, прикреплены к одной сфере и вращаются вокруг нашего светила, которое ничем не отличается от всех прочих звезд?!

Дон Аннибале улыбался, покачивая седой головой:

– Ну, сын мой, тебя недаром прозвали в монастыре диалектиком! С тобой трудно спорить, и я не нахожу аргументов опровергнуть тебя.

– Их нет, падре, их нет! Поверьте, все, что я говорю, продиктовано строгими законами логики. Коперник не дошел в своих рассуждениях до логического конца? Почему он приковал звезды к одной сфере и нарек их неподвижными, когда в солнечной системе все движется, когда каждая планета бежит по своему извечному пути!

Глаза Джордано горели вдохновением, голос его звучал так громко, что дон Аннибале приказал ему замолчать.

– Ты разбудишь весь монастырь, сын мой! Иди с богом, оставь старику его немногие часы сна. Хотя вряд ли мне удастся забыться: ведь ты принес в этот крошечный уголок земного мира просторы Вселенной!..

Глава тринадцатая

Новая потеря

20 июля 1572 года, в воскресенье, Джордано Бруно был возведен в сан священника и получил неограниченную власть над верующими.

За несколько минут Бруно вновь словно прошел все первые ступени церковной иерархии. Прежде всего мальчишки-причетники надели на него подрясник послушника, и аббат, распорядившись церемонией, провозгласил:

– Novitius es!

Поверх подрясника причетники накинули на посвящаемого монашеский скапулярий, и послышался новый возглас:

– Ты – монах!

И еще облачение сверху:

– Ты – субдиакон!

Далее Бруно был облачен в одеяние диакона.

– Ты – диакон!

Джордано почувствовал, что ему трудно дышать под стиснувшей его грудой одежды. И все же причетники ухитрились натянуть на него парчовую ризу священника с прорезями вместо рукавов. И тогда началось главное – таинство рукоположения.

Бруно вывели на амвон, и епископ Неаполитанский, единственный в городе, кто имел право рукополагать в священники, возложил на голову Джордано руки. Были прочитаны соответствующие молитвы, пропеты песнопения, и Бруно стал священником. Даже тех мирян, которые втрое старше его, он отныне мог снисходительно называть «сын мой» или «дочь моя».

Новому священнику помазали пальцы «святым миром». Помазание означало, что Джордано получил священнический сан навечно, до самой смерти, и если самовольно сбросит его, то будет отлучен от церкви, проклят, как оскорбитель Бога и его наместника на земле, святейшего отца папы.

В тот же день в другой церкви и при менее пышной обстановке Алессо Ронка был возведен в диаконы.

В сентябре из Франции долетела страшная весть. В Париже, в ночь на святого Варфоломея, 24 августа 1572 года, свершилось одно из самых грандиозных злодейств католической церкви. В глухую полночь толпы вооруженных католиков напали на мирно спавших гугенотов, дома которых накануне были отмечены особыми значками.

Началась неопишуемая резня. Убивали безоружных мужчин, не щадили ни стариков, ни женщин, ни малых детей... Сам «христианнейший» король Карл IX Валуа с дворцового балкона расстреливал из мушкета полуодетых беглецов, радуясь удачному выстрелу.

В эту страшную ночь, вошедшую в историю под названием Варфоломеевской, в Париже и других городах погибло тридцать тысяч гугенотов.

И это изуверство, это чудовищное преступление было встречено безудержным ликованием католической церкви, как деяние, заслуживающее величайших похвал.

Римский папа Григорий XII совершил благодарственное моление в церкви Святого Людовика Французского. Во всех церквях Рима служились торжественные мессы. Вдохновительницу преступления Екатерину Медичи, мать французского короля, называли истинной дочерью церкви, библейской героиней. В память события была отлита специальная медаль...

В монастыре Сан-Доминико тоже должны были совершить благодарственную мессу, и Джордано Бруно как священник обязан был принять в ней участие. Он, Джордано, должен возносить Богу хвалу за убийство стариков и младенцев, матерей и невинных девушек!.. Вся кровь кипела в нем при этой мысли.

Но что делать? Бруно пошел к отцу Аннибале, открыл ему душу и просил помочь уклониться от участия в богослужении.

– Я понимаю тебя, сын мой, – сказал библиотекарь. – Христос учил: «Любите друг друга», а у нас эту заповедь забыли. Я стою на краю могилы и никого

не осуждаю, но тебе помогу. Ведь недаром я в молодости изучал медицину у самого Фракасторо. – Дон Аннибале достал из своей аптечки пакетик с порошком. – Прими это на рассвете в день мессы. Оно тебя не убьет, но придется помучиться, – с улыбкой добавил монах.

Утром, в день праздника, у Джордано открылась неукротимая рвота, слабость приковала его к постели, и монастырский лекарь приказал больному трое суток лежать.

Семьдесят третий год принес Бруно большое горе: умер его дядя Джакомо Саволино. Неукротимый старик, не веривший в загробную жизнь и католические догматы, отказался исповедаться перед смертью, и церковники запретили хоронить его на христианском кладбище. Могилу ему выкопали у подножия Везувия рядом с могилой Ревекки. Васта сказала племяннику, что перед смертью Джакомо выразил желание покоемся рядом со своей любимицей. Это желание исполнилось.

Синьора Васта продала дом и все имущество, чтобы внести вклад в монастырь Санта-Кьяра. Она решила доживать там старческие годы под черной мантией монахини.

Когда Джордано в последний раз посетил скромный домик, где провел столько счастливых дней, тетка вышла к нему с большим свертком, раскрыла его.

– Моя кольчуга! – воскликнул изумленный Бруно.

– Я берегла ее все эти годы. Недавно отдавала мастеру – расширить по твоей фигуре. Ты ведь теперь мужчина, – улыбнулась старушка сквозь слезы.

– Милая тетя! Зачем мне кольчуга, я не солдат.

– Неизвестно, что с тобой случится в жизни, – строго сказала тетка.

Чтобы пронести кольчугу в монастырь, Джордано надел ее под одежду, как в былые дни, когда в пансионе Саволино жила прекрасная Ревекка. Заодно он взял и кинжал, память о дяде. Теперь у Бруно была просторная келья, и он мог спрятать там кольчугу и оружие.

Васта обняла и расцеловала племянника, которому отдала так много душевных сил за протекшие годы, и они расстались навсегда.

Рвались последние нити, связывавшие Джордано Бруно с оставленным миром. Умерла мать, отправился странствовать отец. А теперь и беседы с дядей Джакомо ушли в прошлое. Бруно излагал ему свои взгляды на Вселенную, которые зрели в нем после знакомства с книгой Коперника. И дядя, простой земледелец в молодости, а потом скрывавшийся бунтовщик, неудачливый купец, содержатель ученического пансиона, человек, много повидавший в жизни, сталкивавшийся с гуманистами, прочитавший немало мудрых книг, был для Бруно таким же умным собеседником, как дон Аннибале. Сер Джакомо понимал молодого ученого, горячо сочувствовал его идеям... Теперь и это ушло в прошлое, и у Джордано остались лишь два друга: Алессо Ронка и дон Аннибале.

Глава четырнадцатая

Тучи сгущаются

Бруно принужден был прекратить астрономические наблюдения с галереи собора Сан-Доминико. Это случилось через год после того, как он получил сан священника.

Молодого патера вызвал аббат Паскуа. Пригласив его сесть, аббат заговорил:

– Восемь лет назад ты вошел в наш монастырь скромным новицием, брат Джордано. Большой путь проделал ты за эти годы, путь, доступный не всякому, и я тобой доволен. Но есть одно, о чем я должен отечески с тобой говорить.

– Я слушаю мессера.

– Известно ли тебе, что братия пренебрежительно называет тебя звездочетом?

– Я это знаю, мессер, но не обращаю внимания на насмешки невежественных людей.

– Ты высокого мнения о себе!

– Сам мессер не раз мне его внушал.

Настоятель побагровел. Трудно спорить с Джордано, он всегда находит аргументы, сбивающие противника с толку.

Мессер Паскуа продолжал:

– Я считаю, что духовному лицу не подобает карабкаться на колокольню и исчислять по ночам движение планет.

– Почтительнейше прошу прощения у мессера и осмеливаюсь утверждать, что духовный сан не помеха занятиям астрономией. Доказательством тому жизнь вармийского каноника, достопочтенного Николая Коперника, который свершил для развития этой благородной науки больше, чем светские ученые за тысячу лет.

– Коперник? – сердито переспросил настоятель. – Я слышал о Копернике: это он виноват в том, что брат Джордано Бруно вместо писания богословских трактатов взбирается по ночам на соборную галерею. Но я принял свои меры в отношении Коперника.

Бруно спросил себя, какие меры мог принять аббат Паскуа против ученого, умершего тридцать лет назад. Он узнал об этом, когда покинул келью настоятеля, выслушав строгий приказ прекратить наблюдения за небом, и отправился в библиотеку. Его встретил обеспокоенный дон Аннибале и сообщил, что по приказу аббата труд Коперника унесли.

– Ты обойдешься без «Обращений небесных сфер», сын мой?

Джордано покачал головой.

– Гонители истины пытаются задушить ее в зародыше, но они ошибаются. Я взял у Коперника и у небосвода все, что мне было нужно, а теперь мне будут помогать в моих размышлениях очки разума!

Дон Аннибале улыбнулся, его синие глаза засветились лаской.

– Как видно, ты не забыл наш ночной разговор о «небесных очках» и «очках разума»?

– Я помню, падре! «Очки разума» – это логика, суровая логика, которая отсеивает истину от заблуждения и позволяет видеть недоступное простому наблюдателю.

Еще долгие годы раздумий понадобились Джордано Бруно, чтобы окончательно сложилось его смелое научное мировоззрение, но основные черты его возникли в стенах монастыря Сан-Доминико Маджоре, и этому не могли помешать никакие запреты тупых церковников.

Летним вечером 1574 года у профессора Джисмондо Бандинелло шла пирушка. Веселый шум, доносившийся из-за двери профессорской кельи, никого не удивлял: все знали, что отец Джисмондо лечит свою болезнь.

Джисмондо Бандинелло, профессор древнееврейского языка, уверял, что к нему в рот во время сна заползла лягушка и прижилась в его желудке. Частенько лягушка начинала барахтаться в животе почтенного академика, и утихомирить ее можно было только несколькими бутылками вина, выпитыми в дружеской компании. После этого лекции Бандинелло снимались или заменялись другими. Но так как ученый гебраист не подсиживал коллег и снисходительно относился к студентам, то его любили и товарищи и ученики.

На этот раз у отца Джисмондо, кроме очередного буйства лягушки, нашлась и другая причина созвать приятелей: Джордано Бруно, его любимый ученик, а в последние годы и сослуживец, получил ученое звание лектора. Джордано долго отказывался идти к Бандинелло, но профессор все же затащил его и усадил на почетное место.

В числе приглашенных, кроме нескольких университетских преподавателей, оказался Монтальчино, сам напросившийся к отцу Джисмондо в гости.

Проповедник церкви Святого Павла в Неаполе Агостино Монтальчино, родом испанец, был человеком весьма недалеким, но мнил себя великим знатоком богословия. Отец Агостино прославился в городе благочестием. Он строго соблюдал посты и истязал свою грешную плоть бичом. Злые языки говорили, что Монтальчино настолько наострился в искусстве бичевания, что от ударов совсем не оставалось рубцов на теле. Подавал он и милостыню нищим – по две-три монетки в день. Монтальчино считал свои заслуги перед Богом весьма большими.

На пирушке разговор велся на богословские темы. Джордано говорил, как всегда, откровенно.

Критикуя догмат о двойственной природе Христа, Бруно смело заявил:

– У толкователей писания один общий недостаток: они пытаются пришить штанину к рукаву и доказать, что у них получился костюм. Да и в самом деле: как может совместиться несовместимое? Могут ли соединиться в Христе два начала: божеское и человеческое? Это так же невозможно, как невозможно соединить воедино человека и лошадь и получить кентавра, да еще такого, как Хирон, превышающего и лошадь и человека!

Собеседники Бруно выпили уже порядочно, но слова молодого ученого заставили их насторожиться: не часто услышишь такое от правоверного католика!

Джордано не угомонился. Насмешливо глядя в холодные серые глаза Монтальчино, он продолжал:

– Я слышал на улице интересный разговор о троичности божества. Один горожанин сказал другому: «Говорят, что Бог один, но в трех лицах: Бог отец, Бог сын, Бог дух святой. А я этого не понимаю. Разве у нашего Бога три головы?» А другой ему ответил: «Дурак, ты смыслишь в богословии меньше, чем древние язычники, которые верили в трехголового Цербера».

Дерзость слов Бруно заставила мгновенно протрезвиться отуманенные головы монахов, и они быстро покинули келью отца Джисмондо. А Монтальчино, вернувшись домой, записал слова Бруно в тетрадку, в которой собирал материал для доносов.

Бруно задыхался в окружавшем его мире лицемерия и время от времени откровенно выражал свои мысли, хотя и знал, чем это ему грозит. Выступая перед студентами, он критиковал догматы католической религии, едко вскрывал противоречия в книгах отцов церкви.

Тучи все больше сгущались над головой Джордано Бруно.

...В 74-м году, после пятилетнего отсутствия в Сан-Доминико Маджоре, снова появился Хиль Ромеро. Где провел эти годы мрачный монах, знал только приор, с которым Хиль поддерживал переписку. В донесениях тайный агент иезуитов рассказывал о своей деятельности в доминиканских монастырях, куда он являлся с мандатом от Рима. Искусными наговорами и сплетнями Хиль сеял вражду между монахами, и благодаря его интригам уже один аббат и два приора лишились постов.

Деятельность Хиля не оставалась без наград, и, когда дон Марио читал его письма, написанные секретным шифром, фигура Ромеро вырастала в его глазах.

«Я недооценивал брата Хиля, – думал приор, – он может оказать мне большие услуги в борьбе с мессером аббатом».

И он добился возвращения Ромеро в Неаполь.

Появившись в Сан-Доминико Маджоре, Хиль с яростью увидел, что за протекшие годы Джордано поднялся еще выше. Джордано – священник, лектор университета, красивый ловкий молодой человек, изящный даже в широкополой рясе. А Хиль – все тот же рядовой монах, и хотя уже достиг в иезуитском ордене степени «духовного кандидата», здесь, у доминиканцев, этот высокий сан

приходилось скрывать. В Сан-Доминико были и другие тайные иезуиты, но среди них только дон Марио, состоявший в классе «исповедников трех обетов», был выше Хиля Ромеро.

Как хотел бы смиренный брат Хиль бросить в лицо Джордано гордое признание в том, что он, Ромеро, по своему положению в ордене иезуитов стоит не ниже, чем Бруно в ордене святого Доминико! Но, увы, это было невозможно! Ромеро уподоблялся нищему, хранящему в складках рубища бесценный алмаз, но не имеющему права воспользоваться им для своего блага. И это сознание мучило Хиля Ромеро, как непрерывная пытка...

Была у Ромеро и другая причина для душевной муки. На последней аудиенции в Мадриде прокуратор хотя и милостиво разговаривал с Хилем, но дал понять, что возложенное на него поручение – уничтожить восходящую звезду доминиканцев, Бруно, – выполняется чересчур уж долго. В этих словах звучала угроза.

Ромеро стал изыскивать способы погубить Бруно, не подвергая себя опасности. Дон Марио свел Хиля с проповедником Монтальчино, который также оказался иезуитом, состоящим в классе «исповедников трех обетов». Порчелли, Монтальчино и Ромеро составили план действий, обещавший покончить с Бруно и тем самым подорвать положение аббата.

Монтальчино предложил мессеру Паскуа для привлечения верующих устраивать религиозные диспуты в храме Сан-Доминико в праздничные дни. Самолюбие не позволило настоятелю отказаться. Хотя в спорах должны были участвовать многие профессора и студенты, аббат выставил основным противником Монтальчино молодого лектора Джордано Бруно. На это и рассчитывали его враги.

Монтальчино, высокий, тощий, говорил тихим голосом, вставляя в свою речь множество учтивых слов и любезностей оппоненту. Но если очистить его высказывания от словесной шелухи, то получалось, что оппонент дона Агостино ничего не смыслит в писании и гораздо лучше поступил бы, если б отказался от словопрений с человеком, который неизмеримо умнее и учнее его.

Дон Агостино терпел постоянные поражения в диспутах с Бруно, но пылкий ноланец часто переходил границы дозволенного и давал поводы для обвинения его в ереси. А от Хиля Ромеро дон Агостино узнавал смелые высказывания Джордано о религии, переходившие в монастыре из уст в уста.

Монтальчино все это аккуратно записывал.

Наступил 1575 год, юбилейный год римского престола, отмечавшийся каждую четверть века. Во всех католических странах этот год ознаменовывался усиленными поборами в папскую казну. В Риме торжества следовали за торжествами. Щедро раздавались кардинальские мантии и награды, из монастырских подвалов выпускались заключенные, совершившие не слишком тяжкие проступки. Кое-что перепало и низшему духовенству.

Частичка папской милости досталась диакону Алессо Ронка: по представлению мессера Паскуа из Рима пришло разрешение возвести Алессо в долгожданный сан священника.

Узнав об этом, Ронка ворвался в келью Бруно.

– Джордано, друг мой, брат мой, свершилось! – в восторге кричал он. – Меня посвящают! Мне дают приход!

– Поздравляю! – Бруно горячо обнял друга. – Сбылось то, о чем ты мечтал еще в тот день, когда мы встретились с тобой.

– Да, моя мечта исполнилась, но... но...

Алессо низко опустил голову, и из глаз его покатались слезы.

– О чем ты?

– Я радуюсь, себялюбца, а тебе одному придется противостоять ненависти донна Марио и всех порчеллистов. Ведь надо говорить правду: мессер Паскуа относится к тебе хорошо, но больше всего на свете заботится о самом себе. И если с тобой стряется беда, аббат тебя не защитит. Джордано, брат родной, скажи слово, одно только слово, и я откажусь от сана и буду по-прежнему, как верный сторожевой пес, охранять твой покой.

Джордано необычайно взволновала преданность друга. Священнический сан, спокойная, обеспеченная жизнь, благополучие забытых, униженных сестер... все это яркой путеводной звездой светило бедному труженику из неизмеримой дали, и, когда цель достигнута, отвергнуть счастье, и такое счастье! Это – дружба, это – высокая чистота души, она – здесь, а не там, где под раззолоченными ризами бьются пустые, холодные сердца.

Скрывая свои чувства, Джордано грубовато прикрикнул:

– Алессо, ты с ума сошел! Даже и думать об этом не смей!

– Но позволь, как же ты останешься здесь без меня?

– Алессо, милый мой, поверь, что я ценю твою дружбу и твоё покровительство выше всего на свете! Но ведь найдутся у меня в монастыре и другие защитники.

– Кто?

– Да хотя бы Нино Виллани!

Лет семь назад Нино Виллани оказал Джордано важную услугу: это он, пробравшись с помощью Алессо сквозь окно над дверью, подменил еретическую книгу благочестивыми «Радостями Богоматери».

Когда дело с доносом Хиля Ромеро окончилось для Бруно благополучно, он разыскал малыша Нино и горячо его благодарил. Взаимная симпатия, зародившаяся в те далекие дни, обратилась в крепкую дружбу. Теперь Нино был уже студентом, и не из плохих, хотя его проказы не раз навлекали на него гнев ректора.

Виллани и его ближайшие друзья были горячими приверженцами Бруно, считали его лучшим лектором в университете и во всеуслышание об этом заявляли, к неудовольствию профессоров.

– Ну что ж, – согласился Алессо. – На Нино Виллани можно положиться.

Глава пятнадцатая

В мирном оазисе

Алессо получил приход в деревушке Сан-Микеле, недалеко от Поццуоли; там были его родные места.

Расставаясь, Алессо умолял друга:

– Джордано, ты должен навестить меня! Если не приедешь, то я... то мне...

Он не оставил Бруно в покое, пока не вынудил у него обещание. Это обещание Джордано решил выполнить через три месяца, в начале летних каникул. Он написал Алессо и отправил письмо с нарочным.

Когда Бруно подъезжал на муле к деревушке Сан-Микеле, его поразило необычайное оживление. На колокольне зазвонили колокола, на береговых утесах показались дымки, и гулкие звуки выстрелов огласили окрестность.

«Кого они встречают?» – подумал Бруно.

Его недоумение усилилось, когда церковные двери распахнулись, и оттуда повалила толпа народа. Несли хоругви, знамена, иконы, горящие свечи, и впереди всех гигантскими шагами спешил рыжекудрый великан с чашей святых даров, высоко поднятой в руке.

– Осанна, осанна! – гремел хор.

Слышались возгласы:

– Да здравствует ученейший Джордано Бруно! Многая лета монсеньеру Бруно, многая лета! Слава, слава монсеньеру Бруно, слава!

И тут только Джордано понял: встречают его!

Спрыгнув с мула, которого тут же подхватили мальчишки, Бруно поспешил к другу, и они расцеловались.

– Что ты делаешь, безумец? – шепнул Бруно. – Ты встречаешь меня по чину епископа!

– Сделали ли мне все епископы мира хоть сотую долю того, что сделал для меня ты, Джордано! – величаво ответил Алессо.

Бруно с изумлением заметил, как изменились манеры друга, какую он обрел уверенность, властность взгляда, силу жестов.

– Но ведь это может дойти до твоего начальства, – обеспокоился Бруно.

Алессо обернулся к толпе:

– Дети мои, монсеньер опасается, что духовному начальству станет известно о встрече монсеньера неподобающим его сану образом...

Толпа грянула смехом: такой нелепой показалась мысль, что в дружной семье рыбаков Сан-Микеле может найтись доносчик.

Джордано взгляделся: суровые, обветренные лица под соломенными шляпами, честные открытые глаза, где не было затаенных мыслей... Да, на этих людей можно положиться и в час покоя, и в час борьбы.

После торжественной мессы, которую служили сразу два священника – этого не видала древняя церквушка за все века своего существования, – Алессо повел гостя в свой дом.

Это был уютный домик, скрывавшийся под навесом скалы от ударов ветра, и из двух его окон открывался чудесный вид на залив Гаэта, то тихий и ласковый, то покрытый сердитыми валами и вечно меняющий свой цвет от лазурного, зеленого или нежно-фиолетового до темно-синего, почти черного перед бурей.

Джордано встретили сестры патера, такие же сильные и рослые, как их брат. Старшая была вдовой: ее муж, рыбак Луиджи Альтовити, погиб в море лет шесть тому назад. Младшие дети Виветты с боязливым любопытством издали глядели на незнакомого патера, и только немудреными сластями, купленными по дороге, Джордано сумел расположить их к себе.

Зато Ченчо, рослый тринадцатилетний мальчуган, сразу привязался к Бруно и почти не отходил от него всю неделю, пока тот жил у друга.

Хорошее это было для Джордано время, свободное от забот и душевных волнений. Друзья купались в море, ловили рыбу, а обитатели Сан-Микеле катали их по морю. Джордано и Алессо вспоминали, как они бежали из Флоренции, как плыли по Арно... Ченчо слушал их как зачарованный и горько сожалел, что это не он был на месте дяди.

Уезжая, Бруно просил не устраивать проводов. Алессо внял просьбе друга. Когда они приблизились к большой дороге, Ронка сказал:

– Послушай, Джордано, если тебе будет грозить беда, постарайся пробраться к нам. Здесь можно жить в безопасности. Испанцам у нас нечего делать, папские сбирьы сюда не доберутся, а если и явятся, то их здесь убьют.

– Спасибо, друг, в случае нужды я не забуду твоего предложения.

– И еще вот что скажу тебе, – застыдившись, молвил Ронка, – и это будет в первый и последний раз, но в моем сердце останется до могилы. Бог сотворил мое тело, а ты создал душу – и я чту тебя наравне с Богом!

И, точно испугавшись чрезмерности своих слов, немислимых в устах священнослужителя, Ронка повернулся и быстро пошел к морю, и долго еще видел Джордано его золотистую голову, мелькавшую среди кустов.

Вскоре после возвращения из Сан-Микеле Бруно защитил докторскую диссертацию в Римском университете и получил право подписываться гордым

титолом, высоко ценимым во всем христианском мире: «Римский доктор богословия».

Возвращаясь из Рима, Джордано имел необычайную встречу.

С тех пор как Джованни Бруно ушел из дома, Джордано всегда присматривался к нищим и странникам, попадавшим на дорогах. В нем жила неистребимая надежда найти отца.

Вблизи Террачины Бруно завидел сидевшего у края дороги нищего старика и направился к нему. Оказалось, что старик был слеп. Его поведение удивило Бруно. Он не кланялся назойливо подаянку, как другие, а читал стихи, двигая в такт худыми слабыми руками. Что-то в фигуре слепца, в созвучии стихов показалось Джордано знакомым. Он слез с мула, подошел...

Боже праведный! Эти впалые щеки, опаленные безжалостным солнцем Италии, эти провалившиеся незрячие глаза, длинные седые волосы, запорошенные тонкой пылью проезжих дорог... Было во всем этом что-то бесконечно жалкое, приниженное, но знакомое, родное...

– Учитель! Крестный!.. – воскликнул потрясенный Бруно.

Слепец вздрогнул, попытался приподняться. Недоверчивая радость начала проступать на его изможденном лице, но он еще сомневался.

– Это грёза... видение... – бормотал несчастный. – Этого не может быть!..

И вдруг он встал, преображенный, и, высоко подняв голову, произнес:

– «Куда безумно мчимся мы? Дерзанье...»

– «...нам принесет в расплату лишь страданье!» – подхватил Джордано запомнившиеся с детства стихи Лодовико Тансилло, и голос его смолк, прерванный рыданием.

– Да, это он... Это мой Фелипе!

Слепой шагнул вперед, и крепкие объятия приняли его.

Тансилло, не помня себя от счастья, ощупывал исхудалыми руками лицо Джордано. Точно боясь, что сладостное видение исчезнет, слепец обхватил шею Бруно и что-то шептал едва слышным голосом.

– Учитель, милый учитель! – воскликнул Бруно. – Как вы здесь оказались в таком положении?

– Судьба! – скорбно ответил Лодовико. – «Дерзанье принесет в расплату лишь страданье...» Я дерзнул быть патриотом, и вот награда! Когда меня поразила слепота, друзья давали мне средства к жизни... Но смерть унесла самых преданных и главного среди них, твоего дядю Джакомо. Иные разбрелись, попали в тюрьму или отправились странствовать, как твой отец. И вот я на дороге... Ну что же, Бог утешил меня, послав последнюю земную радость. Прощай, Фелипе!

Джордано показалось, что его сердце обдало холодом.

– Почему вы прощаетесь со мной, учитель?

– А что ты будешь со мной делать? Ты – монах, бессребреник, у тебя нет своего крова.

Джордано горячо прижал к себе старика:

– Крестный, я найду вам кров!.. Вас приютит мой друг Алессо!

Крупные слезы покатались из незрячих глаз Лодовико Тансилло.

Джордано отвез поэта в ближнюю тратторию, накормил, купил ему одежду... На следующий день Бруно нанял второго мула, и они вместе поехали в Неаполь. Взаимным расспросам и рассказам не было конца.

Бруно устроил синьора Лодовико вблизи монастыря и послал письмо Алессо. Через несколько дней сельский патер появился в келье Бруно. Он был вне себя от радости и гордости, что понадобился Джордано, что именно к нему обратился друг за помощью.

Увозя Тансилло, он говорил:

– Я рано потерял отца, синьор Лодовико, и вы будете моим отцом, а детишкам сестры Виветты наставником и добрым дедушкой...
Старик плакал от счастья.

Глава шестнадцатая
Сто тридцать пунктов

Поздней осенью 1575 года римский доктор богословия, достопочтенный отец Джордано Бруно сидел за письменным столом в келье из двух хорошо обставленных комнат, которая сменила его скромную студенческую каморку. Бруно было только двадцать семь лет, но годы уже провели первые морщины на его высоком лбу, разбросали ранние нити седины в русых волосах.

Джордано был погружен в тягостное раздумье. Утром этого дня его предупредили, что ему надлежит предстать перед судом святейшей инквизиции. Бруно догадался, что обязан этим дону Марио, на днях вернувшемуся из Рима.

Молодой ученый не ошибся. Борьба между аббатом и приором длилась уже много месяцев. Бруно критиковал догматы католической веры слишком часто и резко, и замять дело было невозможно. Но мессер Паскуа настаивал на том, чтобы обсудить взгляды Джордано в капитуле, где у аббата было большинство и приговор оказался бы не слишком суровым. Дон Марио требовал суда инквизиции. Не получив успеха на месте, приор поехал в папскую столицу и там с помощью покровителей-иезуитов добился своего.

Продолжать защищать Бруно стало опасно, и лицемерный аббат круто изменил позицию. Он не только отрекся от своего любимца, но и заявил, что ошибался в Бруно и считает правильным указ монсеньера прокуратора.

В основу обвинения лег пространный донос, состряпанный тремя иезуитами – Порчелли, Монтальчино и Ромеро.

Обвинение, предъявленное Бруно, включало целых сто тридцать пунктов. Недаром церковники копили «улики» целыми годами. Среди пунктов были и очень серьезные, где Бруно обвинялся в отрицании самых основ христианской веры, а были и смехотворно мелочные, вписанные, по-видимому, лишь для счета.

Заседание открылось в обширном низком подвале, тускло освещенном масляными светильниками. Судьи сидели за столом, покрытым черным сукном. Посредине массивной глыбой возвышался главный инквизитор, мессер Эрколе да Лукко, дворянин знатного происхождения, родственник герцогов Феррарских. В его суровых чертах не выразалось ни злобы, ни нетерпения: казалось, они были изваяны из камня, как у истукана, воздвигнутого бог весть когда на кургане в безлюдной степи. Остальные двое судей, незначительные монахи, во всем повиновались грозному начальнику.

Позади судейского стола на длинной стене была намалевана картинка ада. Проворные дьяволы поджаривали грешников на огромных сковородах, бросали, поддев двузубыми вилами, в озера кипящей смолы, распиливали деревянными пилами.

С правой стороны располагались свидетельские скамьи. Там сидели Агостино Монтальчино и несколько профессоров и студентов, согласившихся поддерживать обвинение против Бруно. Присутствовало и монастырское начальство: аббат Паскуа, приор Порчелли, отец ключарь и другие. Из-за спины свидетелей ободрительно улыбалось Джордано багровое полное лицо профессора Бандинелло: его пригласили как эксперта на случай разногласия между судом и обвиняемым в истолковании древнееврейских текстов Библии. Бруно стало легче, когда он увидел среди всех этих равнодушных или враждебных людей доброжелателя.

Слева на помосте, грубо сколоченном из досок, лежали орудия пытки: кнуты, железные сапоги, стягивавшиеся веревками на ногах истязуемого, воронка

пресвятой Маргариты, через которую в желудок человека вливалось огромное количество воды, и тому подобные жестокие изобретения палачей.

Бруно сидел одиноко на скамье, поставленной прямо перед судейским столом. Секретарь инквизиции, монах с вытянутым хищным лицом, похожий на облезлую крысу, начал читать обвинение.

– «Джордано, в миру Филиппо, родился в городе Нола в 1548 году от рождения господина нашего Иисуса Христа, – монотонно бубнил секретарь. – Отец его, Джованни Бруно, отставной знаменщик Неаполитанского конного полка, находится в безвестном отсутствии, а мать, Фраулиса Саволино, дочь земледельца, скончалась в 1570 году с полным соблюдением обрядов католической церкви. Означенный Джордано Ноланец вступил в орден святого Доминико 15 июня 1565 года...»

Дальше шел послужной список Бруно с указанием всех дат его продвижения по лестнице церковной иерархии и присвоения ученых степеней.

Огласив все эти данные, секретарь начал читать пункты обвинения.

– «Пункт 1. Джордано Ноланец в 1566 году выбросил из кельи изображения святых, оставив лишь распятие Христа, и был привлечен за это к суду монастырского капитула.

Пункт 2. Приговоренный капитулом к епитимьи и вынужденный вернуть иконы, означенный Джордано Ноланец не возжигал перед оными ни свеч, ни лампад и не совершал перед ними установленных молений.

Пункт 3. Джордано Ноланец, в келье которого в 1568 году при весьма подозрительных обстоятельствах была обнаружена книга о семи радостях богородицы, называл перед отцом инквизитором упомянутую книгу чрезвычайно душевспасительной, а в разговоре со студентом Якопо Кольчи именовал оную собранием благоглупостей, кое может вызвать при чтении лишь презрительный смех».

«И это стало известно, – подумал Бруно. – Значит, Кольчи – шпион».

Пункт следовал за пунктом. В большинстве это были незначительные проступки или давно порешенные дела, о которых Джордано позабыл. Но вот он насторожился: оглашалось очень серьезное обвинение.

– «Пункт 37. Джордано Ноланец отрицал двойственную природу Христа, утверждая, что божеское и человеческое в одном лице соединить так же невозможно, как соединить лошадь и человека и получить мудрого кентавра языческих мифов».

«Все, все записано, – горько думал Джордано. – И записано моими подлинными словами. О святой Доминико, как в твоём ордене развращают людей, как вытравливают из них сердца лучшие человеческие чувства...»

А там, за судейским столом, после ряда пунктов новый грозный удар.

– «Пункт 68. Джордано Ноланец отрицал троичность божества, утверждая, что учение о троичности создано святой церковью намного позднее воплощения господина нашего Иисуса Христа».

– И это действительно так, – беззвучно шептал Бруно. – Сам блаженный Августин пишет, что это учение сложилось в его времена. Но мои судьи видят в книгах лишь то, что им выгодно видеть...

Задумавшись, Бруно пропустил несколько пунктов, но имя Монтальчино заставило его насторожиться.

– «Пункт 83. На диспуте с достопочтеннейшим и ученейшим отцом Агостино Монтальчино означенный Джордано Ноланец, будто бы развивая тезисы Фомы Аквинского, проповедовал враждебные церкви взгляды».

«А это он метко уловил, – невольно улыбнулся про себя Бруно. – У этую ученюго сухаря есть нюх».

– «Пункт 84. На диспуте с отцом Монтальчино Джордано Ноланец излагал мнения Ария, Сабеллия и других осужденных церковью еретиков якобы с целью их опровергнуть, а на деле, чтобы распространять».

Ненависть сделала дона Агостино пронизательным!

Бруно посмотрел на скамью свидетелей. На лице Агостино выражалась злобная радость. Мессер Паскуа опустил глаза, отец приор что-то шептал ключарю, и только добродушный гебраист Бандинелло ободряюще улыбался обвиняемому.

В подвале было холодно и сыро, Джордано начала пробирать дрожь. Пламя светильников колебалось, по стенам двигались огромные черные тени, адский огонь на картине то словно разгорался, освещенный вспышками света, то вновь угасал.

Джордано посмотрел на председателя трибунала. Казалось, его со всех сторон окружали языки адского пламени, но монах не ощущал от этого никакого неудобства. Бруно подумал:

«Я бы согласился попасть в ад лишь для того, чтобы полюбоваться, как будут поджаривать эту винную бочку, дона Эрколе да Лукко. Его визг долетел бы до самого рая и помешал Господу Богу спокойно почивать...»

После ряда пунктов, выдвинутых Монтальчино, последовал такой, который заставил Бруно развеселиться:

– «Пункт 109. Джордано Ноланец в октябре 1571 года неуважительно отзывался о его святейшестве папе Пие V, да упокоится душа его в раю. Называл святейшего отца такими непотребными словами, кои даже не могут быть здесь приведены».

«Древний поэт сказал, что живая собака лучше мертвого льва, – подумал Бруно. – А моим обвинителям и дохлый лев пригодился...»

И снова важное обвинение:

– «Пункт 125. Джордано Ноланец весьма сожалел о предании очистительному огню еретика Мигеля Сервета. Означенный Джордано называл Сервета мужем разума и света и особенно одобрял его еретическое высказывание, что Бог есть природа».

Этот пункт был чуть ли не самым важным. Бруно, говоря с профессорами, выступая на диспутах и перед студентами, старался распространить свою идею о бесконечности Вселенной, правда, очень осторожно. Но, говоря об этом, он проводил мысль, что великое множество миров не могло быть создано библейским богом за малый до смешного срок – в шесть дней, – и что природа возникла как-то иначе, быть может, сама собой. И отсюда был один шаг до утверждения, что природа и Бог – одно и то же.

Чтение обвинительного заключения закончилось. Секретарь суда вручил Бруно копию, чтобы обвиняемый мог хорошо ознакомиться со всеми пунктами: он отказался от адвоката и заявил, что сам будет защищать себя. Следующее заседание назначили через неделю. Жертва была в их руках, и отцы инквизиторы не торопились.

Процесс пошел своим чередом. Судьи копались в прошлом Джордано, старались до тонкости выяснить его мнение о том или ином богословском вопросе, затронутым в обвинительном акте, пытались найти противоречие в его защитительных речах. Но Бруно был слишком сильным диалектиком, чтобы дать им такую возможность. Во избежание подлогов, которые могли сделать секретари, он сам писал показания и скреплял подписью каждый лист.

Бруно защищался искусно. Иные пункты он отметал за недоказанность, когда знал, что свидетелей нет и не будет. Другие объяснял тем, что собеседник понял его неправильно, что его высказывание вполне сходится с мнением такого-то отца церкви, изложенным в таком-то томе, на странице такой-то.

Заседание прерывалось, нужный том приносили из библиотеки, и ни разу не случалось, что Бруно ошибся, хотя на время процесса вход в библиотеку ему был воспрещен и за этим зорко следил Хиль Ромеро.

Одним из сильных аргументов, которые Бруно выдвигал в свою защиту, была ссылка на принцип двойственности, в какой-то мере признаваемый католической церковью. Принцип двойственной истины утверждал, что наука – одно, а вера – другое и что если в науке требуются доказательства, то вера их не требует.

– Высказывая свои мысли о строении Вселенной, – говорил Бруно, – я говорил как философ, а не как христианин.

И все-таки с каждым разом тень беды выступала все явственнее. Уж слишком много было обвинений, и самая многочисленность их давала суду понять, что перед ним по меньшей мере опасный вольнодумец. Да и не все обвинения, особенно важные, касавшиеся истолкования догматов, удавалось опровергнуть. Несмотря на все старания Бруно, в его объяснениях проскальзывали нотки несогласия с официальным мнением церкви.

После десятого заседания в зале суда возле орудий пытки появился палач – дюжий монах со зверским лицом. Про него шепотом говорили, что пострижение он принял, спасаясь от казни, к которой его присудили за множество убийств. Присутствие палача лишало Бруно необходимого спокойствия, указывало на слишком явное неравенство сторон. У одной – только слово, у другой – кнут, железо, огонь...

Глава семнадцатая

Бегство

Темной январской ночью в келью Бруно осторожно постучали. Тревожно спавший Джордано быстро открыл. В келью проскользнул возбужденный Нино Виллани.

– Маэстро! Вам надо бежать... спастись!

– Что ты узнал?

– Профессору Бандинелло удалось проведать, что завтра вечером вас станут пытаться, а потом прикуют на цепь в подвале. Он шепнул мне об этом...

– Да будет благословенна его доброта! Но как бежать? Хиль Ромеро всю ночь ходит по коридору.

Несмотря на серьезность положения, юноша рассмеялся:

– Одноглазый лежит в пустой келье с заткнутым ртом, запеленатый, как младенец, и дверь закрыта на ключ.

– Но он, наверно, узнал вас!

– Ну уж нет! Мы были в плащах и масках. Это добро у нас имеется: ведь мы, признаться, ходим в город по ночам. Одевайтесь, маэстро, берите нужное...

– Многое нужно бы взять, но... Видишь ли, Нино, в стене моей кельи есть тайник, где хранятся запрещенные книги.

– Запрещенные!.. – ахнул юноша. – Но это же гибель!

Джордано признался юному другу, что его дядя Джакомо за несколько месяцев до смерти подарил ему свое собрание запрещенных книг. И Бруно понемногу, скрывая под рясой, перенес сокровище в монастырь. В одной из стен его кельи оказалась ниша, и Джордано вдвоем с Алессо тайно приспособили ее под книгохранилище, а на стену повесили огромную картину религиозного содержания.

– Я был безумен, – молвил Джордано. – Мне следовало отдать книги в библиотеку, но я хотел иметь их всегда под рукой.

– Будем надеяться, маэстро, что ваш тайник не сразу откроют. А мы тем временем постараемся перенести книги к дону Аннибале.

Джордано надел под рясу кольчугу, взял кинжал, копию обвинительного заключения и небольшую сумму денег, которые у него имелись.

По совету Нино, он написал записку, где сообщал, что уходит в горы Чиленто, к повстанцам: он станет их духовным пастырем. Хотя это писалось для отвода глаз, однако такой поступок мог показаться вероятным: немало представителей низшего духовенства вступали в ряды борцов за свободу.

– Друг Нино, а как с Хилем?

– С этим мерзавцем? Мы откроем дверь его камеры послезавтра утром. Раньше это сделать невозможно: поднимет тревогу.

– Тогда...

Бруно улыбнулся и приписал:

«Уважаемый брат Хиль Ромеро за приличное вознаграждение согласился стать моим проводником. Прошу не судить его за это по возвращении: жажда золота толкает людей на худшие грехи».

– Вот это здорово! – воскликнул Нино, прочитав приписку. – Они и искать его не станут.

Юноша провел Джордано к потайной калитке.

– Привратник выпустил бы вас через главный вход, но зачем смущать совесть доброго старика?

Очутившись за стеной, Бруно спросил:

– Куда ты ведешь меня?

– Здесь неподалеку живет Пандольфо Бутера, отец моего товарища Карло. Сер Пандольфо – содержатель наемных мулов. Он человек надежный. В его доме пробудете до рассвета и, как только откроются городские ворота, отправитесь в путь... Куда? Я не хочу спрашивать.

– А я не намерен скрывать это от тебя. Я еду в Рим.

Нино побледнел:

– Вы хотите предать себя в лапы римской инквизиции, маэстро?

– Я не так уж простодушен, – улыбнулся Джордано. – Видишь ли, Нино, при защите моей докторской степени присутствовал ректор Римского университета, мессер Алессандро Тригона. Ему понравилась моя диссертация, и он предложил мне кафедру философии в своем университете.

– Но это было до предания вас суду, маэстро!

– Мессер Тригона человек влиятельный. Быть может, ему удастся добиться прекращения моего дела.

Виллани в сомнении покачал головой.

– Во всяком случае, – продолжал Бруно, – через него я узнаю, известно ли о моем процессе высшим церковным властям. Если опасность для меня велика, я покину папскую столицу.

– Это меняет дело, – согласился студент. – Но бога ради, маэстро, будьте осторожны! Вы едете в змеиное гнездо!

– Не беспокойся, мой друг, я не дам себя ужалить.

– Куда вам писать, если здесь откроется что-либо важное для вас?

– Пиши в монастырь Санта-Мария на имя аббата мессера Каппадоно. Мне передадут.

Джордано обнял юного студента, крепко пожал ему руку и вошел в дом сера Пандольфо. В полдень следующего дня он был далеко от Неаполя.

Часть четвертая

Италия

Глава первая

Рим

В Древнем Риме на берегу Тибра стоял храм богини Минервы, покровительницы наук и искусств. Прошли века, от храма остались развалины, и на этом месте был воздвигнут монастырь в честь Богородицы. Основатели монастыря хвастливо называли его Санта-Мария сопра Минерва, что означает: святая Мария выше Минервы. Церковники, ставившие богословие во главе наук, провозгласили своей покровительницей деву Марию.

В монастыре Санта-Мария сопра Минерва нашел пристанище Джордано Бруно по приезду в Рим. Настоятель, мессер Каппадоно, старичок с румяным лицом и серыми глазками, принял Джордано приветливо: он не раз встречался с молодым ученым, когда посещал Неаполь.

Мессер Каппадоно показал гостю свои владения. Бруно обратил внимание на мрачное приземистое здание с узкими зарешеченными окнами, выходявшее одной стороной на Тибр.

– Что это такое? – спросил он.

Добродушный аббат вздохнул.

– Это горечь моей жизни, дорогой брат, – сказал он, понижая голос. – Здесь томятся узники римской инквизиции. Хорошо еще, что у тюрьмы свое начальство, свои надзиратели, и я не имею к ним касательства. То, что там творится, – аббат перешел на шепот, – возмущает душу сострадательного человека. Но не будем говорить о таких тяжелых вещах, брат Джордано. Идите в свою келью, отдохните с дороги, а потом можете поработать в библиотеке. Конечно, у нас выбор книг не такой богатый, как в Сан-Доминико Маджоре, но смею уверить, есть ценные труды...

Джордано было не до занятий. Окно его кельи смотрело прямо на тюрьму, и это казалось Бруно плохим предзнаменованием.

На следующий день Джордано отправился к мессеру Тригона. Ректор Римского университета, высокий сутуловатый старик с курчавыми седыми волосами и строгим лицом, встретил посетителя радушно. Но он все более хмурился, слушая рассказ Бруно о его процессе.

– Я хочу быть с вами откровенным до конца, мессер! – сказал Джордано и подал ректору копию обвинительного заключения.

Мессер Тригона внимательно прочитал длинный документ и поднял на собеседника глаза, в которых выразилось сострадание.

– Боюсь, брат Джордано, что с таким списком обвинений вряд ли возможно вам получить должность, которую я предлагал несколько месяцев назад.

– Я этого и боялся, мессер, – признался Бруно. – Но у меня к вам большая просьба. Не сможете ли вы побывать в главном инквизиционном трибунале и выяснить, известно ли там о моем деле и как на него смотрят.

– Это трудное поручение, – сказал ректор. – Инквизиция не любит выдавать свои тайны. Но, к счастью, секретарь трибунала – мой бывший студент, сохранивший добрые чувства ко мне. Думаю, он не скроет истину. Приходите в понедельник.

– Я веряюсь вашей чести, мессер, – сказал побледневший Бруно. – Я видел тюрьму инквизиции в монастыре Санта-Мария...

– Вы могли об этом не говорить, – мягко, но решительно перебил мессер Тригона.

В ожидании назначенного срока Бруно целыми днями бродил по городу не столько для того, чтобы ознакомиться с его достопримечательностями, сколько с целью успокоить взволнованные мысли. И все же он иногда забывал о своем бедственном положении и любовался каким-нибудь величавым памятником старины.

Особенное восхищение вызывал у него Колизей – грандиозный памятник древности с сохранившейся частью стены, с уцелевшими колоннами, с огромной продолговатой ареной, где когда-то насмерть сражались гладиаторы для развлечения праздной толпы. Пусто и тихо было там, безмолвие нарушали лишь птицы, свившие гнезда на выступах колонн и в расселинах стены, да ящерица грелась на каменном сиденье ложи, быть может принадлежавшей знаменитому полководцу или сенатору...

Бруно подолгу стоял у замка Святого Ангела, твердыни, послужившей крепостью во время нашествия испанцев на Рим в 1527 году.

И какими мелкими и ничтожными в сравнении со старинными громадами представлялись современные строения в путанице узких и грязных улиц и переулков, извивавшихся по склонам холмов или следовавших изгибам Тибра. Древний Капитолий, где когда-то сосредоточивались общественные учреждения города, откуда рассылались послания, начинавшиеся гордыми словами: «Urbi et orbī», был застроен жилыми домами, с балконов которых свешивалось сушившееся белье, а у дверей болтали растрепанные кумушки.

«Измельчал семихолмный Рим, – с грустью думал Джордано, – папская власть подтачивает его, как язва больного...»

Наступил понедельник. Бруно с сильно бьющимся сердцем вошел в приемную мессера Тригона. По мрачному выражению его лица Джордано понял, что хороших вестей ждать не приходится.

– Вам угрожает большая опасность, брат Джордано, – без обиняков заявил ректор. – Сведения о вашем процессе поступали в римский трибунал регулярно после каждого заседания суда. О вашем бегстве уже известно, и его считают неоспоримым доказательством вашей виновности. Прокуратор доминиканского ордена монсеньер Систо ди Лука настроен против вас и считает, что пожизненное заключение будет для вас еще мягким наказанием.

– Лучше смерть! – вырвалось у Бруно.

– Из могилы нет возврата, а из тюрьмы люди иногда выходят. Впрочем, я не буду давать вам советы, брат, вы хоть и молоды, но умудрены жизнью.

– Горячо благодарю вас, мессер, за все, что вы для меня сделали! Прощайте!

Возвращаясь в монастырь, Бруно встретил у ворот человека в надвинутой на лоб шляпе.

Бруно узнал в нем погонщика мулов, который сопровождал его в Рим.

– Я долго ждал вас, падре, – пробормотал парень и сунул в руку Джордано пакет, добавив: – Из Неаполя.

Он тотчас скрылся, а Бруно прошел в свою келью. Письмо было от Нино. Молодой студент писал:

«Дорогой маэстро, сообщаю Вам немаловажные известия.

Утром после известной Вам ночи монастырь напоминал муравейник, куда бросили большой камень. Повсюду бегали люди, начиная от поварят и конюшенных мальчиков и до мессера аббата, мессера приора, главного инквизитора. Слышались крики:

– Где он? Куда девался? Ищите его!

Вас искали под церковными кафедрами, в исповедальнях, в дортуарах школяров и даже в стойлах мулов. Поистине, можно было подумать, что Бог лишил людей разума!

Пишущий эти строки притаился неподалеку от Вашей кельи и слышал, как ссорились мессер аббат и мессер приор. Мессер приор кричал:

– Ну, где же оно, ваше ученое светило, которое вы так долго защищали?

– А куда девался ваш любимец, поставленный сторожить в этом коридоре? – отвечал мессер аббат. – Наверное, кутит в городе.

Они еще долго препирались бы, но из Вашей кельи вышел главный инквизитор с известной Вам запиской. Мессер аббат принялся громко бранить сикофанта, а мессер приор его защищал и говорил, что по некоторым, одному ему известным обстоятельствам, тот не мог этого сделать, и если его нет в монастыре, значит, он уведен насильно. Мессер инквизитор не знал, кому из спорщиков верить, и вид у него был довольно растерянный...»

Джордано невольно улыбнулся, представив себе гневные лица ссорящихся аббата и приора, в то время как Хиль Ромеро лежал в холодной кладовой с заткнутым ртом, со связанными руками и ногами.

«Мальчик хорошо составил письмо, – подумал Бруно. – Ни одного имени не упомянул. Если бы его послание перехватила инквизиция, она никого не смогла бы привлечь. И почерк догадался изменить. Но посмотрим, что было дальше...»

«К несчастью, главному инквизитору пришлось в голову запереть дверь Вашей кельи на ключ и опечатать ее, так что мы не смогли выполнить намерения, о котором Вы знаете.

На рассвете следующего дня мы открыли дверь каморки, где лежал сикофант. Признаюсь, дорогой маэстро, у меня было желание оставить там эту гадину до ее смерти, но я на это не решился. И теперь об этом жалею. Сикофант после сырого чулана пролежал в лихорадке три дня, а потом сам обыскал вашу келью и, движимый ненавистью, нашел то, что ускользнуло от других...»

– Проклятый!.. – пробормотал Бруно. – Его злоба неистощима...

«Ваше положение стало очень опасным. Главный инквизитор мечет громы и молнии и утверждает, что новых доказательств достаточно, чтобы присудить Вас к самому жестокому наказанию.

И еще плохая новость: в монастыре быстро узнали, куда Вы уехали. Не понимаю, кто мог выдать тайну. За скромность того, у кого Вы провели ночь, и за его людей я ручаюсь, как за самого себя. Может быть, Вы вели себя неосторожно? Но не стоит ломать над этим голову. Доброжелатель, от которого Вы получили в ту ночь предупреждение, советует Вам возможно быстрее покинуть город, и мы все присоединяемся к его мнению. Сикофант пустится за Вами в погоню, как только получит необходимые полномочия, и это может произойти с часу на час».

Подписи под письмом не было.

«Нино хорошо сделал, что не написал мне на имя Каппадоно, – подумал Джордано. – Не стоило замешивать в наши дела старика».

Он еще раз перечитал письмо.

«Милый Нино, – растроганно подумал Джордано. – Как многим я ему обязан! А добряк Бандинелло, смогу ли я когда-нибудь его отблагодарить? Но, оказывается, мои дела еще хуже, чем я полагал после разговора с мессером Тригона. Хиль может нагрянуть каждую минуту. Значит, надо бежать. Но каким образом в монастыре так быстро узнали, что я в Риме?..»

В конце концов Джордано остановился на единственном возможном предположении. Как видно, по дороге в Рим он встретился с кем-то, знавшим его в лицо. Этот путешественник, вернувшись в Неаполь, рассказал о встрече с Бруно, быть может, даже без всякого умысла, и это дошло до монастыря.

«Судьба ко мне немилостива», – грустно решил Джордано.

Бруно быстро собрал то немногое, что захватил из монастыря. Он готов бежать от преследователя, но какой выбрать путь?

Три дороги вели из Рима. Одна в Неаполь, по которой недавно приехал Джордано. Другая шла в противоположную сторону через Чивитавеккью к Ливорно и Флоренции. Этой дорогой вдоль морского побережья ехали Алессо и Джордано, когда везли мессеру Бальони ноготь святой Репараты. Оба эти пути были закрыты для Бруно. Возвращаясь в Неаполь, он встретится с Ромеро, а

знакомый путь во Флоренцию невозможен, потому что Хиль, приехав в Рим, по всей вероятности, погонится за беглецом именно по этому пути.

Но оставалась третья дорога, имевшая направление на север, через Терни и Сполето к Адриатическому морю. По этой дороге и решил после недолгого размышления пуститься Бруно. Чтобы не оставлять за собой следа, он не стал нанимать мула.

Дело клонилось к вечеру. Джордано прошел через городские ворота незадолго до их закрытия и зашагал по дороге, справа от которой протекал Тибр.

Бруно не ошибался в своих предположениях: одноглазый монах узнал о том, что Джордано поехал в Рим, от случайно встреченного в городе отца бенедиктинца. Ромеро поспешил с этой новостью к дону Марио.

– Вы принесли мне важную весть, брат Хиль! – сказал приор.

С тех пор как испанец получил в иезуитском ордене сан, почти равный его собственному, дон Марио уважительно звал Ромеро на «вы», хотя среди доминиканцев их положение неизмеримо разнилось.

– Но вы даже не подозреваете, какое огромное значение она может иметь для вас лично! – продолжал мессер Порчелли, и Хиль насторожился. – Вчера я получил из Рима письмо от нашего высокого покровителя, кардинала... Не будем называть имени, вы знаете, о ком я говорю.

Ромеро утвердительно кивнул головой.

– И, судя по этому письму, нашей многолетней борьбе с мессером аббатом может прийти конец. Монсеньер кардинал пишет мне совершенно откровенно, что духовное начальство поощряло эту борьбу, потому что она была ему выгодна. Из моих донесений в Риме узнавали все о действиях мессера Паскуа, но и о моих собственных поступках там было так же хорошо известно из писем аббата. В католическом мире умеют пользоваться принципом: «Разделяй и властвуй». Но теперь положение изменилось.

– Надеюсь, в нашу пользу, мессер? – живо спросил Хиль.

– Безусловно, в мою, – ответил дон Марио, и его стан выпрямился. – Наверху нашли, что, покровительствуя безбожнику Бруно, мессер аббат зашел слишком далеко, и его позднее раскаяние не меняет дела. Монсеньер прокуратор решил: если брат Джордано будет осужден, то аббатом монастыря Сан-Доминико Маджоре станет дон Марио Порчелли...

Лицо Хиля Ромеро выразило при этом радость, какой требовали обстоятельства.

– Но я скажу вам больше, брат Хиль, – продолжал дон Марио, опьяненный грядущим успехом. – Когда аббатом будет мессер Марио Порчелли, то приором будет мессер Хиль Ромеро!

Неожиданное заявление приора оглушило испанца, как громом.

– Я... приор... вы... меня...

– Да, я избрал вас, дорогой брат, – торжественно подтвердил дон Марио. – Кто еще, кроме вас, поможет мне поддержать твердой рукой порядок в монастыре и искоренить козни паскуалистов!

Опомнившись, Ромеро принялся заверять мессера Порчелли, что, когда тот станет аббатом, он не найдет себе более верного и усердного помощника.

Совещание двух высокопоставленных иезуитов закончилось решением во что бы то ни стало поймать Джордано Бруно. Ведь если он не будет осужден, то и аббат Паскуа не потеряет своего поста и не осуществятся радужные надежды его врагов.

Хиль Ромеро выехал из Неаполя на другой день. Гонимый неожиданно открывшейся перед ним блестящей перспективой, он совершил путь так быстро, что у ворот папской столицы встретился с погонщиком мулов, отвезшим письмо

Джордано и возвращавшимся домой. Испанец узнал парня, он сам не раз пользовался его услугами.

«А что, если этот погонщик связан с Бруно? – мелькнула мысль в голове Хиля. – Тогда я смогу выведать от него, где искать беглеца!..»

Ромеро остановил погонщика. Напомнив ему о прежних встречах, он с притворным беспокойством зашептал, оглядываясь по сторонам:

– Слушай, друг, помоги мне разыскать в городе брата Джордано!

Погонщик опасливо посмотрел на монаха.

– Я вижу, ты мне не доверяешь, но я привез брату Джордано важное известие: за ним гонятся враги! И если я не смогу его предостеречь, инквизиция может схватить его сегодня же ночью. Ты еще сомневаешься во мне? Так вот же: клянусь страданиями Христа, что я желаю брату Джордано только добра!

И он торжественно перекрестился.

«Я неповинен в грехе клятвопреступничества, – с иезуитской изворотливостью оправдался перед собой Ромеро. – Я желаю спасти душу брата Джордано, а это высшее благо, какое только можно сотворить для ближнего своего».

Одураченный парень выдал Хилю местопребывание Бруно, и вскоре коварный монах уже стоял у ворот монастыря Санта-Мария сопра Минерва. Ромео узнал у привратника, что Джордано направился к северным воротам города.

«Бруно бежит на север. Я поступил бы так же на его месте, – решил доминиканец. – Теперь он в моих руках!»

Обращаться за подкреплением к властям Ромеро не захотел. Это стоило бы многих хлопот, и беглец за это время мог скрыть свои следы.

– Я справлюсь с ним один, – самоуверенно сказал себе Хиль и бросился в погоню.

Городские ворота были уже закрыты, когда Хиль подъехал к ним, но это не остановило настойчивого преследователя. Он вызвал начальника стражи и предъявил ему листок пергамента, где было написано: «Ad majorem Dei gloriam», и стояла печать инквизиции.

Документ, служивший удостоверением агентам зловещего судилища, открывал все двери. Монаха пропустили беспрепятственно, и копыта его мула застучали по камням Фламиниевой дороги.

Джордано успел отойти несколько миль от города, как услышал сзади топот копыт. Кто-то нагонял его. Бруно оглянулся: на всаднике белела ряса под черной мантией... Доминиканец!

Недоброе предчувствие кольнуло сердце Бруно, и он поспешил сойти с дороги. Поздно: преследователь уже увидел его.

– Остановитесь, брат Джордано! – хрипло закричал Хиль. – Остановитесь!

Бежать было бесполезно: разве опередишь мула? Бруно обернулся к врагу:

– Что вам от меня нужно?

– Я имею приказ мессера аббата задержать вас и доставить в Неаполь!

– А если я не подчинюсь? – вызывающе спросил Джордано.

Он прислушивался: не было слышно больше ни звука, значит, Ромеро гнался за ним один.

– Я заставлю вас следовать за мной! – грозно заявил Хиль.

Он спрыгнул с мула, выхватил из-под рясы кинжал и бросился на Джордано. Тот встретил его также с кинжалом в руке. Вид оружия охладил пыл испанца. Он стал вертеться вокруг противника, стараясь все время видеть его зрячим глазом. Джордано поворачивался, не выпуская врага из виду.

Из-за раздвинувшихся туч выглянула луна и озарила местность. Безлюдно и тихо было вокруг, лишь вдали чернело какое-то строение, и из окна его мирно светил огонек. Близ дороги шумел Тибр, полноводный от недавних дождей.

Противники незаметно сошли с дороги и приблизились к берегу реки. Теперь они стояли на мокрой земле, покрытой редкими пучками травы.

Наконец Ромеро, потеряв терпение, бешено бросился на врага. Удар кинжала приняла кольчуга, и оружие только разрежало мантию и рясу. Испанец отскочил на шаг назад, чтобы снова напасть, но этот шаг оказался для него роковым. Прямо за ним был обрыв, он этого не видел. Хиль поскользнулся на мокрой траве, потерял равновесие и с воплем рухнул в воду.

Потрясенный Джордано бросился к краю обрыва и посмотрел вниз.

– Брат Хиль! Где вы?! Отзовитесь! Я помогу вам!..

Ответа не было. Волны разбушевавшейся реки шумели глухо и однообразно... Тьма окутывала окрестность и как будто окутала душу Бруно.

«Так вот чем закончилась наша многолетняя вражда, – скорбно думал Джордано. – Но видит бог, не я повинен в ней. Я предлагал Луису руку примирения, когда мы встретились в монастыре, а он отверг ее. И вот я – убийца! Невольный – но убийца...»

Глава вторая

Жребий брошен!

Джордано решил укрыться от ищеек инквизиции у друга Алессо Ронка. Это был смелый шаг – направиться туда, откуда он убежал, но Бруно отважился на него после долгого размышления. Монастырская инквизиция будет ожидать известий от Хиля Ромеро, а труп его на дне Тибра. Много дней пройдет, прежде чем выяснится судьба испанца, но и тогда инквизиторам не придет в голову разыскивать следы беглеца на дороге в Неаполь.

Бруно повернул к Риму. Бесплезно и даже опасно было приближаться к городским воротам ночью, и беглец стал искать приюта до утра. Он направился к огоньку, мерцавшему под деревьями. Огонь светил из окна скромной гостиницы, всегда готовой открыть двери запоздалому путнику.

Седой хозяин впустил Джордано в переднюю, предварительно рассмотрев его сквозь глазок в двери. Старик ахнул, поближе разглядев гостя. Одежда и обувь Джордано были в грязи, мантия и ряса разодраны, и сам он весь дрожал от напряжения пережитой борьбы.

– Что с вами случилось, святой отец? – спросил хозяин.

Джордано по дороге успел сочинить рассказ о своем приключении.

– Я направлялся в Рим и, как видите, запоздал, – тяжело дыша, заговорил он. – Невдалеке отсюда на меня напал бандит. Может быть, его подослали мои враги, но что можно взять у бедного монаха? Схватка была жестокой, но благодаря святому Доминико мне, кажется, удалось ранить врага и убежать...

Рассказ ночного гостя мало удивил трактирщика: еще и не такое случалось в окрестностях Рима.

– Возблагодарим Создателя за оказанную вам милость, – набожно сказал он. – Сейчас вашему преподобию нужен покой. Я проведу вас в отдельную комнату, а ваша одежда к утру будет в порядке.

Бруно забылся тревожным сном, ему чудилась смертельная борьба на берегу Тибра. То он сталкивал противника в бушующие волны, то сам падал туда с обрыва и, вздрогнув, просыпался...

На рассвете Джордано был на ногах. Слуга принес ему чистую заштопанную одежду, вычищенную обувь. Бруно съел завтрак в общей зале, расплатился за услуги и собирался покинуть гостиницу, как у наружных дверей послышался шум. Раздавались взволнованные голоса:

– Тише, тише!.. Поверни сюда! Не ударь его головой!.. Поосторожней проносите в дверь!

Джордано вышел в переднюю и побледнел: несколько человек вносили в гостиницу Хиля Ромеро. С одежды монаха текла вода, руки и голова его бессильно

свешивались, и невозможно было судить, жив он или нет. Хозяин гостиницы, вышедший вместе с Бруно, поздоровался с пришедшими и пояснил:

– Рыбаки из соседнего местечка.

Увидев Бруно, рыбаки обрадовались:

– А вот святой отец и тоже доминиканец! Посмотрите, жив ли ваш собрат?

Мы выловили его из реки.

Джордано не стал отказываться. У него родилась надежда, что Хиль жив, и тогда на нем, Бруно, не лежит проклятие убийства.

– Несите брата доминиканца в комнату, – распорядился он.

Хиля положили на ту самую кровать, где провел беспокойную ночь Бруно. В комнате остались хозяин гостиницы, Бруно и старший из рыбаков.

– Расскажите, где вы нашли этого несчастного? – обратился Джордано к рыбаку.

Тот словоохотливо заговорил:

– Видите ли, ваше преподобие, мы выходим на ловлю с рассветом: в это время лучше всего попадается рыба. Наше излюбленное место находится повыше длинной отмели, которая в разлив почти скрывается под водой. На этой отмели мы и увидели отца доминиканца. Как видно, бандиты сбросили его в Тибр и река вынесла утопающего на отмель...

– Уж это орудовал не тот ли разбойник, который ночью напал на вас, святой отец? – предположил хозяин, обращаясь к Бруно.

– Вполне возможно, – согласился тот.

– Мы подняли беднягу и принесли сюда, – закончил свой рассказ рыбак.

– Вы поступили очень хорошо, сын мой, – сказал Джордано. – Святой Доминико не забудет вашей заслуги, а вот вам от меня.

Он вложил в руку рыбака флорин, и тот вышел радостный, благословляя судьбу за удачно начавшийся день.

Джордано наклонился над Хилем Ромеро. Тот лежал неподвижно, с закрытым глазом, с мокрой черной повязкой, прилежавшей к длинному, чуть тронутому оспой лицу. С лица Хиля стерлось постоянное выражение суровости, и оно было жалким, беспомощным...

Джордано приложил ухо к груди Хиля. Сердце испанца билось слабо, но равномерно. Не скрывая радости, Джордано обернулся к трактирщику.

– Синьор хозяин, – сказал он, – брат доминиканец будет жить. Ему нужно несколько дней покоя и хорошего ухода, чтобы восстановить силы.

– О, в этом не будет недостатка, – гордо ответил хозяин. – В моей гостинице умеют заботиться о постояльцах. А что касается платы...

– Орден святого Доминико щедро вознаградит вас, – перебил Бруно и, оставив разочарованного трактирщика у постели Ромеро, вышел.

Решение Бруно отправиться к другу Алессо не изменилось. Хилю понадобится не меньше недели, чтобы поправиться, а потом он будет искать беглеца на севере, так как вряд ли подумает, что тот вернется на родину.

В Риме Бруно сел в почтовую карету, отправлявшуюся в Неаполь. Не доезжая до Марано-ди-Наполи, он остановил экипаж и расплатился с кучером, объяснив, что цель его путешествия – замок одного маркиза, находящийся неподалеку. Переждав до ночи в роще, Джордано пустился в дорогу.

Джордано пришел в деревушку Сан-Микеле на рассвете. Радость добряка Алессо была огромна. А слепой Лодовико Тансилло долго ощупывал лицо и руки Джордано, точно не веря, что перед ним его любимый ученик.

Обитатели Сан-Микеле получили строжайший наказ молчать о том, что у их патера гостит монсеньер Бруно. Монсеньер Бруно не угодил церковному начальству, и его преследуют – так объяснил Алессо прихожанам, и этого было

достаточно. Если бы за Джордано явился отряд сбиров, рыбаки Сан-Микеле, как один, выступили бы на его защиту.

Бруно рассказал друзьям о том, что произошло с ним в последние месяцы.

Слушая повествование Бруно о ночной борьбе с Хилем на берегу Тибра, Алессо мрачнел все больше и больше.

– Ты радуешься, что Ромеро уцелел, а я считаю, что было бы гораздо лучше, если бы испанец погиб, – откровенно заявил он. – Ведь это – опасный и ловкий враг, он будет разыскивать тебя повсюду...

Прошло около двух недель. Джордано старался меньше показываться на людях. Преданность жителей Сан-Микеле не вызывала сомнений, но не следовало искушать судьбу, в окрестности мог появиться посторонний.

За эти дни к Джордано очень привязался Ченчо. В компании Бруно и синьора Тансилло мальчик всегда оказывался третьим. Двое взрослых и Ченчо проводили жаркие часы дня где-нибудь в уединенном уголке среди скал, укрывшись под развесистой кроной пинии. Ученый и поэт вспоминали осаду Рима и Флоренции, восстание в Неаполе, с увлечением говорили о героях Древней Греции и Рима, а мальчик слушал их с горящими глазами. В тихие вечера, когда набегавшиеся малыши и старый Лодовико укладывались спать, женщины сидели за прялками, а Алессо уходил в церковь, Джордано и Ченчо смотрели на темно-синее небо, где одна за другой загорались звезды.

Джордано вполголоса, точно боясь спугнуть тишину, говорил о необъятности Вселенной, о бесчисленных мирах, кружащихся там, в бесконечности...

Шли дни, и на мирном побережье Гаэтанского залива Джордано становилось тесно, душно, точно в тюрьме. И море, и воздух, и стройные пинии, высоко поднимавшие над скалами свои темно-зеленые вершины, и стремительный полет чаек над волной – все здесь было прекрасно. Но в этой глуши не хватало того, в чем заключался смысл жизни Бруно. Здесь некому было передать великие научные истины, которые открылись перед Джордано за долгие годы исканий и раздумий.

Молодой ученый забрал у Алессо его скромный запас бумаги и сел писать за небольшой столик, вынесенный из дому и поставленный под деревом. Бруно чувствовал неодолимое желание выразить свои мысли на бумаге, но не для того, чтобы они стали достоянием немногих избранных. Нет, его труд должен быть напечатан, пусть его прочитают тысячи стремящихся к знанию. И среди этих тысяч найдутся и такие, кто подхватит идеи Бруно и станет развивать их, совершенствовать... Ведь у науки нет предела.

Джордано поделился своими мыслями с Алессо и синьором Лодовико. Они поняли его с полуслова.

Лодовико сказал:

– Ты тоскуешь, Фелипе, и я тебе сочувствую. Твое учение о мире не совсем понятно мне, но я чувствую его грандиозность. И, конечно, скрывать его от людей нельзя. Я дам тебе хороший совет, Фелипе. Мне приходилось часто иметь дело с издателями разных городов, и я по опыту знаю: только в Венеции могут напечатать твой труд. В других итальянских государствах не стоит и предлагать: там слишком велико влияние церкви. И если уж ты решил покинуть нас, ты должен ехать в Венецию.

Алессо поддержал синьора Лодовико.

– Отец прав, – сказал священник. – И хотя мне жаль расставаться с тобой, но я понимаю, что ты не должен прозябать в Сан-Микеле. Только не подумай, что я тебя гоню... – Ронка смущенно улыбнулся.

– Алессо, милый мой, уж я тебя изучил за десять лет дружбы!

– И еще у меня к тебе просьба, – сказал Алессо. – Я хочу, чтобы ты взял с собой Ченчо.

– Ченчо?! – удивился Бруно. – Ты отправляешь со мной маленького Ченчо?

– Не такой уж он маленький, – усмехнулся Алессо. – Мы, Ронка, крупный народ. Парню можно дать все шестнадцать.

Ченчо действительно выглядел намного старше своих лет. У него было красивое круглое лицо, длинные русые волосы, большие серые глаза. Ченчо был добр, услужлив, обладал хорошей памятью и жадно стремился к знанию. За то недолгое время, что Бруно прожил в Сан-Микеле, мальчик многому от него научился.

– Видишь ли, друг мой... – Алессо немного замялся. – Отпустить тебя одного в дальнее путешествие рискованно. Твои мысли всегда витают в небесах, а с земными заботами ты – уж не обижайся! – справляешься плохо. Тебе никогда не приходилось хозяйничать. И у дяди и в монастыре ты жил на всем готовом. А когда тебе попадали деньги от синьора Саволино, они моментально протекали у тебя между пальцами. За кружку вина или кусок сыру ты способен заплатить столько, что на это семья может прожить три дня...

– И ты хочешь, чтобы Ченчо был моим казначеем? – улыбнулся Джордано.

– Да, – серьезно подтвердил Алессо. – И уж будь спокоен, в нашей семье мальчуган научился строгой экономии, лишнего солдо не потратит зря. И еще одно: если дело дойдет до драки, Ченчо постоит и за себя и за тебя!

– Ты меня убедил, – сказал Бруно, – и я готов взять с собой Ченчо. Но мы с тобой забыли, что у Ченчо есть мать.

– Друг мой Джордано, я давно чувствовал, что ты у нас проживешь недолго. Я говорил с Виветтой, и она согласна отпустить с тобой сына.

– А сам мальчуган? Как он?

– Ну, он-то на седьмом небе от счастья. Да и может ли быть иначе?

Джордано собрал всех членов семьи и торжественно обещал заботиться о Ченчо, как о собственном сыне.

– Моя судьба будет его судьбой, мы будем делить с ним и радость и горе. И все мои знания я передам Ченчо. – Он обратился к мальчику: – Ты хочешь этого?

– О, монсеньер! – Ченчо зарделся от восторга.

Несколько дней Джордано провел в размышлениях, а потом уединился с Алессо для важного разговора.

– Друг Алессо, – сказал Бруно, – я решил сбросить монашеское одеяние и надеть светское платье.

Алессо побледнел:

– Ты знаешь, чем это грозит?

Джордано знал. Орденский устав налагал на отступника, отказавшегося от рясы, самые суровые наказания, вплоть до смертной казни. Даже раскаявшись, он подвергался строгому тюремному заключению и мог быть прощен только папой или великим магистром ордена, но не ранее чем через двадцать лет.

Однако останавливаться на полдороге не стоило. Сбросив белую рясу, Бруно думал сбить с толку преследователей и затеряться в массе простых людей. А список его «грехов» и без того был велик: ему, скрывшемуся от суда святейшей инквизиции, и так грозила смерть.

Алессо в конце концов согласился с доводами Бруно и послал в Неаполь рыбака Джулио. Тот вернулся через неделю и привез большой сверток. В свертке оказались два костюма, какие носят люди среднего сословия. Костюмы были примерены и оказались впору. Деревенский цирюльник сделал Бруно светскую прическу, благо тот не пробривал тонзуру уже месяца два и она заросла.

Джордано и Ченчо выглядели как учитель и его помощник, странствующие в поисках заработка. Беглецов следовало снабдить документами: без этого путешествовать по Италии, то и дело пересекая пограничные заставы, было невозможно. Но выход отыскался. Рыбак Джулио не так давно спас тонувшую в море дочь градоначальника Поццуоли, и по его просьбе благодарный отец выдал

для Бруно паспорт на имя Джованни Сенья, магистра семи свободных искусств. Алессо написал племяннику проездное свидетельство, скрепив его церковной печатью. Казалось, можно было отправляться, но Джордано попросил отложить отъезд. Он положил перед Алессо несколько дукатов и сказал:

– На кольчугу для Ченчо.

Священник возражал, но Бруно был тверд.

– Мой спутник будет подвергаться тем же опасностям, что и я, он должен быть защищен от них.

Ронка уступил. Ченчо исчез из деревни вместе с Джулио и вернулся через несколько дней, гордый до невозможности. Ему купили кольчугу «на рост», но это не смущало мальчика. Кинжал для него сковал деревенский кузнец.

Все было готово, и настал час разлуки. Жители Сан-Микеле и среди них мальчишки, люто завидовавшие Ченчо Альтовити, вышли провожать Джордано Бруно и его спутника. Прощаясь, Ченчо взял за руку сестренку Пьеретту и сказал, строго глядя ей в глаза:

– Если будешь плохо смотреть за дедушкой Лодовико, я с тобой расправлюсь, когда вернусь!..

Скоро косой парус маленькой лодки растаял в блестящей синеве. Джулио держал курс в открытое море, чтобы там перехватить корабль, идущий на север.

Но долго еще смотрели обитатели Сан-Микеле в морскую синь, а сгорбленный Тансилло грустно качал седой головой: он уже не надеялся встретиться со своим любимцем...

Жребий был брошен, и далекий опасный мир поглотил скитальцев.

Глава третья

Шпионы святейшей инквизиции

Хиль Ромеро, поправляясь, пролежал несколько дней в гостинице под Римом. И в эти дни он дал клятву: разыскать, схватить Джордано Бруно, хотя бы для этого пришлось обшарить всю Италию и потратить на это годы...

Бруно давно находился в безопасности на утесах Сан-Микеле, когда Ромеро постучался в калитку Сан-Доминико Маджоре. Униженный, исхудалый, испанец походил на дьявола, изгнанного из ада за провинности.

Аббат, приор и главный инквизитор собрались выслушать доклад Ромеро. Суровое лицо инквизитора было неподвижно, как всегда, мессер Порчелли кипятился, прерывая речь Хиля бранью по адресу Бруно, настоятель был рад бегству Джордано. Без обвиняемого процесс не мог возобновиться, а на процессе вскрывались неприятные для Паскуа вещи: его могли обвинить в недостаточной строгости, в попустительстве распространению запрещенных идей.

Прелаты решили: злокозненного нарушителя орденского устава и законов церкви схватить во что бы то ни стало. Брату Хилю Ромеро вместо попорченной водой грамоты были выданы новые полномочия для преследования и ареста преступника. Хиля снабдили крупной суммой денег, дали право привлекать на помощь всех, кого он сочтет нужным.

Получив такие большие возможности, Хиль начал действовать. Ближайшим помощником он избрал своего давнего знакомца Андреа Кучильо.

В лице Кучильо Хиль Ромеро нашел ценного помощника. Кучильо опирался не только на неаполитанских бандитов, но и на разбойников других городов и областей, так как все они были связаны круговой порукой.

Ромеро и Кучильо разослали агентов по всем дорогам, ведущим из Рима, и в порты, где Бруно мог сесть на корабль: в Салерно, Поццуоли, Гаэту, Чивитавеккью...

У посланцев Ромеро было точное описание наружности Джордано: средний рост, правильные красивые черты лица, синие глаза с грустным и порой гордым

взглядом, волнистые русые волосы. На одежду рекомендовалось не обращать особого внимания: Бруно мог сбросить рясу.

Шпионы вынюхивали, расспрашивали хозяев гостиниц и таверн, погонщиков мулов, содержателей почтовых карет, бродячих фокусников и музыкантов, торговцев. Нищие тоже были вовлечены на поиски монаха-отступника. У них было свое братство, и главе этого братства Хиль обещал награду за успешную помощь. А нищие, сидевшие на папертях церквей и городских площадях, на обочинах больших дорог, видели и запоминали многое.

Как круги от камня, брошенного в воду, распространяются все шире и шире, так и преследователи беглеца Джордано уходили все дальше от Рима, где обосновался Хиль Ромеро. Они двигались на юг, к Мессинскому заливу, шли на север, через Папскую область, через Тоскану и Лукку, через герцогство Феррара и Модена, к границам Генуэзской республики, Пармы и Пьяченцы, Венеции.

Италия велика, но вряд ли бы Бруно спал спокойно, если бы знал, с какой неумолимой настойчивостью свора ищек святейшей инквизиции рыщет повсюду, по всем мелким и крупным итальянским государствам.

Неделя проходила за неделей, а след Джордано Бруно не удавалось найти. Являлись бродяги из Тосканы, странствующие монахи из Феррары и Пьяченцы, нищие из Урбино и Лукки, и все говорили о том, что Бруно они не нашли. Хиль начинал приходить в отчаяние.

«Неужели Бруно оставил Италию и скрылся за границу – во Францию или в Германию, в Швейцарию?.. Тогда инквизиция бессильна...» – мрачно думал Ромеро.

Но в начале июня явился гонец с известием, которого так долго ждал мстительный испанец: Джордано в Ноли. Гонец, член шайки Кучильо, бывший рыбак, вел поиски на севере, на побережье Лигурийского моря. Он нанимался на рыбачьи суда, производившие лов у берегов и посещавшие мелкие и крупные порты. После разъездов, отнявших много недель, шпион попал в Ноли, и там ему удалось обнаружить человека, по всем приметам похожего на того, кого ищут. Правда, он ходит в светской одежде и, как удалось выяснить соглядатаю, называет себя магистром семи свободных искусств Джованни Сенья. Но этот Сенья, мирянин, крестится, как священник: сыщик узнал это от надежного человека.

Одарив шпиона золотом, монах отпустил его и вызвал Кучильо.

– Ты немедленно отправляешься в Чивитавеккью. Там сядешь на корабль, идущий в Геную. Оттуда поедешь в Ноли и там схватишь еретика Бруно.

– Я должен доставить его в Рим? – спросил бандит.

– Нет! – Глаз испанца яростно блеснул. – Сейчас меня вызывают в Неаполь, но я сам явлюсь за Бруно в Ноли. Ты представляешь себе, Кучильо, какое это будет дьявольское наслаждение спускаться в сырой трюм корабля к красавчику Джордано, закованному в цепи, не имеющему иной пищи, кроме заплесневелой корки хлеба, и иных собеседников, кроме крыс и пауков. Ха-ха-ха!..

– Вы мстительны, преподобный отец, это мне нравится.

Ромеро и Кучильо расстались в полной надежде на успех своего предприятия.

Глава четвертая

Ноли

Лодка Джулио провела в море больше суток, прежде чем рыбаку удалось посадить Джордано и Ченчо на борт тартаны, державшей путь в Геную.

Завидев вдаль корабль, Джордано сказал спутнику:

– Запомни, Ченчо, отныне ты должен называть меня только «маэстро» или «синьор Джованни»!

– Я никому никогда не выдам настоящего имени монсеньера Бруно! – восторженно заявил мальчуган и тут же осекся.

– Вот видишь, – укоризненно заметил ему Джордано, – ты уже нарушил запрет!

– Но, видит бог, я нечаянно, монсеньер... маэстро... синьор Джованни!

Ченчо разрыдался над собственной неосторожностью, и Бруно пришлось его утешать. Впрочем, эти слезы были последними: мальчик оплакивал разлуку с семьей.

На суденышке было тесно и скучно, и изгнанники коротали время за учебными занятиями. Книг и тетрадей не было, и Бруно преподавал Ченчо латынь устно. Он заставлял мальчика запоминать латинские слова, учил его составлять фразы.

– Нам предстоит нелегкая доля, – говорил Джордано, – мы будем зарабатывать кусок хлеба преподаванием, и надо, чтобы ты действительно мог стать моим помощником.

После недельного плавания беглецы высадились в Генуе 15 апреля 1576 года. Кончался великий пост, близился праздник Пасхи, который церковники ежегодно справляли с большой пышностью и немалой для себя выгодой. В город стекались богомольцы со всей республики, и тут их наперебой зазывали в храмы и монастыри.

Изгнанники, войдя в город, подверглись атакам зазывал.

– В нашей церкви хранится ступенька лестницы, которую праотец Иаков видел во сне! – кричал монах с жирным, опухшим от пьянства лицом.

А другой, тощий, длинный, взывал:

– В храме Егудиила вы увидите три черепа святого: один, когда ему было пятнадцать лет, другой в сорокалетнем возрасте, а третий остался после смерти. Спешите поклониться черепам святого Егудиила!

Но над всеми соперниками верх одерживал настоятель церкви Святого Павла, в которой показывали хвост того самого осла, на котором Христос будто бы въехал в Иерусалим. Джордано впоследствии писал:

«Я сам видел, как в Генуэзской крепости монахи показывают и заставляют лобызать мохнатый хвост со словами: „Не прикасайтесь, лобзайте. Это святые мощи того благословенного осляти, которое сподобилось нести Господа нашего с Елеонской горы в Иерусалим. Поклоняйтесь, лобзайте, подавайте милостыню! Сторицею воспримете и жизнь вечную унаследуете“».

Конечно, великим чудом было то, что хвост сохранился в нетленном виде в течение стольких веков. Верующие целовали его, умилялись, а главное, платили сольдо, лиры и даже флорины. А на монастырском пастбище разгуливал осел, которому предстояло лишиться хвоста, а вместе с ним и жизни, к следующей Пасхе.

Расположенный милях в тридцати к западу от Генуи на морском побережье город Ноли и прилегавшие к нему несколько десятков квадратных миль горных хребтов и долин составляли республику Ноли, независимость которой признавала и охраняла Генуя. Из Генуи в Ноли не было сухопутной дороги, так как Лигурийские Апеннины здесь вплотную прилегают к морю.

Быть может, самое название Ноли, столь созвучное с именем Нолы, милой сердцу Джордано, заставило молодого изгнанника искать там временное убежище вплоть до того времени, когда появится возможность поехать в Венецию. Из Генуи Джордано и Ченчо добрались до Ноли в рыбацкой лодке.

Беглецы поселились в доме учителя фехтования Корфиньо Бевилика. Бывший солдат Корфиньо, заработавший за многолетнюю службу больше ран, чем

дукатов, под старость вернулся в родной город, обзавелся семьей и стал учить фехтованию молодых дворян.

У Корфиньо подрастали два сына – девятилетний Пьетро и восьмилетний Паоло, и мечтой старого солдата стало обеспечить детям более высокую долю, чем его собственная. Он хотел увидеть их адвокатами, судьями, чиновниками республики, но для этого следовало дать им образование.

Джордано Бруно и Корфиньо Бевиликва быстроладили. За полное содержание учитель и его помощник должны были обучать ребятишек итальянской грамоте, а главное латыни, этой неизбежной латыни, без которой не выйдешь в люди.

Бывалый солдат подружился с молодым постояльцем. Их сблизила общая ненависть к инквизиции. В молодости Бевиликва целый год провел в тюрьме с цепями на руках и на ногах, а попал он туда за невинную шутку по поводу одной иконы.

Бевиликва рассказал:

– Увидел я раз икону, а на ней был нарисован святой, который нес в руках собственную отрубленную голову. И дернуло же меня болтнуть: «Будь этот святой солдатом, он был бы непобедим!» В самом деле, чем можно устрашить такого вояку, раз он так легко перенес потерю головы?! Меня выпустили только потому, что началась война и в нашем полку не хватало солдат.

Бевиликва великодушно предложил давать Джордано и Ченчо бесплатные уроки фехтования. В те времена, когда людям сплошь и рядом приходилось защищать свой кошелек и даже жизнь, это предложение было ценным.

Каждый день в большом сарае слышались стук и лязг. Джордано и Ченчо фехтовали то между собой, то с Корфиньо. Он учил их всем тонкостям этого искусства.

Из Ченчо с его ростом и силой получался неплохой боец, и Бевиликва весьма одобрял некоторые удары, наносимые юношей по методу учителя. Делал успехи и Бруно, хотя частенько во время урока им овладевала задумчивость, и тогда он защищался из рук вон плохо.

Бевиликва был вхож во многие знатные дома, где обучал молодежь, и скоро по городу разнеслась молва об искусном латинисте, прибывшем в Ноли издалека. У Джордано было много свободного времени, потому что урок фехтования отнимал час-полтора в день, а с мальчуганами занимался Ченчо, сделавший в латыни большие успехи.

Бруно с удовольствием принимал предложения учить знатных юношей. Это приносило хороший заработок, а главное – у Джордано завелись многочисленные знакомства, и он начал выступать с лекциями, посвященными строению Вселенной. Как и повсюду в католическом мире, духовенство в Ноли преследовало свободную мысль, и потому приходилось говорить осторожно. Искусный оратор Бруно, говоря о планетах, о звездах, о бесконечности мира, вставлял в свои рассуждения цитаты из писания и святых отцов. Цитаты не всегда были к месту, однако в этом слушатели плохо разбирались, важно было говорить им благочестивым голосом, осеняя себя крестным знаменем. Но на первом же выступлении Джордано допустил ошибку, которая привела к серьезным последствиям. После лекции к Бруно подошел старый монах-доминиканец и пытливо спросил:

– Скажите, маэстро, вы священник, сбросивший сан?

– Почему вы так думаете, святой отец? – смутился Джордано.

– Вы креститесь по священническому обряду.

– Ах, это... – Бруно замаялся, но быстро нашелся. – Видите ли, меня готовили к священническому званию и приучали креститься соответственным образом, но

мои родные умерли, семейное положение изменилось, и мне пришлось стать учителем...

Доминиканец отошел, покачивая головой, неудовлетворенный ответом Джордано. И тотчас около изгнанника оказался Бевиликва, из любопытства явившийся на первое публичное выступление своего жильца.

– О чем с вами говорил отец Федерико Лопес?

Джордано передал содержание разговора.

– Берегитесь этого монаха, – тихо посоветовал Корфиньо. – Он опасный человек.

Корфиньо предупреждал не зря: испанец Федерико Лопес был агентом святейшей инквизиции, и именно от него через несколько недель соглядатай Хилья Ромеро узнал, что Джованни Сенья, именующийся учителем, осеняет себя крестным знаменем по священническому обряду.

Немало усилий стоило Джордано снова привыкнуть креститься, как мирянину.

Прошло около четырех месяцев пребывания в Ноли. Пьетро и Паоло Бевиликва прошли порядочный курс латыни; Джордано и Ченчо научились хорошо владеть шпагой и кинжалом; в кошельке Бруно завелись дукаты – плата за уроки, даваемые молодым дворянам. Но его грызло смутное беспокойство.

Это беспокойство увеличивалось после встреч с доном Федерико, который внимательно провожал взглядом молодого чужестранца. Бруно казалось, что Лопес следит за ним и что ему помогают в этом другие...

Во всем городе Бруно мог довериться только своему квартирному хозяину, и он рассказал ему, что скрывается от преследования инквизиции. Джордано описал старому солдату приметы Ромеро и Кучильо, самых опасных своих врагов. Выслушав постояльца, Бевиликва посоветовал ему пореже выходить из дому и отказаться от посещения учеников, проживавших на пустынных окраинах Ноли.

– Наш город невелик, – сказал Корфиньо, – но в нем нетрудно найти браво, который за недорогую плату поможет избавиться от неугодного человека.

В один из августовских дней Корфиньо Бевиликва вернулся домой в крайнем беспокойстве. Он тотчас прошел в комнату Бруно.

– Синьор Джованни, – без обиняков начал солдат, – я видел его!

– Кого? – спросил насторожившийся Бруно.

– Чернобородого бандита из Неаполя!

– Вы уверены, что это он? Мало ли чернобородых в Италии!

– Я говорю вам, что это он! Я проследил за ним из порта, где он сошел с корабля, и знаете, куда он направился? В доминиканский монастырь, к отцу Федерико Лопесу!..

Джордано был потрясен. Инквизиция разыскала его след, так хорошо, казалось, скрытый!

– Не унывайте, друг мой! – ласково сказал Бевиликва. – Не выходите из дому и собирайтесь в дорогу. Эти коршуны делают свои дела под покровом ночи, а ночью вас здесь не будет. Я все устрою.

Ночью в дом учителя фехтования явились Лопес и Кучильо, сопровождаемые сбирами. Заспанный хозяин вышел на стук.

– Ведите нас к вашему постояльцу! – грубо приказал Лопес.

– К какому постояльцу? Ах, верно, к учителю Сенья? Но он у меня больше не живет!

– Как?! – в один голос воскликнули Лопес и Кучильо.

– Вчера он и его помощник покинули мой дом, – спокойно продолжал Бевиликва. – Они сказали, что уходят бродить по горам.

В руках разбойника появился листочек с роковыми словами «Ad majorem...».

– Вы знаете, что это такое?

– Приходилось видеть на веку, – угрюмо сказал солдат.

– Вам известно, что грозит за ложные показания?

– Я не даю ложных показаний.

Дом Корфиньо был тщательно обыскан. Уходя, Кучильо злобно пробормотал:

– Птичка улетела!

...В продолжение многих дней несколько монахов под предводительством Андреа Кучильо бегали по горам в поисках сбежавшего еретика Бруно. Лигурийские Апеннины с крутыми склонами, с узкими ущельями были почти необитаемы, и редко где встречался дровосек, козий пастух или охотник. Эти люди не любили монахов и, услышав, что они ищут двух беглецов, не могли отказать себе в удовольствии подшутить над святыми отцами. Направив монахов по ложному следу и наблюдая, как они, подобрав рясы, с трудом карабкаются на особенно крутой хребет, охотник или дровосек насмешливо бормотал:

– Побегайте, дармоеды!

Преследователи вернулись ни с чем, измученные до предела, а тут как раз приехал и Хиль Ромеро из Неаполя. Когда Хиль узнал, что добыча ускользнула, он пришел в ярость. Сыщики инквизиции опять пришли к Корфиньо Бевиликва и стали его обвинять в том, что он дал им неверные показания. Твердо глядя в глаза дону Федерико, учитель фехтования сказал:

– Я передал вам то, что услышал от своих постояльцев.

Возбуждать преследование против старого солдата не имело смысла. Доказательств его вины не было, и, кроме того, фехтовальщику покровительствовали многие аристократы Ноли.

С великим гневом в душе Ромеро вернулся в Рим. Поиски беглеца приходилось начинать снова, и сладкая мечта занять в Сан-Доминико Маджоре высокое положение приора по-прежнему оставалась только мечтой.

Глава пятая

Пилигримы

В то время как неистовый Кучильо и монахи металась по горам в поисках Джордано, по ущельям и долинам Пьемонта тянулась длинная процессия пилигримов. Она напоминала реку, которая начинается ручейком, а потом, принимая многочисленные притоки, становится все шире и полноводнее.

Шествие началось в Савоне, и составляли его несколько десятков человек, а теперь под ласковым сентябрьским солнцем Италии шагали тысячи, и с каждой боковой дороги подходили люди, в каждом попутном селении присоединялись новые богомольцы. Это были простолюдины – прибрежные рыбаки, виноградари, пастухи, ремесленники. Дворяне не смешивались с чернью. Мужчины ехали верхом, женщины помещались в паланкинах, подвешенных к спинам двух мулов.

Среди верующих шагали рука об руку молодой рыбак и сестра его – рослая красивая девушка с большими серыми глазами, с вьющимися волосами. Они шли из Савоны и называли друг друга Луиджи и Анита. На вопросы любопытных, почему брат и сестра так не схожи меж собой, Луиджи объяснял, что они дети одного отца, но разных матерей.

В толпе шныряли коробейники, у них можно было купить ленты, помаду, шпильки, чулки, огнива, ножи и прочую мелочь. Разносчики съестных припасов предлагали копченую рыбу, сухие лепешки, сыр... Акробаты, разостлав на земле коврик, показывали свои номера, а музыканты увеселяли пилигримов игрой на лютнях и гитарах.

Среди богомольцев вертелись бродячие монахи, продавцы реликвий. У одного в ларчике хранились волосы мученицы Вероники, другой предлагал по дешевке воду из Генисаретского озера, по которому ходил, как посуху, сам Иисус

Христос, а третьему удалось подобрать несколько перьев из крыла ангела, когда он, ангел, линял...

Все эти реликвии в другое время возбудили бы живой интерес пилигримов, но теперь мысли их были заняты другим. Они шли в Турин – поклониться иконе Божьей Матери, которую монахи собора Сан-Джованни Батиста показывали лишь несколько дней в году, на празднике сбора урожая. Икона считалась чудотворной, и несколько десятков тысяч людей ежегодно лобызали ее в надежде исцелиться от болезни или получить отпущение грехов.

По мере приближения к Турину колонны богомольцев, шедших из разных мест, сливались в шумный табор из десятков тысяч людей. Когда савонская процессия покинула последний ночлег, из придорожной рощи вышли Джордано Бруно и Ченчо Альтовити, оставив под кустом свои маскарадные наряды. В рыбака и рыбачку они переоделись в Ноли, в доме Корфиньо Бевиликва. Старик после разговора с постояльцем сходил в предместье, к брату жены, рыбаку. Он принес все необходимое для переодевания, и его жильцы сумели обмануть бдительность шпионов дона Федерико.

Когда Бруно был вынужден покинуть Ноли, он решил, что для него настало время отправиться в Венецию. Ведь, помимо некоторой свободы книгоиздательства, Венеция славилась среди городов Италии как колыбель искусства. Много знаменитых художников, скульпторов, архитекторов дала царица Адриатики, и посмотреть на их чудесные творения приезжали люди из отдаленных стран Европы.

Венеция была одним из самых сильных государств Италии. Ее владения распространялись далеко на север, до Австрии, на западе они граничили с Миланом, а на востоке венецианцы овладели береговой полосой Балканского полуострова до Сплита.

Когда тяжкая рука испанского короля налегла на Италию, Венецианская республика сумела отстоять свою независимость. И хотя республикой правили знатные, жестоко притеснявшие простой народ, все же в одной Венеции было больше типографий и там выпускалось больше книг, чем во всей остальной Италии. Как и в других городах страны, духовенство Венеции боролось со свободной мыслью, и, однако, именно оттуда запрещенная литература просачивалась в Рим, Неаполь, Флоренцию... В Венеции жили многие известные писатели, поэты, философы.

«Быть может, в Венеции я встречу людей, с которыми смогу поделиться своими мыслями, – думал изгнанник. – И, кто знает, не получу ли я там нравственную поддержку, а она мне так нужна... Ченчо всей душой на моей стороне, но он только мальчик!..»

Огромная, чудовищная власть папы распространялась и на Венецию, и Джордано об этом знал. Но... Венеция далека от Рима, думал он, вероятно, туда еще не проникли сведения о его процессе, и он найдет себе надежное убежище.

На пути в Венецию город Ноли был первой остановкой Бруно. Там он заработал средства для дальнейшего путешествия к давно намеченной цели. Но каким путем отправиться в Венецию? Морским?..

На этом пути легко будет найти его следы: ведь море не укрыло беглецов в Ноли. И Бруно избрал более трудную дорогу – сначала дойти до Турина, а потом совершить трехсотмильное путешествие по реке По через всю Италию. До Турина изгнанники благополучно добрались, затерявшись в толпе богомольцев. А из столицы Савойи вниз по реке ходили барки, принимавшие пассажиров. Попав на такую барку, можно было надолго оградить себя от сыщиков инквизиции.

Глава шестая
От Турина до Венеции

По, самая большая река Италии, пересекающая Апеннинский полуостров примерно по 45-й параллели, начинается стремительным потоком высоко в Альпах. Бурля и пенясь в горах, река успокаивается, спустившись на равнину, но только у Турина становится судоходной.

Барка «Св. Изотта», длинное плоскодонное судно, вмещала в общем салоне и каютах около тридцати пассажиров. Экипаж барки состоял из четырех человек: Капитана (он же хозяин судна), рулевого и двух матросов. «Св. Изотта» была оснащена мачтой и при попутном ветре могла идти под парусом. Джордано и Ченчо заняли двухместную каюту, где койки помещались одна над другой. Был там и столик, расположенный под окошком, выходившим на реку.

Когда «Св. Изотта» отчалила от берега и городские предместья остались позади, Джордано вздохнул. Он успокоился впервые за последние месяцы. Шпионаж отца Федерико, появление Кучильо, поспешное бегство из Ноли, путешествие с пилигримами – все эти тревоги остались позади.

Привычный распорядок жизни, нарушенный отъездом из Ноли, возобновился. Джордано купил в Турине стопу бумаги, бутылку чернил, пачку гусиных перьев. После занятий с Ченчо Джордано брался за перо, и уж ничто не могло оторвать его от работы, которую он начал еще в Сан-Микеле и продолжал в Ноли. Он писал почти без помарок красивым мелким почерком, подолгу обдумывая каждую фразу.

Часто среди текста попадались аккуратно выполненные чертежи.

После двух-трех дней плавания Ченчо не вытерпел и спросил:

– Что вы все пишете, маэстро?

Юноша повторил вопрос дважды, прежде чем смысл его дошел до сознания Бруно.

– Что я пишу? Астрономический трактат, который назову «Знамения времени».

Лицо Ченчо выразило недоумение, и Бруно начал объяснять:

– Видишь ли, друг мой, каждой эпохе соответствует своя наука. Греки, населившие Олимп сонмом богов, не могли представить себе всю необъятность Вселенной. Они считали, что небо находится совсем близко от Земли и что Солнце по хрустальной тверди неба возит бог Гелиос на быстрых конях. Прошли века, взгляды людей на Вселенную изменились, и знаменем нового времени стало учение гениального Коперника. Еще пронесутся столетия, и человечество, идя вечным путем развития, узнает много такого, о чем мы теперь не можем и думать. Вот о знаменьях нашего времени, о великой астрономической науке, которую далеко продвинул, но не завершил Коперник, и пишу я эту книгу.

– Ее напечатают? – спросил Ченчо.

– Я в этом не очень уверен, – со вздохом признался Бруно. – Единственная моя надежда на книгопечатников Венеции. Говорят, они люди более просвещенные и независимые, чем типографщики других стран. А ведь могут отказать и они, Ченчо! Система Птолемея еще крепко владеет умами людей, у нее могучий союзник – Библия. Но все равно я должен писать, я не могу не писать. Этот трактат станет моей исповедью, быть может, моим завещанием, если мне суждено погибнуть в застенках святейшей инквизиции. – Задушевым тоном, очень тихо, Джордано добавил: – Друг мой Ченчо, я придаю огромное значение этой работе, и, если она не увидит света, моя жизнь прошла напрасно...

Наступило долгое молчание, потом Ченчо робко заговорил:

– У вас мрачные мысли, маэстро. И вот что я предложу. Я еще мальчик, не много понимающий в науках, но разрешите мне переписывать ваш труд. Листы второй рукописи я буду хранить на себе, под одеждой. И если, не дай бог, случится несчастье, ваши открытия не пропадут, я сумею их обнародовать, когда вырасту.

Лицо Ченчо пылало от смущения, но серые глаза смотрели решительно, смело.

Джордано обнял юношу.

– Ты прекрасно придумал, Ченчо! Если меня схватят, на тебя вряд ли обратят внимание. Забрав рукопись, они не подумают о существовании копии. – И уже совершенно другим, строгим тоном, Бруно сказал: – Но смотри, Ченчо, не делай ошибок!

Переход был таким неожиданным, что учитель и ученик рассмеялись, и на душе у них стало легче.

Труд Джордано продвигался. Вначале автор рассказывал в доступной форме, как люди измеряют время, истолковывал названия месяцев года и дней недели, говорил о созвездиях, о знаках Зодиака... Самый придирчивый цензор, прочитав первые тридцать – сорок страниц «Знамений времени», не нашел бы там ничего, противоречащего религии. Но далее опровергалась система Птолемея и подробно рассказывалось об учении Коперника. А в конце работы Бруно хотел изложить собственные идеи о бесконечности Вселенной, о вечном движении небесных светил, о множественности обитаемых миров...

Барка плыла, покачиваясь на воде. Джордано писал, примостившись у столика. Ченчо, положив лист бумаги на другой угол, старательно переписывал готовый текст. Это было настолько важно, что на время были оставлены занятия латынью и другими предметами.

Дни проходили спокойно. Опасности и тревоги были далеки от маленького плавучего мирка, отделенного от мутных волн По только тонкими досками бортов.

Бруно понимал, что судьба дала ему временную передышку, но и за это был благодарен: нельзя жить в вечном напряжении.

Утомившись от работы, учитель и ученик выходили на носовую часть палубы, защищенную от дождя навесом. У бортов стояли скамейки. Джордано и Ченчо усаживались и смотрели на медленно уплывавшие назад берега.

У Турина река была не шире трехсот локтей, но многочисленные притоки пополняли ее водой, и в среднем течении она достигала ширины более полумили. Низкие болотистые берега были пустынные, редко где виднелись бедные рыбацьи деревушки. Однообразные крики матроса, измерявшего глубину длинным шестом, наводили скуку. Праздные пассажиры лениво переговаривались.

Но если рука уставала писать, а на палубе было холодно и сыро, учитель и ученик откладывали перья и разговаривали. Переписывая труд Бруно, Ченчо многое узнал. Джордано охотно разъяснял Ченчо новые для мальчика астрономические истины.

– Маэстро, а в чем разница между планетами и звездами? – спросил как-то Ченчо.

– Видишь ли, планеты во всем подобны Земле, – ответил Джордано. – Они похожи на нее по величине и по форме.

– Почему же они кажутся нам крохотными точками?

– Да только потому, что они удалены от нас на миллионы и миллионы миль. Вот если бы направить на них небесные очки...

– А что такое небесные очки, маэстро?

– Попробую растолковать тебе.

И он постарался как можно проще рассказать мальчику об очках дона Аннибале, монастырского библиотекаря, и о собственной своей мечте. Он говорил, что когда-нибудь люди придумают такой прибор, который будет увеличивать для человеческого глаза небесные тела так же, как сейчас стеклянные очки увеличивают буквы в книге.

– И тогда, Ченчо, – закончил свою горячую речь Джордано, – тогда мы воочию увидим, что планеты такие же круглые, как Земля, мы увидим на них материки, океаны, острова, горы...

– Маэстро, вы говорите так уверенно, точно уже видели все это.

– Я вижу это в воображении, мой мальчик! Сила разума заменяет мне «небесные очки». Мысль человека всемогуща, и она дополняет наши несовершенные органы чувств.

Наступило молчание, а потом Ченчо спросил:

– Я не понимаю, учитель, почему планеты светлые. Ведь Земля – темная, а вы говорите, что планеты во всем похожи на нее.

– Это объяснить легко. Ты пускал зайчики?

– Еще бы, много раз.

– Можно пустить зайчик, когда на небе нет солнца?

Ченчо задумался.

– Я думаю, нельзя. Ведь зеркало ловит солнечные лучи.

– Точно так же и планеты отбрасывают лучи солнца.

– А звезды тоже отражают солнечный свет?

– Если бы это было так, мы бы их не видели. Планеты далеки от нас, а звезды в тысячи раз дальше. Так утверждает Коперник, и я с ним согласен. Значит, они светят своим собственным и очень сильным светом. И потом, как могли бы красный Альдебаран, оранжевый Арктур, белый Сириус заимствовать свой свет от нашего желтого Солнца? Нет, друг мой Ченчо, каждая звезда – тоже солнце, огромное горячее солнце, удаленное от нас на колоссальное расстояние. И зачем природа заставила бы эти гигантские светила вращаться вокруг Солнца, которое ничем не превосходит их? – Джордано говорил с жаром, взволнованно. – Почему наше Солнце может считаться центром Вселенной?..

– Как все это величественно и непонятно! – вздохнул Ченчо. – Маэстро, ученые скажут вам спасибо, когда вы откроете им истину.

– Глупый мальчик, далеко не все люди стремятся познать истину. Многих она пугает, они предпочитают жить среди привычных заблуждений... Но пора, мой усердный переписчик, снова садиться за работу!

Такие разговоры давали очень много пытливому уму Ченчо. Он горячо полюбил своего учителя, и все, что говорил ему Джордано, казалось мальчику непреложной истиной. Он до слез спорил бы с тем, кто вздумал бы опровергать учение Бруно. Однако на барке не было людей, с которыми можно было бы беседовать на научные темы.

«Св. Изотта» продолжала спускаться по реке. Осталось позади устье Тичино, самого многоводного притока По, миновали города Пьяченцу и Кремону.

Неподалеку от Феррары река разделилась на два рукава. Барка пошла по главному, более глубокому. У Папоццы этот рукав снова разделился на два протока: Поди-Горо и По Гранде делла Маэстра. Чувствовалась близость Адриатического моря, и требовалось большое искусство кормчего, чтобы не заплутаться среди множества островов и не попасть в несудоходный рукав реки. Барка выбрала По Гранде делла Маэстра, так как здесь шла основная масса воды.

Множество птиц гнезилось на пустынных островах и на берегах лагун, широкой сетью раскинувшихся на десятки миль.

Погода сильно задерживала плавание. Часто дули штормовые ветры, загоняя барку в бухточку, где ей угрожала опасность быть залитой волнами. Шли затяжные дожди, река вздулась, трудно было найти фарватер. И хотя «Св. Изотта» представляла надежное убежище, Джордано с облегчением вздохнул, когда в начале ноября, показывая на зачерневшую вдали длинную полосу воды, капитан сказал:

– Море!

Глава седьмая
Царица Адриатики

Во время плавания по реке на барку проник слух, что в Венеции чума. Правда, приносившие эту весть говорили, что эпидемия идет на убыль.

Чума была самым страшным бичом народов. От этой болезни не знали лекарств. Человечество не очень давно вынесло ужасную эпидемию черной смерти, охватившую Европу и Азию в XIV веке. Она началась в Китае, где погубила более пяти миллионов человек. Италия за несколько лет потеряла половину населения. От черной смерти люди нигде не находили спасения. По Средиземному морю плавали корабли-призраки с мертвым экипажем, и, когда их прибывало к суше, жители прибрежных городов и селений разбегались в ужасе. Чума пробралась не только в Англию и Скандинавию, – она достигла далекой холодной Гренландии...

С тех пор вспышки чумы наблюдались в каждом веке, хотя не в таких широких размерах.

Первые же известия о чуме в Венеции заставили Джордано серьезно задуматься. Что делать? Изменить маршрут путешествия или проникнуть в зачумленный город? От врачей Бруно слышал, что опасность заболеть не так велика, если не соприкоснуться с чумными, и все же...

Больше всего беспокоился Бруно об участии Ченчо. Если бы он, Джордано, путешествовал один, он рискнул бы пробраться в Венецию. Но великая ответственность за мальчика, взятая им на себя...

После долгих размышлений Бруно предложил своему юному спутнику денег, чтобы тот возвратился на родину.

Ченчо возмутился. Он заявил, что если явится в Сан-Микеле, один, без учителя, мать и дядя проклянут его и будут правы. Бруно возразил, что он своей священнической властью заранее объявляет это проклятие недействительным. Ченчо утверждал, что без воли божией ни один волос не упадет с головы человека. Но и этот довод не подействовал на Бруно, и тогда мальчуган прибегнул к последнему средству.

– Вы отправляете меня в такое далекое и опасное путешествие одного, – мрачно сказал он. – А если я погибну?

Джордано вздрогнул. О такой возможности он не подумал. Ведь Ченчо был так умен и ловок, так хорошо вел их маленькое хозяйство, что Бруно невольно привык смотреть на него как на взрослого, как на равноправного товарища странствий. А ведь на деле Ченчо шел только пятнадцатый год. Если его отправить в путешествие одного, ему будет грозить множество опасностей. Его могут убить по дороге, могут захватить разбойники и сделать своим слугой – и, что еще хуже, могут продать в рабство в Египет или Тунис...

А Ченчо продолжал:

– Опасность там, опасность здесь. И где лучше, где хуже – неизвестно. А зато мы напечатаем в Венеции «Знамения времени», маэстро! – лукаво добавил он.

Джордано не устоял.

Когда до Венеции оставалось около двадцати миль, в море показалась лодка, с черным флагом на мачте. Она держала путь к «Св. Изотте».

– Так и есть! – сказал испуганный капитан. – Черная смерть!

Лодка остановилась на расстоянии голоса. Рулевой закричал:

– Эй, на барке! Разве не знаете, что у нас чума?

– Слух доходил, – ответил капитан, – но мы сомневались.

– Ну, так поворачивайте! – приказал карантинный служитель.

– Подождите! – закричал Джордано. – А если я хочу попасть в Венецию?

– Попасть можно, – ухмыльнулся карантинщик, – а как обратно?

– Я сниму с вас эту заботу.

После переговоров лодочник согласился довести Бруно и Ченчо до Венеции. Джордано, его спутника и их скромный багаж спустили в карантинную лодку.

Джордано вступил в разговор с лодочником.

– Давно у вас появилась чума?

– Да уж месяца три будет. И во всем виновата колдунья.

– Какая колдунья? – с любопытством спросил Ченчо.

Карантинщик, проводивший целые дни в море и соскучившийся по людям, охотно начал рассказывать:

– Видите ли, сеньоры, жила у нас во Фреццари одна зловредная старушка. Она лечила людей без благословения отцов инквизиторов...

– И отправляла на тот свет? – догадался Ченчо.

– Вот в том-то и дело, что наоборот – вылечивала! – возразил лодочник. – Иного беднягу так лихорадка скрутит, ну прямо живой мертвец, иди и гроб заказывай. А эта ведьма даст попить водицы, настоящей на каких-то корешках, и, глядишь, парень хоть куда. Колдовство! Колдовство!.. Отцы монахи пришли в ее лачугу с обыском и нашли – что бы вы думали, сеньоры?

– Колдовские амулеты? Человеческие кости? – предположил Ченчо.

– Хуже! – с торжеством заявил лодочник. – Из камина выскочил черный как сажа кот без единой отметинки. Ясно – воплощенный сатана, вдохновитель всех волшебств. Старуху и кота сожгли. Но после этого призрак старухи целую неделю летал по ночам над городом и дико выл.

– А вы слышали? – спросил Джордано.

– Ну, я-то сам не слышал, а знаю от других. Вот эта самая колдовка и навела чуму на Венецию.

Джордано укоризненно покачал головой:

– И вы верите в эти нелепые рассказы?

Лодочник подозрительно взглянул на пассажира:

– А вы сомневаетесь в утверждении святой церкви?

Разговор прекратился.

Дивной, неповторимой показалась Венеция Джордано и Ченчо, когда город предстал перед путешественниками ясным осенним днем, с озаренными солнцем желтыми, розовыми, фиолетовыми дворцами, с колокольной святого Марка, высоко взметнувшейся в бледно-синее небо. Лодочник провез пассажиров к своему знакомому – пушечному мастеру, работавшему в Арсенале.

По городу бродила болезнь, и все-таки Бруно и Ченчо не могли усидеть в отведенной им комнате. Несмотря на уговоры хозяйки, они вышли на крыльцо дома, спускавшееся в мутно-зеленоватую воду канала.

Мимо проплывала гондола, длинная узкая лодка с небольшой каюткой, расположенной посредине. Железный зубчатый нос лодки поднимался вертикально, напоминая гребень. Бруно подумал, что широкие зубцы гребня в случае столкновения с другой лодкой должны смягчать удар. И нос и корма лодки были забраны досками. Гондольер, стоя на корме, ловко орудовал длинным узким веслом. Джордано и Ченчо сели в каютку с двумя широкими окнами, открывавшими вид с обоих бортов. Лодка бесшумно заскользила по воде.

– Куда желают сеньоры? – спросил гондольер.

– Конечно, на Большой канал, – ответил Джордано.

Большой канал разделял город на две почти равные части, он был самым широким из всех и наиболее оживленным. По обеим сторонам его поднимались великолепные дворцы патрициев. Парадные двери выходили на канал, и с высоких крылец можно было сойти по ступенькам в гондолу, привязанную к раскрашенному столбику тут же, возле лестницы.

Но Большой канал показался Бруно довольно пустынным. Редко виднелись плывущие гондолы, большая часть их стояла на приколе.

– У вас здесь всегда так тихо? – удивился Джордано.
– Чума, синьор чужестранец, – коротко объяснил лодочник.
– Но вы же не сидите дома?
– Чума не чума, а детишек кормить надо, – вздохнул гондольер и резко затормозил лодку.

Из бокового канала выплыла большая черная гондола с двумя гребцами. На носу ее лежали трупы, обернутые в просмоленный холст.

– Погребальная гондола, – сказал лодочник.
Бруно и Ченчо невольно вздрогнули.
– Где же хоронят мертвецов? – спросил мальчик.
– Адриатика велика. Отвезут подальше в море и спустят за борт. А чтобы не всплыли, к ногам покойников привязывают камни.

Лодочник высадил приезжих на Пьяцетте, небольшой площади, куда вела каменная лестница между двух гранитных колонн розоватого цвета. Левую колонну венчала статуя святого Теодора, поражающего копьём крокодила, на вершине правой лежал крылатый лев святого Марка, эмблема Венеции.

С левой стороны Пьяццеты стояло мраморное здание с великолепными аркадами и неизбежными статуями наверху – библиотека Венецианского сената, огромное собрание рукописей и книг. Джордано, мечтавший поработать в ней, с огорчением узнал, что из-за чумы библиотека закрыта.

Справа поднимался величавый Дворец Дожей. Венецианский дож – глава республики – избирался из среды знатных, но пользовался полнотой власти только в дни войны. В обычное время республикой управлял Совет Десяти.

Дворец Дожей – огромное здание в мавританском стиле – стоял на двух ярусах аркад, которые служили нижними его этажами. Широкие окна с заостренными полукружиями наверху освещали парадные залы роскошного дворца – залу Большого Совета, украшенную картинами знаменитых художников, залу Совета Десяти и другие. К главному входу во Дворец Дожей вела беломраморная Лестница гигантов, по бокам которой возвышались колоссальные изваяния Марса и Нептуна – бога войны и бога морей. И тот и другой считались покровителями венецианцев, приносивших им огромные жертвы в сухопутных и морских битвах.

С Пьяццеты Джордано и Ченчо перешли на знаменитую площадь Святого Марка, самую большую и красивую в Венеции. В глубине площади причудливой громадой вставал храм покровителя города, святого Марка. Храм был великолепен, с высокими арками дверей, с пятью большими куполами на крыше по византийскому образцу, со множеством башенок на крыше, завершавшихся остроконечными шпилями. В каждой башенке меж четырех колонн, поддерживавших шпиль, стояла статуя святого. Иные статуи были воздвигнуты на открытом воздухе, подвергаясь действию непогод. Фасад базилики Святого Марка поражал удивительным богатством: множество колонн, поставленных в два яруса, повсюду разноцветный мрамор, порфир, дорогие камни.

Мозаичные картины в нишах отличались яркостью и чистотой красок, которым не грозило время: они были сложены из бесчисленного количества мелких кусочков цветного стекла. Над главным входом красовались четыре бронзовых коня, о которых венецианцы шутили, что это единственные кони в их городе.

Это великолепное пышное здание строилось в течение веков и гармонично соединило в себе черты разных стилей.

Джордано и Ченчо вошли в храм, бронзовые двери которого стояли полуоткрытыми. Их охватила тишина и прохлада. Лишь кое-где в полусумраке мерцали огоньки серебряных лампад да несколько монахов неслышно бродили по мозаичному мраморному полу, охраняя сокровища базилики. Стены собора,

полукружия арок и высокие своды были украшены бесчисленными изображениями ангелов и святых – работа знаменитых Тициана, Веронезе, Тинторетто...

Алтарь отделялся от остальной части храма колоннадой со статуями святых наверху. Из-за колоннады сиял драгоценными камнями огромный напрестольный крест. Неисчислима была стоимость храма со всеми его украшениями с драгоценностями, спрятанными в скарбницах, а когда, потрясенные всем виденным, Джордано и Ченчо вышли на паперть, их окружила толпа нищих, показывавших болячки и униженно клянчивших милостыню. Как видно, и нищим голод казался страшнее чумы.

Контрасты богатства и нищеты повсюду поражали в Венеции. У великолепного моста Риальто, смелой аркой перекинутого через Большой канал, расположился рыбный рынок, где шла торговля плодами моря, не такая бойкая, как обычно, но достаточно оживленная.

Целый день изгнанники очарованные бродили по площадям, плавали по каналам, осматривали бесчисленные храмы, монастыри и дворцы царицы Адриатики. Венецианцы сторонились их, угадывая по одежде, что это приезжие, быть может, уже зараженные невидимым ядом чумы. Только гондольеры сразу откликались на зов, нищие протягивали руки за подаянием да купцы бесстрашно предлагали товары: пусть рушится мир, но торговля должна продолжаться.

Лишь вечером Джордано и Ченчо вернулись на квартиру.

Глава восьмая

«Знамения времени»

Как ни усиленно работал Джордано Бруно над своим первым научным трудом, он не успел закончить его за время путешествия по реке. Надо было приниматься за работу здесь. И хотя площади и каналы Венеции манили к себе, Джордано сел за стол с пером в руке. Последняя часть «Знамений» требовала особого напряжения мысли, полного сосредоточения душевных сил.

В эпоху, когда еще не появился телескоп, осуществивший мечту Бруно о «небесных очках», когда все астрономические наблюдения производились простым глазом при помощи квадранта, дерзновенная мысль ученого одной силой логики пыталась создать необычайно широкую картину Вселенной. И Бруно ее создал.

Далеко опережая современную ему науку, Бруно утверждал, что Солнце вращается, что звезды находятся в вечном движении, что каждая звезда окружена семьей планет...

Высмеивая библейские сказки о сотворении мира в шесть дней, гениальный мыслитель писал, что мир вечен, что он всегда существовал и будет всегда существовать.

И вот дописана последняя строка, поставлена последняя точка.

– Ченчо, друг мой, – сказал Бруно, – свершилось!

– Поздравляю вас, маэстро! – в восторге воскликнул Ченчо. – Поздравляю от всей души и сажусь переписывать последние страницы. Пока у нас не будет полной копии «Знамений», вы не пойдете к издателям!

Ченчо не замешкался с работой, и через два дня Бруно смог отправиться к венецианским типографам. А Ченчо, проводив наставника, сел за вторую копию «Знамений». В семье Ронка не привыкли рассчитывать на милости судьбы и полагались на собственные силы. Мало ли что может случиться и с рукописью и с копией! Не разгибая спины, Ченчо сидел и переписывал.

Джордано вернулся вечером в мрачном настроении.

– Плохи дела, – заявил он. – Царица-чума на все наложила властную руку. Всякая деятельность в городе замерла. Я был в пяти типографиях. Владельцы одних бежали из города, боясь заразы, в других вымерли печатники.

На следующий день Бруно снова поехал искать счастья. Вернулся он в полдень радостный.

– Ну, Ченчо, дружок, дело налаживается. Правда, хозяин первой типографии, куда я сегодня обратился, сказал мне: «Принесите отзыв от видного писателя, философа или от духовного лица. Если будет сказано, что книга представляет интерес для читателя, мы, так и быть, рискнем». Зато во второй у меня рукопись взяли, и издатель обещал прочитать ее. За ответом приходит через неделю.

Изгнанники соблюдали строжайшую экономию, так как деньги подходили к концу. Ели два раза в день, и притом самые дешевые кушанья. Они старались пореже выходить из дому, так как для каждой незначительной поездки приходилось брать лодку и выкладывать сольдо.

Джордано с волнением вошел в контору типографии. Издатель, плотный, широколицый человек, сидел за большим столом, заваленным листами оттисков. Перед ним лежала рукопись Бруно.

– Я прочитал ваш труд, синьор магистр, – заговорил издатель, – и должен воздать честь вашей фантазии...

– Фантазии? – бледнея, спросил Джордано.

– Конечно, ваш труд – чистейшая фантазия, – безмятежно подтвердил издатель. – Не буду отрицать, он читается с большим интересом, особенно в первой части. Но когда вы, отрицая библейские истины, начинаете утверждать, что Земля будто бы вращается вокруг Солнца, что Солнце куда-то несется в бесконечном пустом пространстве, что каждая звезда – тоже солнце, тут ваши выдумки переходят всякие границы!

– Но позвольте, синьор, – вскипел Бруно, – великим Коперником уже доказано, что Земля вращается вокруг своей оси и совершает оборот вокруг Солнца за один год!

– Э, полноте, милейший, – возразил издатель, поигрывая костяным ножом для разрезания бумаги, – если бы Земля куда-то летела, да еще и вертелась при этом, как утка на вертеле, а ведь, кажется, так, по вашим словам, утверждает некий синьор Коперник, мы бы свалились с нее...

Самоуверенное невежество издателя потрясло молодого ученого. Что можно доказать человеку, который даже не слышал имени Коперника? А издатель продолжал:

– Я бы, пожалуй, согласился выпустить первую часть вашей книги в виде альманаха, но при условии, что вы вставите туда побольше рассказиков из мифологии на игривые сюжеты. Такие вещи публика любит.

– Или все, или ничего! – сухо возразил Джордано.

– Тогда ничего, – любезно ответил издатель.

Дома Ченчо встретил учителя сообщением, что сегодня он разменял предпоследний дукат.

Положение изгнанников на чужбине стало очень серьезным. Бруно мог бы заработать на жизнь уроками, но кому понадобится учитель философии или латыни в городе, где всякое соприкосновение с новым человеком опасно?

Ченчо, набравшись смелости, заявил:

– Учитель, я наймусь в братья милосердия. Моего заработка хватит на двоих, я уже справлялся.

Бруно содрогнулся, услышав такое предложение. Изгнанникам часто приходилось встречать братьев милосердия – людей, одетых в просмоленные

балахоны, с глухими капюшонами на голове, в которых были только прорезаны отверстия для глаз, в рукавицах выше локтя.

Эти смелые люди плавали на больших черных гондолах, посещали жилища бедняков в густонаселенных кварталах: там больше всего гнездилась чума. Они ставили смоляные кресты на дверях домов, где обнаруживалась болезнь, – знак, что всякое общение с этим домом воспрещено. Нередко всех обитателей такого дома одного за другим вывозили в водяную могилу, а их жалкие пожитки сжигались.

Джордано рассердился:

– Эту мысль выкинь из головы! Для того ли я увез тебя от родных, чтобы подвергать каждый день, каждый час смертельной угрозе? Уж коли одному из нас придется пойти в братия милосердия, это только мне.

– Вам, маэстро? – с негодованием возразил Ченчо. – Вам, читающему небо, как открытую книгу, и разгадывающему его сокровенные тайны? И это для того, чтобы прокормить мальчишку из Сан-Микеле?

Счастливым случай пришел на помощь скитальцам. Бруно решил предложить рукопись еще в одну типографию, и по дороге туда произошла неожиданная встреча.

Гондольер вез ученого по Большому каналу, и к его гондоле приблизилась нарядно окрашенная лодка. Джордано, смотревший в другую сторону, вздрогнул, услышав окрик:

– Джордано Бруно!

«Меня узнал сыщик инквизиции!» – подумал Бруно.

Он крикнул гондольеру:

– Дукач, если уйдешь от этой гондолы!

Лодочник искусным маневром повернул суденышко и бросился в один из поперечных каналов. Но, как видно, второй гондольер получил приказ не отставать. Началась сумасшедшая гонка. Лодка Бруно чуть не налетала на встречные гондолы, на углы домов, где приходилось делать крутые повороты. Погоня закончилась в одном из отдаленных узких каналов, когда убежавшей лодке преградила путь погребальная гондола, стоявшая поперек улицы. И снова раздался зов:

– Джордано Бруно!

– Кто вы такой? – с дрожью в голосе спросил изгнанник.

– Я – магистр Чезаре Ремиджио из Флоренции. Я друг настоятеля церкви Санта-Репарата, мессера Бонавере да Фано, и встречал вас в приемной епископа, когда вы привезли во Флоренцию ноготь святой Репараты.

Джордано перевел дух. На него дружелюбно смотрел седовласый человек, и голос его звучал искренностью.

– Да, я Бруно, – сознался изгнанник, – но поверьте, мессер, меня заставили бежать от вас очень важные причины.

– Я слышал о них, – просто сказал флорентиец. – Прошу вас считать меня в числе ваших друзей.

Джордано колебался. Предательство или столь необходимая поддержка в трудный момент? Природная доверчивость взяла верх. Бруно улыбнулся старику и сказал:

– Располагайте мною, мессер!

– Так-то будет лучше, – добродушно молвил Ремиджио. – Пересаживайтесь ко мне.

Бруно перешел в гондолу флорентийца. Через полчаса двое ученых беседовали в келье Ремиджио, в одном из венецианских монастырей, где жил магистр. Джордано откровенно, как всегда, рассказал о своих злоключениях, не

скрыл и того трудного положения, в каком находится. Услышав о хлопотах Бруно в издательстве, флорентийский магистр сказал:

– Дайте мне ваш труд, брат Джордано. Я не буду томить вас долгим ожиданием и прочту рукопись за три дня. А пока...

В мягкой, необидчивой форме флорентиец предложил Бруно денег, и тот принял, растроганный добротой старика.

На следующий вечер Джордано принимал у себя гостя. Не дожидаясь назначенного срока, мессер Ремиджио сам явился в бедное жилище изгнанника. Лицо флорентийца казалось усталым, под глазами лежали тени.

– Брат Джордано, – сказал Ремиджио, – я читал всю ночь и весь сегодняшний день. И говорю со всей искренностью: мне кажется, ваш труд начинает новую эпоху в познании Вселенной.

Радость потрясла Бруно, и он не мог вымолвить ни слова. Зато Ченчо чуть не завизжал от восторга, но, сдержанный строгим взглядом наставника, выскочил из комнаты и скатился по лестнице.

– Я расскажу историю своей жизни, – продолжал флорентийский магистр, – и вы поймете, почему я от всей души хочу поддержать вас. Я родился в небогатой многодетной семье, и меня с юных лет взял на попечение дальний родственник отца, аббат одного из флорентийских монастырей. Под его началом я прошел искус послушника и принял монашеский сан, он же послал меня учиться в Римский университет. И там мне попала в руки небольшая книжка под заглавием «Первое повествование о книгах Николая из Торна, каноника Вармийского»...

Джордано, не удержавшись, перебил:

– Я знаю об этом сочинении, хотя мне не приходилось его видеть! Оно написано учеником Коперника Рэтиком и вкратце излагает новую систему мира.

– Совершенно верно, – подтвердил Ремиджио. – Учение Коперника увлекло меня, я начал распространять его среди друзей. Но друзья, – старик горько усмехнулся, – друзья предали меня и написали дяде (так я называл своего воспитателя) о том, что я стал приверженцем богохульного учения. Аббат явился в Рим, произвел дознание, – а я не стал скрывать своих взглядов – и потребовал от меня отречения под страхом строгой кары. И я – каюсь перед вами в своем малодушии! – я отрекся. С тех пор прошло много лет, аббат умер, и я давно не считаю свою клятву действительной, но, всецело погрузившись в богословскую науку, я позабыл о Копернике. Лишь теперь, прочитав ваше блестящее сочинение, где вы не только пересказали учение Коперника, но и расширили, углубили его, я со стыдом думаю о своем отступничестве. Но я искуплю его, – горячо молвил флорентиец, – даже если это принесет мне неприятности! Я помогу вам в распространении новых великих идей. Мое влияние в издательстве Мануцио позволит нам выпустить этот труд. Он настолько необычен, настолько пугает ограниченных людей грандиозностью мыслей, что ни один книгопечатник не только в Италии, но и в целой Европе не решится его напечатать.

– Я в этом убедился, – сказал Бруно.

– Дело в том, – лукаво улыбнулся старый монах, – что Мануцио всецело мне доверяет. Он не станет читать «Знамения времени», положившись на мой отзыв, а я составлю его в правоверно-католическом духе.

Глаза Бруно затуманились слезами.

– Ах, мессер, мессер, вы спасаете меня из бездны недоверия к человечеству! Я даже не благодарю вас, так как понимаю: вы поступаете столь достойным образом не из ожидания благодарности...

– И вы правы, брат. Я действую как поборник истины.

С этого дня дела Бруно сразу изменились к лучшему. Альдо Мануцио был одним из первых венецианских типографов. Он давно умер, дело продолжали его наследники, и фирма пользовалась славой одной из самых добросовестных.

Напечататься у Мануцио мечтали многие авторы, это обещало быстрое распространение книги.

В издательство «Наследники Мануцио» поступил блестящий отзыв Ремиджио на книгу «Знамена времени». Флорентиец указал, что автор книги – доктор богословия, но его настоящее имя не может быть открыто по важным соображениям.

В старину не существовало ни авторского права, ни авторского гонорара. Единственным вознаграждением автора было то, что издатель на время печатания книги принимал автора на содержание наравне со своими служащими. Ченчо, как ученик Джордано, тоже поступил на иждивение Мануцио.

Бруно в теплых признательных словах посвятил книгу мессеру Чезаре Ремиджио, воздав ему должное за его ученость, проявления любви к ближним и прочие высокие душевные качества.

Пока печаталась книга, чума в Венеции кончилась, и каждый был волен покинуть город. Джордано решил переменить местожительство. Он надеялся, что святейшая инквизиция потеряла его след, но все-таки не стоило слишком долго засиживаться на одном месте.

В начале февраля 1577 года Джордано Бруно и Ченчо выехали в Падую. Снабженный рекомендательными письмами мессера Ремиджио, Бруно рассчитывал получить место преподавателя в Падуанском университете, лучшем в Италии, где свободно излагали свои взгляды многие выдающиеся философы и ученые страны.

В дорожном багаже Джордано лежали упакованные полтора десятка экземпляров книги «Знамена времени».

Глава девятая

Падуя

Джордано Бруно жил в Падуе уже около года. Большая радость ждала его в этом древнем городе, где многое сохранилось с римских времен. Здесь встретил он своего лучшего пансионского друга Альфонсо Маринетти. Теперь это был почтенный отец Бенвеньято, аббат церкви Санта-Джустина. Еще в пансионе Маринетти был первым учеником и отличался высокими душевными качествами. И хотя это не часто случалось в истории католической церкви, но Маринетти, не имевший высоких покровителей, в тридцать пять лет получил важный пост настоятеля храма в Падуе.

Встреча двух старых друзей была радостной. Бенвеньято повел Джордано к себе, в церковный дом. Он усадил его за стол, наполнил вином бокалы себе и гостю и молвил:

– Рассказывай!

И Бруно начал рассказывать. Он говорил о годах пансионского учения, называл дорогие имена школьных товарищей. С теплым чувством два друга вспомнили Джакомо Саволино, который с такой душевной теплотой следил за умственным и нравственным развитием своих питомцев. Маринетти с большим сожалением узнал о смерти сэра Джакомо и об уходе синьоры Васты в монастырь.

Джордано поведал другу свою постоянную мечту найти отца, покинувшего дом после смерти жены и ушедшего странствовать неведомо где. Куда бы ни забрасывала Бруно судьба, он всюду разыскивал следы старого знаменщика, расспрашивал стражу на пограничных заставах, бродячих музыкантов, торговцев, нищих...

– Я не встретил ни одного человека, который видел бы отца, но не теряю надежды.

Самое большое место в воспоминаниях Бруно заняла история его трагической любви.

– Больше двенадцати лет прошло с той поры, – тихо говорил Джордано, – но не было ни одного дня, чтобы я не думал о Ревекке, не видел перед собой ее прекрасного лица, милого, любящего взгляда. Если бы нас не разлучила смерть, я не сделался бы монахом, Маринетти. И быть может, я не вступил бы в борьбу с этим торжествующим зверем – католической церковью.

Джордано, как старшему брату, рассказал Маринетти все без утайки: и о том, что он выбросил иконы из своей кельи, что отрицал двойственную природу Христа, троичность божества и многие другие догматы религии.

– За все это меня судили, – закончил повествование Бруно, – и мне грозило суровое наказание. Но я убежал и сбросил монашескую одежду.

– Я глубоко сожалею о печальном конце твоей любви, – сказал аббат. – Не будь этого, возможно, ты занимался бы астрономической наукой, как светское лицо, и не навлек бы на себя такого гнева церкви. Я не буду обсуждать с тобой канонические вопросы и догматы, здесь ты сильнее меня. Но, сняв рясу, ты поступил как безумец!

– Я это знаю, – согласился Бруно.

– Тогда зачем же ты продолжаешь носить светское платье? – удивился Маринетти. – Теперь в этом уже нет необходимости! Наоборот, это тебе повредит, когда ты явишься к ректору просить должность.

Джордано снова надел белую рясу доминиканца, а Ченчо, поступившему в университет, купили студенческую сутанеллу. Изгнанники поселились у аббата Маринетти.

Бруно по-прежнему много времени уделял воспитанию Ченчо. Юноша быстро развивался и физически и умственно. Ростом и силой он теперь не уступал своему дяде Алессо. Ченчо овладел латынью, читал классиков, усердно занимался в университете, и Джордано предсказывал, что через два-три года появится новый магистр семи свободных искусств – Ченчо Альтовити. Ченчо краснел до корней волос.

Чтобы получить место преподавателя в университете, Джордано вынужден был открыть свое имя, предъявить диплом на ученую степень. Он быстро сошелся с несколькими свободомыслящими профессорами, вместе с ними выступал в диспутах. Особенно сблизился молодой ученый с Джакомо Забарелла. В лекциях Забареллы было много такого, что совпадало со взглядами Бруно. Забарелла был материалистом, то есть считал, что природа не создана Богом. Забарелла признавал вечность материи и отвергал бессмертие души. Все в мире движется – и планеты, и звезды, и небо, в котором они находятся. Многие из положений Забареллы Бруно впоследствии использовал в своих философских трудах.

Трактат «Знамения времени» стал широко известен в Падуе. Первым получил в дар эту книгу Бенвеньято Маринетти, вторым – Джакомо Забарелла. Кроме того, Джордано преподнес экземпляры своего труда еще двум-трем друзьям из ученого мира.

Маринетти не отрывался от «Знамений времени» несколько дней и явился в комнату Бруно поздним вечером, когда Ченчо уже спал.

– Друг мой Джордано, – начал аббат, – я прочитал твою книгу, но лучше бы я никогда не держал ее в руках.

Бруно вопросительно взглянул на друга.

– Твое учение (я не могу иначе его назвать!) взволновало мою душу, лишило покоя. Куда уютнее было жить на неподвижной Земле, считать, что человек – венец творения, что сияющее Солнце, кроткая Луна, тысячи блестящих звезд – все это создано лишь для того, чтобы освещать наши дни и ночи. Коперник, и вслед за ним ты, – вы превратили Землю в песчинку, несущуюся в вихре вечного движения среди безмерной пустоты. И мне страшно... – Голос Маринетти понизился до шепота. – Как я могу теперь говорить своей пастве о рае и аде, о сонмах ангелов,

реющих вокруг божьего престола, когда в мире нет места ни для рая, ни для ада, ни для господних чертогов в заоблачной вышине...

– Мне жаль тебя, – серьезно ответил Бруно, – но прозрение не дается без душевной муки.

Совсем иначе разговаривал с Джордано о его книге философ Забарелла. В «Знамениях времени» Забарелла нашел свои идеи, но не в виде догадок, а изложенные со всей силой убедительности. И Джакомо Забарелла начал публично восхвалять труд Бруно, разъясняя его огромное значение.

В университете нашлись профессора, которые яро отрицали самые основы нового миросозерцания, объявляли Бруно безбожником, заслуживающим жестоких кар.

Завязавшаяся полемика, в ходе которой Бруно громил своих противников, опровергая все их доводы, сделала книгу Джордано чрезвычайно популярной. У счастливых ее владельцев выпрашивали «Знамения» хотя бы на одну ночь. Когда товарищи Ченчо узнали, что у него имеются две рукописные копии книги, юноше пришлось выслушать немало горьких упреков за то, что он держит такое сокровище под спудом. По ночам в студенческих кельях скрипели перья: горячие поклонники учения Бруно переписывали «Знамения времени».

Состоятельные студенты ездили даже в Венецию – покупать книгу Бруно в книжной лавке Мануцио. Типограф собрался выпускать второе издание книги Бруно, так как первое, к удивлению Мануцио, почти все разошлось за несколько месяцев.

Но противники Бруно не дремали. Один из профессоров, считавший себя особым ревнителем веры, послал в Венецию донос, обвинив Бруно в печатном распространении еретических идей. Инквизиция забила тревогу. Нераспроданные экземпляры книги Бруно были конфискованы, а Мануцио получил строгий приказ не печатать больше это еретическое сочинение.

Донос благочестивого профессора имел и более широкие последствия. Инквизиторы всех итальянских государств представляли единое, крепко спаянное общество. Не имело значения, что Венеция была свободной республикой, в Неаполе хозяйничали испанцы, а Римом правил папа. Защитники святой веры повсюду действовали заодно.

Венецианские инквизиторы переслали донос профессора и книгу Бруно в Рим, и таким путем Хиль Ромеро снова попал на след Джордано, утерянный после бегства Бруно из Ноли.

Глава десятая

Право убежища

Утром апрельского дня 1578 года в дом Маринетти вбежал перепуганный Ченчо. Он ворвался в комнату, где разговаривали Бруно и Маринетти, и крикнул отчаянным голосом:

– Маэстро, Хиль Ромеро в Падуе! Я узнал его по черной повязке! Он идет сюда с отрядом сбиров. Я пробежал более короткой дорогой!

Маринетти приказал:

– Скорее! Не терять ни мгновения! В церковь!..

Ченчо ненадолго задержался, чтобы захватить кольчуги и оружие. Маринетти вздохнул с облегчением, когда за ним и его друзьями захлопнулась тяжелая церковная дверь. Бруно оказался в безопасности, потому что храм Санта-Джустина пользовался правом убежища.

Прошло несколько томительных минут, и раздались гулкие удары. Маринетти, взволнованный, но полный достоинства, показался в приоткрытой двери.

– Что вам здесь нужно? – спросил он, глядя в лицо Хильо Ромеро, которого узнал по описаниям друга.

За спиной испанца стоял, злобно ухмыляясь, бандит Кучильо, а дальше теснились сбирь. На площади начали появляться люди, заподозрившие неладное.

– Мессер настоятель, я требую выдачи еретика Джордано Бруно, скрывшегося здесь! Вот указ римской инквизиции о его задержании!

– Вам известно, что храм Санта-Джустина пользуется правом убежища?

– Оно не должно распространяться на богохульников! – яростно вскричал Ромеро.

– Христос брал под свое покровительство и праведных и грешных, – спокойно возразил аббат.

Ромеро повернулся к сбирам:

– Я приказываю войти в церковь и арестовать еретика!

Кучильо двинулся вперед, но его тотчас схватили за локти сбирь. Они боялись нарушить неприкосновенность Санта-Джустины. Хильо Ромеро бушевал, потрясал указом Рима, обещал большую награду, но сбирь не трогались с места. А толпа на площади росла, и настроение ее было воинственное. Раздавались угрозы по адресу Хильо и сбирь. Это заставляло стражу вести себя осторожно. Когда в своем неистовстве испанец неодобрительно отозвался о святой Джустине, офицер вежливо, но твердо заявил, что не может допустить оскорблений святыни. Падуанцы, запрудившие площадь и прижавшие сбирь к церковной стене, громкими одобрениями встретили эти слова. Хильо еле сдержал свой гнев.

– Синьор офицер, – сказал он, – я еду в Венецию за указом епископа, разрешающим нарушить неприкосновенность храма.

Офицер поклонился:

– Если вы привезете такой указ, мы будем обязаны ему подчиниться.

– До моего возвращения держите вокруг церкви надежную охрану, чтобы безбожник Бруно не мог скрыться.

– В таком случае на время вашего отсутствия в храме не должны производиться богослужения, иначе тот, кого вы ищете, покинет церковь с толпой молящихся, – сказал полицейский офицер.

Через час Ромеро вернулся с распоряжением местных церковных властей о временном прекращении служб в храме Санта-Джустина. Оставив Кучильо наблюдать за сбирами, Хильо Ромеро помчался в Венецию.

Бенвеньято Маринетти стоял в дверях бледный, но решительный. После того как ему доложили об отъезде испанца, Маринетти прошел к себе. Его не задержали. Ромеро разрешил впускать и выпускать клириков, но приказал зорко следить, чтобы не ускользнул Бруно. Кучильо описал часовым его приметы.

Маринетти вернулся с большим узлом. Кучильо преградил ему дорогу:

– Что здесь, мессер аббат?

– Еда, – ответил настоятель.

– Еду проносить нельзя, это запрещено братом Хилем Ромеро.

Бенвеньято, побледнев от гнева, обратился к толпе:

– Граждане свободной Падуи, вы слышите? Святая Джустина взяла заблуждавшегося, но раскаявшегося грешника под свое покровительство, а брат Хильо Ромеро уже обрек его на мучительную смерть!

Толпа грозно прихлынула к дверям. Начальник сбирь зашептал на ухо Кучильо, и тот отступил.

Кучильо узнал от офицера, что гнев падуанцев возбуждать опасно. Три года назад инквизиция попыталась привлечь к суду нескольких уважаемых граждан Падуи под тем предлогом, что они будто бы редко ходят в церковь. Предлог был таким нелепым, что всем стало ясно: церковники хотят завладеть имуществом обвиняемых, которое конфисковывалось в случае осуждения.

Граждане Падуи восстали. Несколько дней шли упорные бои, и наемникам инквизиции не удалось подчинить свободный юрод. С тех пор падуанцы держались еще увереннее.

Возмущенные граждане ни днем, ни ночью не отходили от храма, где скрывался Бруно: они считали своим долгом защитить человека, отдавшегося под покровительство святой Джустины, каковы бы ни были его грехи. Горячие почитатели Джустины заводили ссоры со сбирами, и достаточно было Маринетти сказать одно слово, как Падуя снова охватил бы бунт против инквизиторов. Но настоятель не хотел доводить дело до крайности, и, повинувшись его приказу, клирики успокаивали народ.

Часы проходили, приближалось время возвращения Ромеро, а положение оставалось безвыходным. Под вечер второго дня в церковь явился молодой диакон.

– В дом мессера аббата пришел посетитель в маске и не захотел назвать своего имени, – сказал он.

Маринетти поспешил к себе.

При виде аббата посетитель снял маску. Это был старый худощавый человек с бледным лицом и большими черными глазами.

– Я – сын зодчего, построившего храм Санта-Джустина, – представился он.

– Рад приветствовать вас, сер Риччио, – ответил Маринетти. – Своим творением ваш отец заслужил неувядаемую славу...

– Я пришел открыть важную тайну, мессер! – продолжал Риччио.

И он рассказал пораженному Маринетти удивительную историю. Оказалось, что, возводя храм, зодчий сделал из него потайной ход, о существовании которого было известно только строившим его рабочим. Риччио заставил их поклясться именем Джустины, что тайна умрет вместе с ними. Ход начинался скрытой дверью в ризнице и выводил во двор одного из церковных домов в ближнем переулке.

– И знаете, почему мой отец построил этот ход? – спросил Риччио. – Он точно предвидел будущее. «Сын мой, – сказал он мне перед смертью, – ты воспользуешься ходом в том случае, когда святой Джустине станет угрожать опасность». Такое время пришло, и вот я перед вами, святой отец! – закончил посетитель.

Растроганный Маринетти обнял старика:

– Благодарю вас! Вы спасаете святую Джустину!

Сын зодчего рассказал аббату, как найти потайную дверь, затем надел маску и ушел.

Настоятель отдал клирикам нужные распоряжения и отправился в церковь. Джордано посмотрел на него с удивлением: глаза Маринетти сияли.

– Вы спасены, друзья мои! – весело воскликнул аббат.

И он рассказал изумленным Джордано и Ченчо тайну собора.

– Все готово для вашего бегства, – закончил Маринетти. – Четыре оседланных мула стоят наготове во дворе дома, где кончается ход. При них два вооруженных причетника, они проводят вас до границы. И... вот тебе, друг Джордано!

Он вложил в руку Бруно кошелек с золотом.

Растроганный Бруно крепко обнял товарища.

– Время не ждет, – сказал Маринетти. – Прощай, Джордано! Ты отнял у меня душевный покой, но я тебя в этом не виню. Высокое познание истины стоит жертв.

Хиль Ромеро мчался в Венецию, не отдыхая ни часа. Угрожая гневом папы, он запугал венецианского епископа и быстро добился указа настоятелю Санта-Джустины выдать укрывшегося в храме вероотступника Бруно. Меньше двух суток прошло с момента отъезда из Падуи «бешеного испанца», как прозвали его содержатели почтовых карет, а Ромеро уже стоял на паперти Санта-Джустины.

Удары потрясли церковную дверь. Вышел спокойный похудевший аббат.

– Мессер настоятель, – воскликнул торжествующий Ромеро, – я привез указ и требую открыть церковь!

Маринетти внимательно прочитал указ, проверил печати, вернул пергамент монаху.

Толпа горожан угрожающе волновалась, тесня сбиров. Те держались за рукоятки мечей. Падуанцы были разочарованы, когда аббат сказал:

– Я подчиняюсь воле монсеньера епископа. Войдите!

Он широко распахнул дверь. Хиль Ромеро и Андреа Кучильо ворвались первыми, за ними последовали сбиры. Народ тоже хотел войти в церковь, но аббат задержал людей, широко раскинув руки.

– Не надо, дети мои! – властно сказал он. – Не будем мешать посланцам инквизиции в их поисках, дабы нас не обвинили в свершении дела, за которое надо благодарить не людей, а небо!

И было что-то такое в голосе Бенвеньято Маринетти, в выражении его лица, что даже самые буйные замерли на пороге храма. Аббат подозвал трех сбиров и приказал им быть свидетелями, что никто из горожан не вошел в церковь.

Хиль, Кучильо и их помощники пробежали по всем помещениям храма, но нигде не обнаружили Бруно. Настроение сыщиков упало. Маринетти, оставив сбиров сдерживать толпу у входа, подошел к полицейскому офицеру.

– Синьор, уверены ли вы в своих людях? – спросил он. – В храме бесценные сокровища.

Синьор полицейский не был уверен в своих людях, поэтому в помещения, где хранились драгоценности, входили только он, Ромеро и Кучильо в сопровождении аббата. Но напрасно Хиль и Кучильо в неистовстве перетряхивали ризы в шкафах, открывали сундуки, влезали под кафедры. Остервеневший Кучильо хотел даже опрокинуть главный престол, но перепуганный насмерть Ромеро успел удержать его. Осквернителям алтаря грозила такая лютая казнь, страшнее которой нельзя придумать.

Поиски становились все более безнадежными, а падуанцы, заполнившие паперть, церковную площадь и прилегающие переулки, ликовали. В толпе громко говорили о чуде: святая Джустина скрыла от взоров доверившегося ей человека и провела по городу. Лица горожан сияли. Раздавались крики:

– Хвала святой Джустине, избавившей Падую от позора!..

Хиль Ромеро покинул церковь последним. Вне себя от ярости он набросился на Маринетти:

– Мессер аббат, я обвиняю вас в укрывательстве преступников, в неповиновении властям!

Бенвеньято насмешливо улыбнулся:

– Я никого не укрываю. Ищите! Вы говорите о неповиновении, но разве я отказался вас впустить, когда вы явились с законным предписанием?

Толпа взревела от восторга.

Глава одиннадцатая

У змеи вырвано жало

Хиль Ромеро не стал доискиваться, каким путем Бруно вышел из храма. Ясно было одно: Джордано снова одурачил его, Хиля, как случалось не раз за время их многолетней борьбы.

И не стоило тратить время на бесплодные сожаления, когда требовалось действовать. Под насмешливые выкрики горожан Ромеро покинул площадь Санта-Джустины, за ним шли сбиры и Кучильо.

Куда мог направиться Джордано? Хиль был уверен, что он постарается пробраться поближе к границе Италии, но для этого беглецу следовало прежде всего покинуть пределы Венецианской республики, где каждый представитель

власти обязан помогать Ромеро. Бруно мог выбрать путь на север, юг или запад, потому что на востоке была Венеция.

Путь на север, в Швейцарию, шел вдоль Brentы, сначала по равнине, а от Бассано глубоким ущельем, где пробил себе путь река. И дальше – труднопроходимая горная страна с грозными хребтами и неизведанными ледниками. Вряд ли изберет этот путь Бруно.

Дорога на юг, в Феррару и Болонью, удобна, пролегает по густонаселенной равнине. Зато по третьему, западному пути, ведущему на Мантую, Кремону, Милан, быстрее доберешься до границы.

Через час к городским воротам двигалась группа конной полиции во главе с Ромеро и Кучильо. Хиль оказался неплохим наездником. Подоткнув полы мантии и отбросив на спину капюшон, он то и дело приподнимался на стременах, точно вот-вот мог увидеть убегающего врага. У западных ворот Ромеро остановился. Бросив караульным золотую монету, он хрипло спросил:

– Сегодня здесь проезжал маленький доминиканец с усиками и с большими голубыми глазами?

Начальник караула ответил:

– Был такой. Его сопровождали еще трое духовных. Вся компания на мулах, путь держали, как видно, на Монтеличе.

– Рано они здесь были?

– Едва открылись ворота.

– Я прав! – крикнул Хиль. – Они едут в Феррару или Мантую!

И он пришпорил коня. Был полдень. Беглецы выгадывали шесть часов. Бешеный монах мчался во всю прыть. Семь миль до Баттальи сделали за час. Короткая остановка на улице деревушки.

– Проезжали четверо на мулах?

– Их видели в час утра. Они не зашли в тратторию, хотя хозяин зазывал их.

Вперед, вперед!

Вот и Монтеличе, где дорога разделяется на две: одна к Ровиго и Ферраре, другая на Мантую. Расспросы показывают, что беглецы двинулись к Мантуе.

Вперед, вперед! Лошади хрипят, их крупы покрыты потом, а Хиль все скачет впереди кавалькады. Его догоняет полицейский офицер.

– Ваше преподобие, мы загоним лошадей!

– У святейшей инквизиции хватит золота купить новых!

Эсте. Позади осталось тринадцать миль. Лошади в мыле, две из них падают, одна придавила полицейского, его поднимают со сломанной ногой.

Небольшая передышка. Найден староста, с его помощью забирают у крестьян свежих лошадей.

Показались белые домики Монтаньяны, шестнадцать миль от Падуи. Разрыв во времени сократился на два часа.

Кучильо свирепо смеется, лицо Ромеро наливается кровью.

Вперед, вперед!

Стучат лошадиные копыта, подымая облака пыли, мелькают мимо домики, виноградники, шарахаются встречные пешеходы, грохочут мосты.

В Леньяго – двадцать семь миль позади – новая смена лошадей и дикая радость: беглецы выигрывают только два часа.

Еще час бешеной скачки, и вот Нагора. Здесь дорога снова делится надвое. Одна прямая, на Мантую, другая ведет направо, в Верону.

Солнце перешло далеко за полдень. Десять часов дня.

В деревушке пусто, только невдалеке от дороги старик пашет на быке землю. Хиль и Кучильо устремляются к нему.

– Именем инквизиции! – рычит Кучильо. – Здесь проезжали всадники на мулах. Куда они направились?

Старик оглядывает преследователей, в его тусклых глазах вспыхивает огонек.

– Туда! – Пахарь решительно машет рукой в сторону Вероны.

Вперед, вперед!

Развеваются полы черной мантии, как крылья огромного вампира, бьется сзади капюшон на ветру, яростный всадник стоит на стременах.

Дорога пустынна, не у кого спросить, когда проехали беглецы. После долгой скачки видят двух крестьян, они чинят мостик через ручей.

Давно ли?..

И, как удар грома, ответ:

– Здесь никто не проезжал с утра.

Их обманули!

Кипя злобой, Ромеро и Кучильо мчатся назад, а сбиры, обливаясь потом, теряя последние силы, молят Бога и Пресвятую Деву, чтобы их предводители сломали шеи.

Снова Негора. Где проклятый старик? Нет его, предусмотрительно скрылся, иначе висеть бы ему на придорожном кресте.

Вперед, вперед!

Гонимый чудовищной ненавистью, мчится Хиль Ромеро, шпоря коня. Осталось только три мили до Кастель д'Арно, а там граница герцогства Мантуя, там полномочия Ромеро теряют силу.

И вдруг за поворотом дороги показались четверо на мулах. Они!!

Свирепый рев вырывается из глотки Кучильо, и его слышат беглецы. Они изо всех сил подгоняют усталых мулов – до границы меньше мили.

Кучильо вырывается вперед, его конь бодрее других, бандит опережает Хиля на сто шагов, полицейских – на двести. Размахивая кинжалом, он мчится, нагоняя беглецов.

Юный богатырь, сделав остальным знак спасаться, загораживает дорогу.

Кучильо и Ченчо спрыгивают наземь. Ченчо выхватывает меч. Этот меч, взятый с рыцарской гробницы в храме Санта-Джустины, юноша получил от аббата Маринетти. Меч был велик и тяжел, но достойный племянник Алессо Ронка вертел им как тростинкой.

Все дальнейшее происходит в один миг. Бандит наносит юноше страшный удар в грудь, но кинжал отскакивает от кольчуги. Над головой Кучильо взвывается меч, блеснув в лучах заходящего солнца. Чернобородый атаман падает мертвым.

Хиль Ромеро, очутившийся ближе всех к месту боя, останавливает коня. К нему подъезжает полицейский офицер. Преследователи в замешательстве. Пока Ченчо бился с бандитом, Бруно успел оставить пределы Венецианской республики и уже находился в Мантуанском герцогстве. Чтобы арестовать беглеца в другом государстве, нужно разрешение властей, а тем временем Бруно, конечно, покинет и Мантую.

Хиль Ромеро с проклятием повернул коня.

Глава двенадцатая

Развязка

Большая группа путешественников спешила перебраться через Симплонский перевал, прежде чем его на зиму закроют снега. Этого можно было ожидать со дня на день, так как ноябрь шел к концу.

Купцов, воинов, бродячих ремесленников, дворян – всех сроднила трудная дорога, заставив на время забыть о сословных различиях. Мулы остались внизу – по узким тропкам, тянувшимся над страшными пропастями, по гребням хребтов можно было идти только пешком. И они шли, помогая друг другу, слабых

поддерживали сильные. Во главе растянувшейся колонны шли проводники-швейцарцы, без которых никто не сыскал бы дорогу в этом царстве снега и льда.

С путешественниками шли Джордано Бруно и его верный спутник Ченчо Альтовити. Многое пришлось им пережить с того памятного дня, когда Кучильо рухнул под мечом юного противника и беглецы перешли границу Мантуи. Это тогда Ченчо сказал: «У змеи вырвано жало».

Но Джордано возразил ему:

– Кучильо не стало, но жив Ромеро, а он опасней десятка, сотни Кучильо!

Еще укрываясь в храме Святой Джустины, Бруно решил уйти за границу. Только там, за пределами Италии, он почувствует себя в безопасности от преследований инквизиции.

На мантуанской заставе беглецы сердечно распрощались с причетниками Маринетти и хотели вернуть мулов.

– Мессер аббат дарит вам животных! – сказали причетники.

– Передайте ему за это мою вечную признательность! – отозвался Джордано.

Не задерживаясь в Мантуе и Кремоне, Бруно и его ученик проехали в Милан. И там случилось несчастье. Едва они прожили в гостинице два дня, как Джордано заболел перемежающейся лихорадкой. Вызванный лекарь сказал, что болезнь может затянуться надолго.

Жить в гостинице было дорого, да и опасно. Беглецы понимали, что Ромеро не прекратит погоню и добьется у миланских властей разрешения на арест Бруно. Надо было снова скрывать свой след. Ченчо оказался чрезвычайно деловитым для своих шестнадцати лет. Он целый день бегал по городу, а вечером явился в гостиницу и заявил хозяину, что увозит брата доминиканца в Турин, где у него есть друзья. И так как они поедут в почтовой карете, он может уступить синьору хозяину пару прекрасных мулов по сходной цене. Сделка состоялась, и в кармане Ченчо прибавилось несколько дукатов.

На рассвете следующего дня юноша отвел больного Бруно в запустелый дворец одного маркиза, расположенный на окраине города. Маркиз не жил в замке, предоставив его попечениям домоправительницы, полуглухой старушки, впрочем, бодрой и деятельной.

Ченчо рассказал синьоре Леонарде чувствительную историю о злобном епископе, преследующем и грозящем предать смерти молодого священника только за то, что тот превзошел его красноречием и святостью жизни. И синьора Леонарда поклялась именем Пресвятой Девы, что она спрячет гонимого и никому на свете не откроет, что он находится в замке ее господина. Джордано и Ченчо поселились в одной из дальних комнат, окна которой выходили во двор.

Болезнь приняла затяжной характер. Джордано лечила матушка Леонарда, которая оказалась неплохим знатоком целебных трав.

Ченчо обрек себя на добровольное заточение: он знал, что его приметы хорошо известны Хилю Ромеро. Провизию и все необходимое матушка Леонарда закупала на дальних рынках, где ее не знали.

Проходили месяцы. Состояние Джордано то улучшалось, то снова ухудшалось, и отправиться в дальний путь было нельзя.

Однажды старушка вернулась с рынка возбужденная.

– Видела Одноглазого! Ну и рожа! – без обиняков заявила она своим постояльцам.

В сочиненной им истории юноша отвел Хилю Ромеро роль главного шпиона епископа. Он описал наружность испанца, а душевные качества изобразил самыми черными красками, отнюдь не погрешив против истины.

– Вы его видели! Что же он делает, синьора Леонарда? – спросил Ченчо.

– Рыщет, как пес, нюхает, приглядывается, прислушивается, расспрашивает! Ну да ему так же не добраться до нашего Джордано, как черту не видать царствия небесного!

В последующие дни матушка Леонарда, толковая женщина, несмотря на глухоту, успела разузнать, что Ромеро побывал в гостинице, где останавливались Джордано и Ченчо, а потом исчез из города: как видно, сыщик инквизиции отправился в Турин разыскивать беглеца. Недели через две он снова появился в Милане, утомленный и раздраженный. Но опять скрылся.

К этому времени Джордано поправился настолько, что мог ходить. Чтобы набраться сил, он много гулял, но только в глухом дворе замка.

Наконец изгнанники покинули Милан. Купив мулов, они выехали на северо-запад, к южной оконечности Лаго-Маджоре. Петом западным берегом озера и долиной Точе беглецы проследовали к Симплону. Здесь уже скопилось много путешественников. Они всегда собирались большими группами, чтобы дешевле обходилась оплата проводников и чтобы легче было преодолевать дорожные трудности.

Путники давно пересекли снеговую линию. В разреженном воздухе дышалось с трудом. На севере, сияя вечными льдами, виднелись величавые вершины Юнгфрау и Финстераархорна. Удаленные на много миль, они в чистом воздухе гор казались совсем близкими.

Джордано, слабый после болезни, задерживал колонну и потому, пропустив всех путешественников, плелся позади, опираясь на крепкую руку Ченчо. Дорога шла в опасном месте, по карнизу горы, где внизу чернела пропасть, а сверху, на крутых склонах, лежал глубокий снег.

Проводники приказали путешественникам соблюдать величайшую тишину и беседовать только шепотом. Даже громкий разговор мог вызвать сотрясение воздуха, за которым последует снежный обвал.

Ченчо услышал позади шум и обернулся. На сердце у него похолодело: их догонял отряд сбиров во главе с Хилем Ромеро. Лукавый иезуит все-таки напал на след беглецов. Он пустился в погоню за Бруно через пять дней после его отъезда из Милана и сумел догнать его здесь, в мертвом, холодном царстве зимы.

– Маэстро, беда! – шепнул Ченчо. – За нами гонятся.

Они ускорили шаг. Преследователи приближались, махали руками, делая беглецам знак остановиться.

Джордано и Ченчо приблизились к повороту тропинки, который должен был скрыть их от врагов. От Хиля Ромеро уходили почести, высокое положение. И он не выдержал. Он заорал громовым голосом:

– Джордано Бруно, именем Бога приказываю вам остановиться!

И на голос испанца отозвались снега. Вверху началось легкое шуршание, перешедшее в свист, а потом в неистовый грохот. Снега двинулись на дерзких, осмелившихся нарушить их покой.

Ченчо одной рукой ухватился за выступ скалы, а другой прижал к себе Джордано. И сами Альпы не стояли крепче, чем Ченчо, в момент, когда на двух путников налетела лавина, стараясь сбить их с ног, оторвать от утеса. Но она захватила их только краем, главный удар пришелся на открытый участок тропы, где находились Хиль Ромеро и сбир.

И когда отшумели снега, над тропой вихрились ледяные кристаллики снега, сверкая на солнце...

Эпилог

Глава первая

При королевском дворе

В приемной короля Франции Генриха III Валуа было многолюдно. У стен огромной залы неподвижно стояла стража – наемные швейцарцы в красных кафтанах, с суровыми усатыми лицами, с алебардами в руках. Придворные, разбившись на кучки, сдержанно беседовали, обсуждая городские новости. Главной темой разговоров была быстро распространившаяся известность ученого-итальянца Джордано Бруно. Всего несколько месяцев прошло с того момента, когда этот философ появился в Париже, а уже вошел в милость к королю, и тот часто приглашает его для долгих бесед.

– Итальянцы с давних пор владеют искусством привораживать людей, – сказал маркиз д'Ориньи, сухощавый старик с длинными седыми усами. – Полагаю, что этот Бруно очаровал короля при помощи магии.

– Позвольте вам заметить со всей вежливостью, маркиз, что вы ошибаетесь, – возразил молодой граф де Шомон. – Его величество последнее время увлекается науками, а итальянский философ оказался весьма сведущим собеседником, я бы даже сказал – наставником.

К разговаривающим подошел стройный юноша, виконт де Гранмениль.

– Держу пари, что речь идет о Джордано Бруно! – весело воскликнул он.

– Вы угадали, виконт! – удивился маркиз д'Ориньи.

– Не так уж это было трудно, – улыбнулся де Гранмениль. – Я сейчас обошел всю приемную, и везде только и слышно: Бруно, Бруно, Бруно!..

– Да Джордано Бруно в большой моде в высшем обществе, – согласился граф де Шомон. – Ни один вечер, ни один прием не считается удачным, если его не почтит своим присутствием новоявленное светило науки. И, надо признаться, Бруно прославили по заслугам. Какая поразительная начитанность, какое умение найти в обыкновенном предмете совершенно неожиданную сторону, какая удивительная память!

– С этой памяти все и началось, – сказал виконт. – Мне удалось присутствовать на первой аудиенции, которую Бруно получил у его величества. Король спросил, правду ли говорят, что Бруно обязан своей памятью приемам магии. И наш ученый-итальянец разуверил его в этом. Он сказал, что существуют особые способы развития памяти, так называемое мнемоническое искусство, начало которому положил знаменитый Раймунд Луллий. А он, Бруно, только развивает идеи Луллия.

– А кстати, вот и сам он, чудо нашего века! – иронически промолвил маркиз д'Ориньи.

В залу вошел Джордано Бруно в сопровождении высокого молодого человека. Спутник Бруно нес сверток с книгами и рукописями. Поклонившись ближайшим придворным, Джордано и Ченчо отошли в свободный уголок залы и стали тихо разговаривать.

Четыре года прошло с тех пор, как Бруно покинул родину. Многое пришлось ему пережить за это время. В Женеве, где беглецы приютились на первое время, они зарабатывали на жизнь правкой корректур в типографии. В Женеве Бруно за резкое выступление в печати против видного протестантского проповедника подвергся унижительному наказанию. Его отлучили от церкви на две недели, посадили в тюрьму и во время церковных служб приводили в храм в одной рубашке, в цепях и железном ошейнике, ставили посреди церкви, и каждый прихожанин имел право бить Джордано и плевать ему в лицо.

Не мудрено, что, освободившись, Бруно немедленно покинул «свободную» Швейцарию и переехал на юг Франции, в Тулузу. В Тулузском университете была свободна кафедра философии. Но Бруно настолько решительно порвал с прошлым, что скрыл от начальства свой диплом римского доктора богословия.

Он заново защитил ученую степень магистра и занял по конкурсу должность профессора философии. Ченчо стал студентом университета.

Изгнанники жили скромно, но в достатке. И, однако, Джордано недолго пробыл в Тулузе. Он не мог помириться со схоластическим духом преподавания, выступал на диспутах, развивал те же положения астрономической науки, о которых говорилось в «Знамениях времени», и критиковал приверженцев устарелых и наивных библейских взглядов на строение Вселенной.

Вся реакционная часть профессуры дружно восстала против Джордано Бруно, и летом 1581 года ученый уехал в Париж.

В центре европейского просвещения Джордано Бруно впервые получил заслуженное признание. Он показал миру блестящую образованность, глубокое понимание философии, необычайные ораторские способности.

За один год Бруно издал в Париже несколько научных трудов. Не все они были написаны им за время пребывания ученого в столице Франции. Нет, он работал над ними, в Швейцарии и в Тулузе. Но только в Париже, когда Бруно получил большую известность, нашлись издатели этих книг.

Самое значительное произведение итальянского философа, увидевшее свет в 1581 году, была книга «О тенях идей», где Бруно излагал созданную им теорию познания. Этот труд автор посвятил королю Генриху III, а король в благодарность за это дал ему должность профессора в университете.

Слава, деньги, безопасность – казалось, чего еще недоставало Бруно? И, однако, он тосковал по своей родине, по прекрасной Италии...

Разговор Бруно и Ченчо прервал гофмаршал, звучно провозгласив:

– Его величество король просит высокоученого доктора и его ассистента пожаловать к нему в кабинет!

Глава вторая

В деревенском трактире

Прошло еще несколько лет. Прихотливая судьба бросала Бруно из страны в страну, из города в город.

Из Парижа Бруно переехал в Лондон. В Англии обстановка для работы оказалась совершенно неблагоприятной.

«В этом счастливом отечестве царствует созвездие упрямого невежества и самомнения, смешанного с деревенской невоспитанностью...»

Выступления Бруно на диспутах вызывали ярость богословов-схоластов, знаменитого ученого публично оскорбляли, называли бешеной собакой, попугаем и другими непристойными кличками. Правда, за два года пребывания в Англии Бруно выпустил несколько философских произведений, но его друзьям приходилось печатать их тайно, неправильно указывая на книге место, где она издана.

Джордано покинул Англию и вернулся в Париж. Но там ему удалось прожить недолго. Во Франции обострилась гражданская война, и королю Генриху III было не до покровительства иностранному ученому, который к тому же везде вызывал ненависть церковников.

Джордано отправился в Германию.

Вечные скитания Бруно имели свою ценную сторону. Переезжая из одной страны в другую, он всюду рассеивал семена новой мировоззрения, всюду оставлял горячих последователей, продолжавших его дело. Джордано Бруно был великим ученым и страстным борцом. Он не мог держать свои идеи при себе, он должен был нести их в народ. Бруно открыл эпоху великих битв за научную истину.

В Германии, казалось, нашелся спокойный уголок. Герцог Юлий Брауншвейгский, покровитель наук и искусств, один из немногих просвещенных государей в ту эпоху, пригласил Бруно в Хельмштедт.

Там, в единственном из германских университетов, где не господствовали церковники, Бруно провел последний спокойный год своей жизни. Но судьба, как

видно, решила отвернуться от итальянского философа. Герцог Юлий умер, и из университета, который он основал, развитию которого всячески способствовал, была изгнана свободная мысль.

Лютеранские богословы сразу припомнили Бруно его смелые высказывания о Боге, о Вселенной, о бесконечности. Главный пастор Хельмштедта отлучил Джордано от церкви, и благочестивые студенты перестали посещать лекции осужденного церковью профессора. Бруно лишился средств к жизни.

В те недолгие периоды своей жизни, когда Джордано имел хороший заработок, он никогда не копил денег. Отвергая советы домовитого Ченчо, Бруно раздавал золото нуждающимся студентам, безотказно давал займы коллегам, хотя и знал, что не получит долг. И вот в Хельмштедте вечный скиталец, потеряв заработок, оказался без денег.

Правда, Ченчо защитил в Хельмштедте ученую степень магистра, но никаких материальных благ изгнанникам это не дало. Ведь ученик разделял взгляды учителя и не мог рассчитывать на получение заработка в университете.

Хельмштедт пришлось покинуть. Единственное, что сделал для Бруно новый герцог, – это дал ему восемьдесят талеров за похвальное слово, которое сочинил Джордано в память покойного Юлия. После того как расплатились за квартиру, отдали долги мяснику, булочнику, денег осталось сущие пустяки. Бруно решил поехать во Франкфурт-на-Майне, крупнейший центр книгопечатания.

– Быть может, там издатели примут мои книги, – сказал он Ченчо.

Летом 1590 года вечные скитальцы опять отправились в путь. Их не обременял багаж. Немного платья, десяток любимых книг, законченные и незаконченные рукописи – все помещалось в издавшем виды дорожном сундучке.

Доехать до Франкфурта денег не хватило. Путники застряли в деревушке Блюменталь. Они жили там уже четыре дня. Погода выдалась скверная. Серое небо, сплошь покрытое тучами, надоедливый мелкий дождь, грязь на единственной улице деревни, грязь в общей комнате трактира, грязь в убогом номере... Тоска, тоска!

Не во сне ли видел он, Джордано, роскошные сады счастливой Кампаньи, великолепные дворцы и площади Флоренции, величавые памятники римской старины, дивный собор Святого Марка и каналы Венеции?.. А эти обширные, приемные дворцов Парижа и Лондона, где он, как равный, разговаривал с князьями и герцогами, где королевские особы воздавали должное его необыкновенной учености, – быть может, это только праздная игра воображения?..

Погода улучшилась, и можно было оставить Блюменталь.

– Ну что ж, Ченчо, – с напускной храбростью сказал Бруно, – дальше двинемся по апостольскому способу.

– Пешком? Я принимаю ваше предложение с одной поправкой.

– Что это значит?

– Я пойду один. Дойду я гораздо быстрее, чем вдвоем с вами, договорюсь с книгопродавцами, что-нибудь у них выпрошу и вернусь сюда.

После недолгого спора Бруно согласился, что план Ченчо более практичен.

– Смотри только, не попадись разбойникам, – предостерег Бруно молодого магистра.

Ченчо расхохотался:

– Уж как-нибудь отобьюсь! Да и что у меня можно отобрать?

– Прежде всего обратись к Жаку Обри, – напутствовал Ченчо профессор.

– Конечно, маэстро, я же знаю, что это ваш старый друг.

Ченчо ушел. На повороте улицы он обернулся и помахал рукой другу. Джордано долго еще стоял на дороге.

Бруно старался занять свое время, которое текло невыносимо медленно. Он читал и правил рукописи, пытался писать новое, но мысли неотвязно неслись к

Ченчо. Где-то теперь шагает его милый спутник, его единственный друг, которого за долгие годы скитаний Джордано полюбил, как родного сына?

«Ченчо силен, отважен, находчив, – говорил про себя Бруно, – и все же одинокому путнику грозит много опасностей на дорогах Германии... как, впрочем, и всякой другой страны», – ради справедливости добавил Джордано, вспомнив, как он с Алессо путешествовал во Флоренцию.

Через два дня после ухода Ченчо пришлось отдать за обед последнюю монету и просить хозяина повременить несколько дней с получением платы за ночлег и пищу. Рослый широколицый Ганс Хюблер отверг просьбу постояльца.

– Я не верю чужестранцам, – заявил он. – В прошлом году один француз жил у меня в кредит целую неделю, а потом удрал, не заплатив ни пфеннига, да еще стащил у меня с чердака окорок!

Бруно, улыбаясь, заверил хозяина, что не собирается воровать у него окорока, и Хюблер ушел, ворча.

Отношение к несостоятельному жильцу резко ухудшилось. Слуги подавали ему в последнюю очередь и самые плохие, остывшие кушанья. Они издевались над чужестранцем, который живет за счет честного немецкого бюргера, и еще неизвестно, заплатит или нет.

Бруно, все такой же стройный, не согнувшийся с годами, выслушивал насмешки в гордом молчании и только ниже опускал голову над столом.

Наконец терпение Хюблера кончилось. Войдя в комнату постояльца, он грубо сказал:

– Послушай ты, чужестранец! Если завтра к вечеру не заплатишь мне долг, тебя посадят в долговую тюрьму, я уже договорился со старостой!

– Напрасно вы так беспокоитесь, – ответил Бруно. – Если даже мой ученик не вернется, я смогу расплатиться с вами. Вот мои рукописи, они имеют цену...

– Ха, бумажный хлам! – Трактирщик окинул презрительным взглядом рукописи, разложенные на столе. – Кому это нужно?!

На седьмой день после ухода Ченчо Джордано не получил ни завтрака, ни обеда.

– Тебя досыта накормят в тюрьме, куда ты пойдешь вечером! – издевался Хюблер.

Близился час ареста, когда в трактир ворвался Ченчо, веселый, оживленный.

– Сто дукатов, маэстро, сто дукатов! – вскричал он, размахивая кошельком. – Я иду нанимать подводу, а вы укладывайте вещи!

Ганс Хюблер подошел с извинениями, низко кланялся. Бруно отвернулся от него.

В тот же вечер изгнанники покинули Блюменталь в тряской телеге, запряженной неуклюжей деревенской лошадейкой.

Глава третья

На родину!

Странствуя по Германии, Бруно, точно под действием какой-то магнетической силы, спускался к югу, поближе к родимой стороне. Он читал лекции в Виттенберге, печатал книги во Франкфурте-на-Майне, преподавал в Хельмштедте, – а сердце тянулось к Италии...

Жгучая тоска по родине, по дорогой сердцу Кампанье и грандиозному видению Везувия, заставляла его писать:

«Нола, милая Нола! Твои мирты и виноградники, теплый запах козьего молока и пахучих трав твоих лугов, когда вернусь я к вам?..»

И в 1592 году Джордано принял приглашение венецианского патриция Джованни Мочениго стать его наставником, развить память, научить хотя бы основам наук, которые знал великий энциклопедист.

Не хорошее жалованье, не богатая комната во дворце Мочениго, не обильный стол привлекли Бруно в Венецию. Нет, он снова хотел проплыть по ее каналам, пройти по мраморным площадям, посетить типографию, где в дни его молодости печаталась первая и потому самая дорогая сердцу книга «Знамения времени».

Воздух родины! Что может быть слаще для изгнанника, который не дышал им почти полтора десятка лет. Но этот воздух оказался отравленным.

17 февраля 1600 года Джордано Бруно взошел на костер – и в бессмертие.

Ссылки

[1] В 1442 году Неаполь попал под власть арагонского короля. Позднее, в 1479 году, два государства, существовавшие на территории Пиренейского полуострова, Арагон и Кастилия, объединились под названием королевства Испания. Неаполь оставался в подчинении у испанцев до 1701 года и управлялся вице-королем, которого назначал испанский монарх.

[2] Пиния – итальянская сосна.

[3] Патрон – покровитель.

[4] Патриций – человек знатного рода, представитель высшего круга общества.

[5] Неаполитанская миля равнялась 2 километрам 226 метрам.

[6] Альфьери (ит.) – знаменосец полка.

[7] Сер (ит.) – обращение, к гражданам среднего сословия соответствовало старинному русскому «сударь».

[8] Данте Алигьери (1265–1321) – уроженец Флоренции, величайший итальянский поэт, автор поэмы «Божественная комедия».

[9] Вергилий (70–19 гг. до н. э.) – известный римский поэт. В средние века итальянцы считали, что он был наделен пророческим даром, и чтили его наравне с христианскими святыми.

[10] Сонет – стихотворение из четырнадцати строк, где рифмы чередуются определенным образом.

[11] Терцина – особый вид стихотворной строфы, состоящей из трех строк.

[12] Так называли Данте итальянцы.

[13] В 1545 году.

[14] Дукат – золотая монета в Италии XVI века.

[15] В 1548 году.

[16] Город Рим был столицей Папской области, он назывался Вечным городом.

[17] Пикинер – воин, вооруженный пикой, копьеносец.

[18] Тиранами назывались единоличные правители в городах-республиках Италии в XIII–XVI веках.

[19] Духовник – религиозный наставник, которому верующие открывают свои грехи на исповеди.

[20] Кампаньей (от итальянского *campana* – поле, сельская местность) называется область Южной Италии, окружающая Неаполь. Часто эту местность называли Счастливой Кампаньей.

[21] Так называли в средние века в Западной Европе Большую Медведицу.

[22] В Собачьей пещере близ Неаполя из расщелин в почве выходит углекислый газ. Собака, оставленная на полу пещеры, задыхается, так как углекислота не годится для дыхания.

[23] Кианти – сорт виноградного вина.

- [24] Итальянские крестьяне разводили съедобных улиток в хорошо удобренной почве.
- [25] Сольдо – итальянская медная монета.
- [26] Индульгенция – папская грамота о прощении грехов. Продажа индульгенций приносила римским папам огромные доходы.
- [27] Чистилище – по представлению верующих католиков, промежуточная ступень между адом и раем
- [28] Святейшая инквизиция – духовное судилище, беспощадно каравшее за малейшие отклонения от католического вероучения. Инквизиция была утверждена в XIII веке и широко распространилась в католических странах Европы.
- [29] В средние века курс учения в школах состоял из так называемых «семи свободных искусств». Первый круг – грамматика, риторика и диалектика – составлял тривиум (по-латыни – трехпутье). Далее шел квадривиум (перекресток) – арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Все эти науки были поставлены на службу богословию, так что общий характер образования был религиозный.
- [30] Прелат – высшее духовное лицо в католической церкви, духовный сановник (кардинал, епископ, настоятель крупного монастыря).
- [31] Neapolis – по-гречески означает Новый город.
- [32] Аркебуза – старинное фитильное ружье, заряжавшееся с дула.
- [33] По учению христианской церкви после конца мира наступит так называемый Страшный суд, когда Бог станет судить людей. «Праведники» пойдут в рай, а «грешники» – в ад.
- [34] Итальянский локоть равнялся 58 сантиметрам.
- [35] Дортуар (фр.) – спальня.
- [36] Сутана – верхняя длинная одежда католических духовных лиц.
- [37] Аверса – городок к северу от Неаполя.
- [38] Санта-Лючия – Святая Лючия.
- [39] Мурена – рыба из семейства угрей. Достигает веса 6 килограммов и длины до 1,5 метра. Мясо мурены очень вкусно. По преданию, в Древнем Риме богачи откармливали помещенных в бассейн мурен мясом рабов, которых живыми бросали в воду.
- [40] Али сын Али, сына Мухамеда (араб.).
- [41] Кватрино – мелкая медная монетка.
- [42] Паперть – церковное крыльцо.
- [43] Браво (ит.) – наемный убийца.
- [44] В старину менялами называли купцов, которые за определенное вознаграждение меняли крупные монеты на мелочь или обменивали иностранные деньги на местные.
- [45] Матрикул – список учащихся.
- [46] Капелла – часовня или небольшое помещение, где совершались церковные службы.
- [47] Алтарь – самая важная часть храма, где находится так называемый «престол» со «святыми дарами» – хлебом и вином, будто бы таинственно превращающимися во время богослужения в «тело и кровь Христовы». Алтарь всегда занимает восточную часть храма.
- [48] Бенедикат Деус (лат.) – благословен Бог.
- [49] Месса – главная церковная служба, католическая обедня.
- [50] Лицензиат (от латинского слова «лиценция» – разрешение) – лицо, имеющее ученую степень и получившее разрешение преподавать в школе.
- [51] Тонзура – кружок, пробритый на макушке головы.
- [52] Арма (лат.) – оружие.
- [53] Кантор (от латинского «канто» – пою) – учитель пения.

- [54] Виола – старинный смычковый инструмент, нечто среднее между виолончелью и гитарой.
- [55] Псалом – церковное песнопение.
- [56] Патер ностер (лат.) – «Отче наш», одна из самых распространенных молитв.
- [57] Маэстро (ит.) – учитель.
- [58] Монахам запрещалось есть мясную пищу.
- [59] Падре (ит.) – патер, священник.
- [60] Гомер – легендарный поэт Древней Греции. Его считают автором бессмертных поэм «Илиада» и «Одиссея» Фукидид (около 460–400 до н. э.) – древнегреческий историк. Эсхил (525–456 до н. э.) – древнегреческий драматург.
- [61] Канон (греч.) – правило, образец.
- [62] Рабан Мавр – известный ученый, живший в IX веке нашей эры. Александр из Вилладье (умер около 1240 г.) написал «Доктринале» – употребительный учебник латинской грамматики в виде поэмы из двенадцати книг. Стихотворные правила книги полагалось заучивать наизусть.
- [63] Палаццо (ит.) – дворец.
- [64] Николай Коперник (1473–1543) – великий польский астроном, создавший гелиоцентрическую систему мира, где центром мироздания является Солнце (по-гречески Гелиос).
- [65] Птолемей – древнегреческий астроном, живший во II веке нашей эры. Создал так называемую геоцентрическую систему мира, где центром Вселенной является неподвижная Земля.
- [66] Лоджия – помещение, составляющее часть здания, у которого наружная стена заменяется открытой колоннадой или арками.
- [67] Елезар, сын Давида (евр.).
- [68] Гильдия – объединение купцов.
- [69] Кайвано – городок в Кампанье.
- [70] Абак – счетный прибор, нечто вроде русских счетов.
- [71] Слово «банкир» произошло от итальянского «банка» – стол. Банкиры средних веков сидели на улице за столом, меняли деньги производили платежи по поручению купцов, принимали переводы из других стран, давали деньги под залог. Впоследствии финансово-кредитными операциями стали заниматься учреждения – банки.
- [72] Фолиант – объемистая книга большого формата.
- [73] Соверен – английская золотая монета, содержащая около 15 граммов чистого золота.
- [74] Орден доминиканских монахов был основан в 1215 году для борьбы с многочисленными ересями, распространившимися в ту эпоху. Получил свое название по имени основателя, монаха Доминико.
- [75] Назарянами евреи называли христиан. Это слово имело оскорбительный характер.
- [76] Коллектор – в данном случае сборщик подати для римского папы.
- [77] Подеста – градоначальник.
- [78] Булла – грамота, указ.
- [79] Рост (старин.) – проценты, получаемые с денежной суммы, данной в займы.
- [80] Мессер (ит.) – обращение к высокопоставленному лицу, светскому или духовному.
- [81] Золотые монеты разных европейских стран.
- [82] Герольд – глашатай, распорядитель торжественных церемоний.
- [83] Реб – учитель, обращение к уважаемому еврею.
- [84] Иегова – так евреи называли Бога.

[85] Сан-Дженнаро (святой Януарий) – епископ города Беневента, был замучен язычниками в 305 году. По преданию, кровь его собрали верующие, и она будто бы нетленно сохранялась в течение веков. Память Дженнаро празднуется 19 сентября.

[86] Стихарь – род церковного одеяния.

[87] Хоры – балкон, где помещается хор церковных певчих.

[88] Алхимики мечтали превратить железо, медь и другие металлы в золото и для этого делали множество опытов. Случайно им удавалось совершать важные открытия.

[89] Клирики – церковнослужители.

[90] Амвон – возвышенная площадка перед алтарем.

[91] Митра – головной убор высшего духовенства.

[92] Мараны – испанские евреи, принявшие христианство под угрозой изгнания или смерти. Многие из них тайно продолжали придерживаться еврейской религии.

[93] Ритуал – порядок, обычай.

[94] Матрона – так называли замужних женщин в Италии.

[95] Евреев часто называли иудиним племенем по имени Иуды, одного из их родоначальников.

[96] Синагога – молитвенный дом у евреев.

[97] По библейскому преданию, Авраам хотел убить своего сына Исаака в жертву Богу. Силач Самсон, взятый в плен врагами, разрушил дом, куда его привели, чтобы поиздеваться над ним.

[98] Коммуна – городская община в средневековой Италии.

[99] Статуя «Персей» стояла во Флоренции перед дворцом герцога. Ее создал знаменитый Бенvenuto Челлини (1500–1571), ювелир и скульптор.

[100] Мадригал – стихотворение, в котором восхваляется возлюбленная.

[101] Траттория (ит.) – трактир, ресторан.

[102] В те времена Неаполь и Сицилия объединялись в королевство Обеих Сицилии.

[103] Тоскана – область, главным городом которой была Флоренция.

[104] Каstellан (ит.) – комендант.

[105] Экзекутор – городской прокурор в средневековой Италии.

[106] Хоругвь – церковное знамя с изображением святого.

[107] «Аве Мария» – молитва, обращенная к Богородице.

[108] «Символ веры» – краткое изложение догматов христианской религии.

[109] Альбигойцы отрицали таинства, троичность божества, ад, чистилище... Католическая церковь вела ожесточенную борьбу с альбигойцами в XII–XIV веках.

[110] Доминус (лат.) – господин, Бог; канис (лат.) – собака.

[111] «Номина сунт одиоза» – латинская пословица: «Об именах не говорят».

[112] Капитул – общее собрание монахов.

[113] Приор – помощник аббата. Ключарь ведал хозяйством.

[114] Новиций – послушник, человек, готовящийся принять монашеское звание.

[115] Монастырские школы разделялись на внешние и внутренние. Во внутренних школах обучались те, кто предназначал себя к монашеству. Во внешних школах обучение носило более светский характер.

[116] Циркатор – монах, наблюдавший за порядком в монастыре.

[117] Иерархия (греч.) – последовательное расположение чинов или званий.

[118] Официальное название ордена иезуитов. Орден иезуитов был основан Игнатием Лойолой в 1534 году и утвержден папой в 1530 году.

[119] Фома Аквинский (1225–1274) – один из величайших авторитетов по богословию в средние века. Его труды обязательно изучались на богословских факультетах.

[120] В те времена диалектику рассматривали в основном как искусство спорить.

[121] Наваха – длинный складной испанский нож.

[122] Тиара – головной убор папы.

[123] Органист – музыкант, играющий на органе. Орган – духовой музыкальный инструмент больших размеров, в трубы которого нагнетается воздух при помощи мехов.

[124] По библейскому преданию, бог обещал не предавать гибели город Содом за грехи его жителей, если среди них найдется несколько праведников.

[125] Лакрима кристи (лат.) – слеза Христова, сорт вина.

[126] Клавдий Птолемей (II век) – знаменитый древнегреческий ученый, завершивший создание геоцентрической системы мира («Геос» – по-гречески «Земля»). Эта система господствовала в науке почти полтора тысячелетия и была признана церковью. По учению Птолемея, Земля находится в центре Вселенной, вокруг нее вращаются планеты, Солнце, звезды.

[127] Гиппарх (II в. до н. э.) составил перечень самых ярких звезд с указанием их положения на небе.

[128] Аристарх Самосский (конец IV – первая половина III в. до н. э.) – выдающийся древнегреческий астроном, один из предшественников Коперника.

[129] Лука Синьорелли – художник эпохи Возрождения (родился в середине XV века, умер в 1523 году).

[130] Бернардино Телезио (1509–1588) – один из известнейших итальянских гуманистов.

[131] Карл V (1500–1558) – император Священной Римской империи, он же испанский король.

[132] Джироламо Фракасторо (1478–1538).

[133] 'Либри прохибициони (лат.) – запрещенные книги.

[134] Джон Уиклиф (1320–1384) – английский религиозный реформатор, один из первых по времени противников папства. Ян Гус (1369–1415) – сын чешского крестьянина, страстный борец против немецкого засилья и католицизма. Сожжен по приговору церковников как еретик. Мартин Литер (1483–1546) – основатель лютеранской религии, получившей широкое распространение в Средней Европе. Филипп Меланхтон (1497–1560) – немецкий богослов, ближайший сподвижник и продолжатель дела Лютера. Жан Кальвин (1509–1564) – родом француз, крупный деятель Реформации, основатель кальвинистского вероучения. Во Франции его последователи были известны под именем гугенотов. Эти и многие другие протестантские вероучители бичевали пороки католического духовенства, отвергали духовную власть римского папы, отрицали таинства, иконы, поклонение святым и т. п.

[135] Это произошло в 1534 году.

[136] 1419–1434 годы.

[137] В первый раз это сочинение было издано в 1536 году в Базеле на латинском языке.

[138] «Институцио религионис христианэ» – наставление в христианской религии.

[139] Распятие – статуэтка, изображающая Христа, пригвожденного к кресту.

[140] Скарбница – место хранения ценностей, кладовая.

[141] Монсеньер – обращение к представителям высшего католического духовенства.

[142] Прокуратор – наместник, которому принадлежала в стране высшая власть над членами ордена.

[143] 31 октября 1517 года Лютер опубликовал в городе Виттенберге 95 тезисов против торговли индульгенциями и других злоупотреблений папы и католического духовенства.

[144] Индекс – список, указатель.

[145] Римская курия – верховное управление католической церковью.

[146] Степень магистра, присуждавшуюся университетом, не следует смешивать с гораздо более низким званием магистра семи свободных искусств, которое давалось после изучения наук тривиума и квадривиума.

[147] Субдиакон – помощник диакона, первый духовный сан.

[148] Около 400 километров.

[149] Консулы цеха – его выборные старшины.

[150] Фиат (лат.) – «да будет», выражение согласия.

[151] Викарий – заместитель.

[152] Данте принимал участие в политической борьбе. Когда его партия потерпела поражение, великий поэт принужден был покинуть родной город (в 1302 году). Изгнание Данте продолжалось до самой его смерти, последовавшей в 1321 году.

[153] По итальянскому счету времени это соответствовало семи часам вечера.

[154] Фузолера (ит.) – большая плоскодонная лодка.

[155] Марино-ди-Пиза – порт при впадении Арно в море.

[156] Клеврет – чей-либо приверженец, приспешник. Это слово имеет презрительный оттенок.

[157] Впоследствии степень бакалавра стала ниже степени магистра.

[158] Николай родом из деревни Куза в Германии (1401–1464) – видный ученый и философ эпохи раннего Возрождения.

[159] Николаи Коперници Ториненсис (лат.) – Николая Коперника Торнского.

[160] В старину книгами назывались части большого сочинения.

[161] Базель – город на севере Швейцарии.

[162] По учению Птолемея, Солнце входило в число планет.

[163] На самом деле это расстояние раз в двадцать больше.

[164] Расстояние до ближайшей звезды а-Центавра в 260 тысяч раз больше расстояния Земли от Солнца и равно 40 миллиардам километров (миллиард равен миллиону миллионов).

[165] Алькор и Мицар – двойная звезда в созвездии Большой Медведицы. Для людей со слабым зрением обе звезды сливаются в одну.

[166] Новициус эс (лат.) – ты – послушник.

[167] Скапулярий – мантия с наплечной накидкой.

[168] Миро – ароматическое растительное масло, освящаемое епископом при соблюдении особых церемоний.

[169] Каноник – в средние века священник, не отправлявший церковных служб и занимавшийся административными делами. Должность каноника была почетной и выгодной.

[170] Гебраист – знаток древнееврейского языка.

[171] Кентавр Хирон – полубог, мудрец, сын Зевса, воспитатель многих мифических героев – Ахиллеса, Патрокла, Язона и других.

[172] Цербер – мифический трехглавый пес, охранявший выход из ада.

[173] Члены ордена иезуитов разделялись на шесть классов, «Духовные кандидаты» составляли четвертый класс. Стать «духовным кандидатом» можно было только после десятилетнего испытательного срока.

[174] Хвалебный возглас (греч.)

[175] Сбиры – полицейские.

[176] Испанец Мигель Сервет (1511–1553) – был осужден как еретик и сожжен в Женеве.

[177] Урби эт орби (лат.) – городу и миру. Под городом подразумевался Рим, мир был остальное.

[178] Сикофант (греч.) – шпион, доносчик.

[179] «Ад майорем дэи глориа» (лат.) – «Для вящей славы Божией» – официальный лозунг святейшей инквизиции.

[180] Великий магистр – глава ордена.

[181] Ноли – город на побережье Лигурийского моря к западу от Генуи.

[182] Пьемонт – в ту эпоху часть Савойского герцогства. Столицей Савойи был Турин.

[183] Пилигримы – богомольцы.

[184] Марк – по легенде один из четырех евангелистов, описавших жизнь Христа. На иконах изображался с ручным львом.

[185] Квадрант – старинный астрономический угломерный инструмент для определения высоты небесных светил над горизонтом и угловых расстояний между светилами.

[186] Рэтик – псевдоним Георга Иоахима фон Лаухена (1514–1576), немецкого астронома и математика.

[187] Торжествующий зверь – мифический образ чудовища, которое будто бы появится в день Страшного суда. Бруно впоследствии не раз возвращался к этому сравнению и даже написал книгу против католицизма, которую назвал «Изгнание торжествующего зверя».

[188] Джакомо Забарелла (1533–1589) – выдающийся итальянский философ-материалист эпохи Возрождения.

[189] Храм Санта-Джустина был построен в 1521–1533 годах.

[190] В старину люди думали, что змея вонзает в тело человека свое жало (язык) и через него впускает яд.

[191] Семь часов утра по нашему счету времени.

[192] Четыре часа пополудни по нашему счету.

[193] Генрих III Валуа (1551–1589).

[194] Мнемоника – искусство запоминания. Она представляет совокупность правил и приемов, позволяющих запоминать имена, числа, даты. Для этого применяются различные искусственные способы, связывающие сведения, которые нужно запомнить, с другими, легко укладываемыми в памяти.

[195] Бруно Дж. «Пир на пепле».

[196] Хельмштедт – город в Северной Германии, в те времена входил в состав Брауншвейгского герцогства.